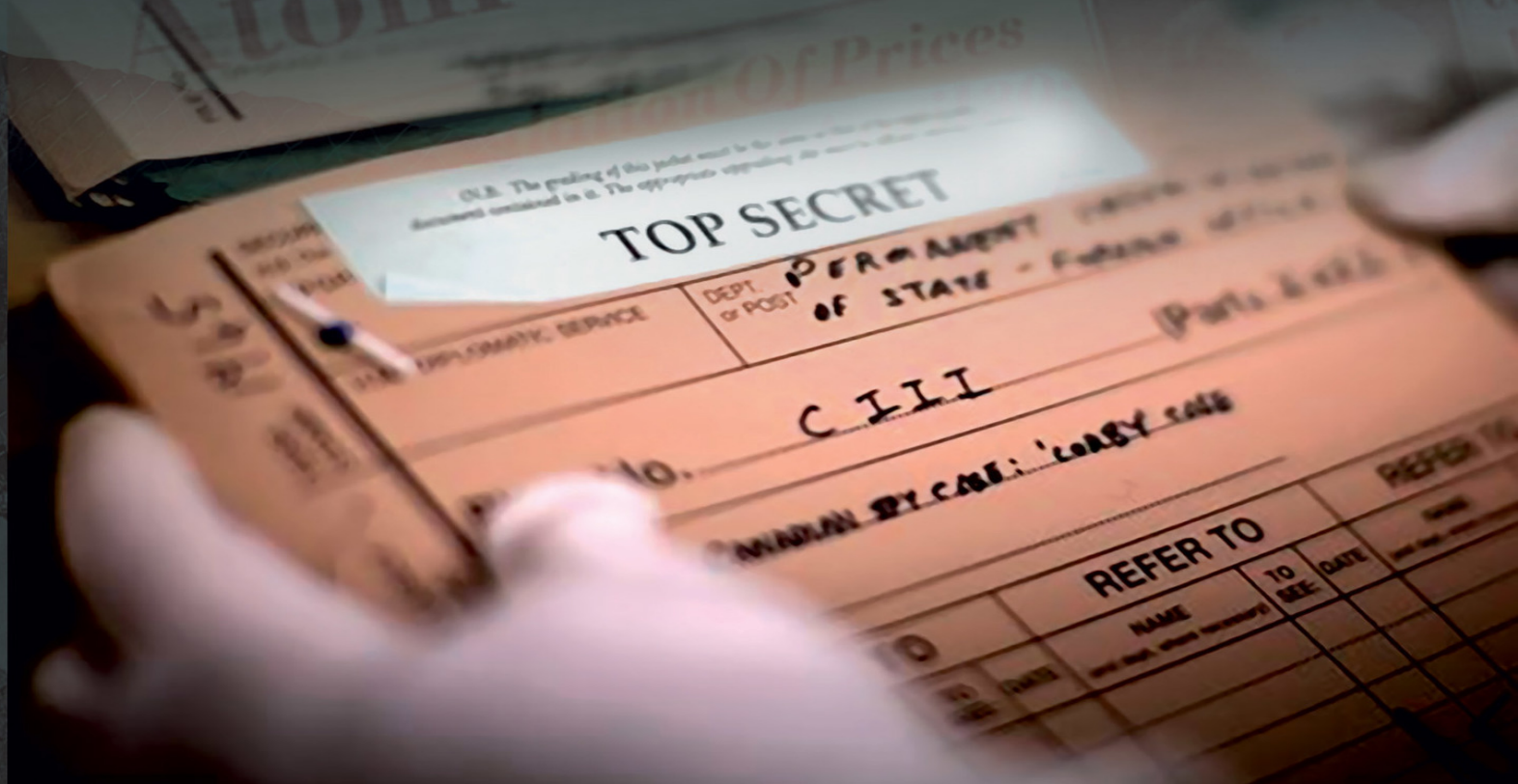

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА

ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ

**ГРУ ПРОТИВ
МИ-5 И ФБР**

СКАНДАЛ-63

Геннадий Соколов
ГРУ против МИ-5 и ФБР. Скандал-63

*100-летию советской военной разведки
посвящается*

Нет для короны большего урона,
Чем с кем-нибудь случайно
переспать.
Вот почему обречена корона;
Республика же может устоять
Как некая античная колонна.

Иосиф Бродский

От автора

Этой истории уже более полувека, тем не менее она, увы, засекречена до сих пор. В Великобритании до конца XXI столетия грифованные материалы по делу Профьюмо не будут преданы гласности. Их держат под спудом и в заморских архивах, и в наших. В итоге мало кто знает, что же все-таки на самом деле произошло в 1963 году в рамках пресловутого дела британского военного министра Джона Профьюмо.

Вот уже три десятка лет, несмотря ни на что, я пытаюсь разобраться в хитросплетениях «Скандала-63». И кое в чем на этом поприще все-таки преуспел.

Эта книга особенная. На ее страницах изложены не только наиболее значимые факты «скандала века» и «русского следа» в нем, но и впервые показаны его не только явные, но и тайные персонажи, а также места событий, исторические документы и фотоматериалы той поры. Их сотни, и они – в цвете или монохроме – выложены на страницах данной книги.

Надеюсь, богато иллюстрированный рассказ о секретах «скандала века» заинтересует читателей не меньше, чем он волнует уже столько лет автора этих строк.

Глава 1

Кутузовец

В мартовской Москве 1960 года бушевали снегопады. Зима не хотела отступать. Неделями в воздухе кружили огромные, величиной со сливу, снежинки. Белый ковер накрыл весь город.

С утра у здания Генерального штаба Советской армии на улице Фрунзе (нынешняя Знаменка) звучал непрекращающийся скрежет лопат. Дежурные солдаты усердно расчищали выпавший за ночь снег.

В кабинете начальника 2-го Управления ГРУ генерал-майора Алексея Андреевича Коновалова стоял навытяжку капитан 3 ранга Евгений Михайлович Иванов. Руководитель английского направления капитан 1 ранга Иевлев представлял его по случаю командирования в Великобританию на должность помощника военно-морского атташе.

Церемония была недолгой. Прощальное рукопожатие, напутственные слова и... в добрый путь!

Дома все вещи в дорогу уже были собраны. Жена волновалась, не отменят ли рейс. Но снегопад прекратился, как на заказ, перед самым вылетом рейсового Ту-104 Москва-Лондон.

Аэропорт Хитроу приветствовал военного дипломата-разведчика и его супругу запахами весны. Пара прибывших в Лондон москвичей почувствовала его даже в бензиновом городском смраде.

Чету Ивановых встретила посольская машина. Водитель отвез их к новому месту жительства – в небольшой трехэтажный викторианской поры особнячок неподалеку от Холланд-парка, на юго-западе столицы, в пяти минутах ходьбы от советского посольства. В этом доме на втором этаже им была выделена скромная двухкомнатная квартира.

Офицер ГРУ ГШ Евгений Иванов и его супруга Майя Горкина (1959 г.)

Всю дорогу из Хитроу, не привлекая внимания, посольский автомобиль сопровождала машина британской контрразведки МИ-5. Вновь прибывших уже ждали. И не только их коллеги по работе.

Еще осенью, когда в посольство Великобритании в Москве поступил запрос на въездную дипломатическую визу для Евгения Иванова и его жены Майи Горкиной, секретная служба Ее Величества

«озаботилась» кандидатурой нового потенциального сотрудника советского военного атташата в Лондоне.

Он к тому времени им был уже достаточно известен, хотя в Англии ни разу не был. Зато о нем еще с середины 50-х было информировано британское посольство в Осло от своих норвежских коллег. Пять лет – с 1953 по 1958 год – чету Ивановых старались держать в поле зрения «топтуны» из норвежской контрразведки ПОТ – «Politiets Overvakningstjeneste. POT». И кое-какой информацией они охотно делились со своими британскими друзьями по оружию.

ПОТ было создано в 1936 году, и в переводе на русский язык это сокращение означает «Полицейское агентство наблюдения».

Во время Второй мировой войны вслед за королем Хоконом VII многие сотрудники норвежских спецслужб оказались в изгнании на британских островах. Они активно сотрудничали с американским Управлением стратегических служб, УСС, и английским Управлением специальных операций – СОЕ. После войны ПОТ многое заимствовало в своей работе из опыта контрразведывательных служб США и Великобритании. Со слежкой агентов ПОТ Иванову в своей работе приходилось сталкиваться постоянно. Но и он досаждал их постоянными поездками по стране.

Купленное Ивановым в Осло американское авто было последней модификацией известного бренда и именовалось «Понтиаком Каталиной». Его 120-сильный 6-цилиндровый двигатель позволял проезжать за час до 150 км. Для того времени – скорость на северных дорогах почти гоночная.

Автомобиль этот на горе парням из ПОТа был надежен и хорошо управляем. Для Иванова «Понтиак» стал отличным подспорьем в работе, хотя и обошелся посольской бухгалтерии, что называется, в копеечку.

Единственным, но необходимым дополнением, которое Евгений Михайлович внес в его конструкцию, стала увесистая каменная плита, уложенная им в багажник автомобиля для лучшего сцепления задних несущих колес с дорогой, нередко покрытой, особенно в северной Норвегии, и снегом, и льдом.

Машина в итоге получилась с приподнятым носом. Но была в советской колонии по своим ходовым качествам и надежности одной из лучших. Скоростная, приемистая, она не раз помогала Евгению

Михайловичу уходить от преследования.

Евгений Иванов и его «Понтиак Каталина» на дороге к Осло (1954 г.)

Кроме кратких анкетных данных и информации об официальных контактах помощника военно-морского атташе СССР в Осло у норвежской контрразведки на Иванова практически ничего не было. Советский военный дипломат за пять лет службы в королевстве фиордов не засветился ни разу. Хотя добился в своей работе немало.

Об этом хотя бы коротко нельзя не рассказать, прежде чем погружаться в пучину его британских дел.

Иванов был кадровым офицером военно-морского флота СССР и советской военной разведки.

За его плечами было два высших образования. Первый «ромб» он получил в 1947 году, закончив с красным дипломом Тихоокеанское высшее военно-морское училище. После чего был определен служить в славный город Одессу на флагман Черноморской эскадры, линкор «Севастополь», командиром группы управления главного калибра линейного корабля.

Иванов был рад попасть на флагман Черноморского флота. Ему хотелось быть именно морским артиллеристом. С пушками, полагал

он, интересней дело иметь, чем со штабной картой. Своим ребятам на линкоре молодой морской командир, не стесняясь, без ложной скромности говорил следующее:

– Вы все здесь работаете на меня, чтобы мои двенадцать стволов по морю катать.

На первых же учениях, в которых был задействован линкор, старший лейтенант Евгений Иванов положил все снаряды главного калибра точно в цель и занял первое место среди морских артиллеристов Черноморской эскадры.

Второй «ромб» украсил его китель в 1953 по окончании Академии Советской армии – альма-матер военной разведки страны.

Неопределенное название этой академии стало притчей во языцех. По идее оно должно было закамуфлировать истинное предназначение вуза. На деле же эффект получался обратный. Необычное название само по себе указывало на особый характер академии, её принадлежность к военной разведке. Главное разведывательное управление Генерального штаба Советской армии было создателем этой элитной академии и полностью контролировало её работу, внимательно и скрупулезно присматриваясь к каждому из слушателей. Руководитель академии числился одновременно и заместителем начальника ГРУ ГШ.

Вся работа Академии Советской Армии была строжайше засекречена. Её выпускники становились кадровыми разведчиками легальных и нелегальных резидентур ГРУ за рубежом, руководящими работниками разведывательных служб в действующих частях регулярной армии, авиации и флота, а также сотрудниками центрального аппарата Главного разведывательного управления.

Данные об учебе и вузовских «ромбах» Иванова, возможно, и были известны британской или норвежской контрразведкам. Однако информация о происхождении их «подопечного» и его родственных связях никак не могла быть им известна. Ее, впрочем, как ни странно, полностью не знали даже в Центре – штаб-квартире ГРУ ГШ.

По материнской линии Иванов был выходцем из дворян. В советские годы (по понятным причинам) факт этот тщательно скрывался семьей Ивановых, дабы избежать возможного ареста потенциальных «врагов народа».

Мамой будущего именитого разведчика была Мария Леонидовна Каурова – дворянка из древней графской фамилии Голенищевых-Кутузовых. Той самой, к которой принадлежал ее знаменитый родственник – фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов, волею императора Александра I возглавивший русскую армию в войне 1812 года с французами и разгромивший напавшие на Россию войска Наполеона Бонапарта.

Мария Леонидовна была ровесницей грозового двадцатого века, так что ей недолго пришлось пожить во дворянстве. Октябрьская революция 17-го года лишила ее дворянских привилегий. Да кроме того, оставила ее, совсем еще юную девушку, не только без родителей, но и без каких-либо средств к существованию. Советская власть вела решительный бой с дворянством. Так что Марии Леонидовне Кауровой с молодых лет пришлось на себе испытать, что такое и холод, и голод.

Если бы она не отважилась тогда изменить во всех документах свою родословную, вряд ли бы состоялся ее брак с Михаилом Ивановым, а значит, и не появился бы 11 января 1926 года на свет божий их сын Женя.

Отец Евгения Михайловича, в отличие от матери, был простым крестьянином из Мытищ – небольшой тогда подмосковной деревеньки. Звали его Михаил Парменович Иванов. В Первую мировую войну он служил в царской армии рядовым, а после революции поступил на военную службу в Красную армию и вскоре стал командиром.

Его воинская часть квартировала одно время в Пскове. Там они и познакомились с Марией Леонидовной. Лишившись родителей, она вынуждена была, чтобы содержать себя и малолетнюю сестру Анну, пойти работать на местную табачную фабрику, где на всю жизнь приучилась безудержно курить. Ну а Михаил Иванов, как ни странно, не только не курил, но и не пил спиртного до конца своих дней. Хотя отец и мать Иванова были людьми разного происхождения, жили они, что называется, душа в душу.

Женькино детство прошло в бесконечных переездах на новые места службы отца: Псков и Витебск, Белый и Гродно, Каунас и Рига. Менялись города и казённые квартиры, школы и дворы. Переезды в разные республики Союза заставили его с детства учиться говорить на разных языках. Живя в Витебске и Гродно, например, он выучился

говорить по-белорусски. В Каунасе и Риге – по-литовски и по-латышски. Кроме того, в средней школе Женя Иванов неплохо выучил и немецкий. Ну а позднее, на службе в ГРУ, он блестяще освоил сначала норвежский, а затем и английский языки.

Эта привычка быстро схватывать разговорную речь основательно пригодилась ему в работе. Жизнь в военных городках приучила юного Женьку к обращению с техникой. С ней он всегда был на «ты». Ещё мальчишкой Иванов-младший научился водить отцовскую «Эмку» и приписанный к гарнизонной кухне грузовик «ЗиС-5». Успешно овладел обращением с рацией. Ну а стрелять из офицерского пистолета или солдатского карабина, бросать противотанковую гранату и пользоваться противоголоном он умел не хуже любого солдата. Кроме того, парнишка стал разносторонним спортсменом. Получил спортивные разряды по боксу и гребле, лыжам, волейболу и даже шахматам.

Михаил Парменович отбыл на фронт в первую неделю Великой Отечественной войны. Прощаясь с Женей на вокзале, он крепко обнял сына и сказал:

– Ты теперь в семье за главного. Вернись, с тебя спрошу.

Вернулся он полгода спустя. С двумя самыми почетными в стране боевыми наградами – орденом Ленина и орденом Боевого Красного Знамени. А ещё – с тяжелой контузией, после которой он прожил не слишком долго.

Началась многотрудная полуголодная-полухолодная жизнь на Урале в эвакуации. Мать с сестрой работали на заводе. Отец после госпиталя был комиссован и получил работу в Свердловском городском военкомате. Женька учился в средней школе.

Ещё до войны в Витебске отец, чтобы сын не болтался без толку на улице, отправил его учиться в школу не восьми, а семи лет отроду. Эта разница в один год вышла потом Женьке боком. Когда в Свердловске он учился в десятом классе, все мальчишки уже были призваны на военную службу. Вот он и сидел в классе, состоявшем только из девчонок. В одну из них – Гальку Жигареву – он был в ту пору по-детски влюблен.

Тогда ему, правда, было невдомек, что он встретится с ней двадцать лет спустя, в Лондоне, куда она приедет женой его приятеля Анатолия Белоусова, заместителя военно-воздушного атташе. Но это в будущем,

а с 42-го по 44-й год он частенько захаживал к ней в гости. Её отец – будущий маршал, а тогда командующий авиацией Красной армии генерал Павел Фёдорович Жигарев – был направлен в Свердловск самим Сталиным, чтобы обеспечить переправку сибирским маршрутом американских самолетов, поступавших в Советский Союз по ленд-лизу.

Зайдя однажды летом сорок второго года к Галине в гости, Женька чуть было не влюбился и в Галкину подругу, застав дома у Жигаревых ещё одну очень привлекательную девушку, тогда ему незнакомую.

На вид этой незнакомке было лет шестнадцать. Стройная, голубоглазая, с копной рыжих волос на голове, она сразу понравилась ему.

– Проходи, Женя, – раздался громкий голос главы семьи. – Сейчас будем чай пить.

Иванов подошёл к девушке и представился. Та пожала ему руку и произнесла в ответ:

– Очень приятно, Светлана Сталина. – Помолчала недолго, а потом добавила: – Будем знакомы.

– Скоро я буду поступать в МГУ, – поделилась с Женей своими планами на будущее Света. – Сначала думала сдавать экзамены на филологический факультет. Но потом решила поступать на исторический. Так папа посоветовал.

Женька рассказал девушке о том, что хочет поскорее попасть на фронт. Уверял, что он отлично стреляет, водит машину и даже может работать с рацией.

– Если не возьмут, сбегу, – по секрету выдал он свой тайный план Светлане.

На прощание Женя получил ее московский адрес и телефон.

– Если приедете в Москву, – сказала она, – не стесняйтесь, заходите в гости. Я буду рада.

Если бы в ближайшие годы судьба привела его в Москву, он, наверное, так и сделал. И кто знает, как сложилась бы его судьба. Но дорога жизни сначала забросила Женьку на восток в упомянутое уже выше Тихоокеанское военно-морское училище. А переломным в жизни стал 53-й год.

В июне этого года, блестяще защитив дипломную работу и сдав госэкзамены в Академии Советской Армии, Евгений Михайлович

получил красный диплом с отличием, почётную золотую медаль и направление на работу в Главное разведывательное управление Генерального штаба.

В управлении кадров ГРУ ГШ один из начальников, подробно ознакомившись с его личным делом, тут же недовольно заявил новому сотруднику:

– Ты почему до сих пор не женат? Нам тебя за рубеж отправлять, а ты холостой. Женись немедленно. Мужчина без жены все равно что дерево без гусеницы.

Женитьба – дело серьезное. И тут Евгению Михайловичу на помощь пришел друг и однокашник – Анатолий Константинов (его, кстати сказать, в середине 50-х отправят на работу в лондонскую резидентуру ГРУ).

Константинов познакомил Женю с Майей Горкиной, сестрой своей жены. Майя только что получила диплом об окончании Московского государственного университета. Они с Ивановым понравились друг другу с первого взгляда и, недолго думая, решили пожениться. Так однокашники стали свояками, а Евгений Михайлович породнился с семьёй Горкиных, глава которой, Александр Фёдорович Горкин, работал в ту пору секретарём Президиума Верховного Совета СССР.

О свёкре Иванова нельзя не сказать хотя бы несколько слов. Он был старым и преданным партийцем, убеждённым соратником Ленина и Сталина, вступившим в ряды большевиков ещё в 18-летнем возрасте.

В сорок лет в страшном тридцать седьмом году Александр Горкин получил неожиданное повышение, став сначала секретарём Центрального исполнительного комитета СССР, а год спустя – секретарём Президиума Верховного Совета СССР.

На этой должности он прослужит почти двадцать лет. Его имя вследствие этого назначения станет второй строкой во всех указах Президиума Верховного Совета СССР. А первой подписной фамилией на них будет имя великого Сталина.

В хрущёвские времена Александра Горкина назначили Председателем Верховного суда СССР. На этом посту он бессменно проработает долгих пятнадцать лет.

К семидесятилетию Горкина, уже в брежневские времена, ему присвоят высокое звание Героя социалистического труда.

Неудивительно, что весь свой путь на кремлёвский Олимп Горкин пройдёт избранником народа. С 1937 по 1974 год на всех выборах он будет избираться депутатом Верховного Совета СССР. Пока не уйдёт на заслуженный отдых.

С таким свекром Иванову, конечно, было легче преодолевать бюрократические барьеры. Но жизнь от этого никак не становилась менее сложной и непредсказуемой.

В управлении кадров ГРУ ГШ ему дали всего три месяца на сборы и подготовку к командировке в Норвегию.

Рождество они с Майей уже встречали в заснеженном Осло. Столь головокружительный старт был продолжен первыми успехами Иванова на его новом поприще – сотрудника резидентуры советской военной разведки в Норвегии.

Иванову Центром было поручено осуществлять постоянные контакты с норвежским королем Хоконом VII и его сыном, кронпринцем Улафом, для разъяснения точки зрения Москвы по проблемам безопасности, а также для определения позиции норвежского королевского дома в этой связи.

Сдержанная и взвешенная политика как монарха, так и стортинга страны в те годы не позволила Вашингтону сделать Норвегию еще одним ядерным плацдармом в борьбе против Советского Союза. Определенный вклад в это внесла и советская военная разведка, чему способствовали ее связи как в норвежской армии, так и в высших эшелонах власти.

В конце первого года работы в Норвегии Иванову удалось провести сразу две важные вербовки высокопоставленных офицеров из штаба военно-морских сил Норвегии. Эти агенты долгие годы будут работать на советскую военную разведку и останутся нерасшифрованными. В Главном разведывательном управлении Генерального штаба Советской армии эта пара агентов Евгения Иванова получит оперативный псевдоним «Фебы».

Активная работа Иванова с «Фебами» продолжалась около четырех лет. Он держал с агентами постоянную связь, получая от них по несколько раз в месяц подборку секретной натовской документации, которая без промедления отправлялась с дипкурьерами в Центр.

В море этих важных документов были и свои жемчужины – материалы, представлявшие по тем или иным причинам в то время

наибольший интерес для советского военно-политического руководства.

В одном из них речь шла о шумности советских ударных подводных лодок. Тот документ сэкономил советскому бюджету не один миллион рублей при разработке и строительстве ударных подводных ракетносцев. Документ был подготовлен американской разведкой.

Выпуская в мировой океан подводные корабли, ни их создатели, ни их командиры не знают досконально и точно, на каких курсовых углах, что и как у этих лодок шумит во время похода. Американская военноморская разведка, имея хорошую измерительную аппаратуру, все эти шумы старалась запеленговать.

В подготовленном по итогам проведенной работы документе были изложены основные шумовые характеристики советских подлодок.

В частности, указывалось, как шумит водяная помпа или какой-то другой узел подводного ракетносца того или иного проекта. Давались соответствующие выкладки, схемы, чертежи.

Для экспертов это была бесценная подсказка. Получив американские данные, наши конструкторы и разработчики многие шумы постарались устранить. Иначе говоря, если раньше американцы в случае войны могли запустить торпеды и ликвидировать наши ракетносцы, то данные разведки, то есть сведения, полученные от «Фебов», позволили снизить такую опасность.

Здание посольства СССР на Кенсингтон Пэлас Гарденс

Вторая командировка Иванова – на этот раз, в Англию – должна была показать способность военного разведчика эффективно работать уже в одной из ведущих западных стран.

Сразу по приезде в Лондон Иванов отправился в советское посольство к новому месту работы.

Все, кто здесь когда-то побывал, знают, что на Кенсингтон Пэлас Гарденс непросто попасть. Эта улица с обоих своих концов огорожена выдвигающимися из земли металлическими столбами. Рядом с ними расположены будки, в которых круглые сутки дежурят сотрудники особого отряда Скотланд-Ярда – «правой руки» британской контрразведки МИ-5.

Дом номер 13 по Садово-дворцовой – единственный особняк в Лондоне с этим номером. Англичане – народ суеверный и стараются избегать чертовой дюжины. Русские же – люди отчаянные и «несчастливых» номеров не боятся, во всяком случае в Англии.

Тринадцатый дом на Садово-дворцовой приобрел для советской дипмиссии в 1929 году посол СССР в Великобритании Иван Майский. А до этого он принадлежал южноамериканскому шерстяному магнату Ричардсону. Майский тогда поселился на втором этаже в квартире,

окна которой выходили в парк. Рядовые сотрудники посольства жили и работали на первом этаже.

В послевоенные годы к особняку номер 13 присоединился 16-й дом на противоположной стороне Садово-дворцовой, где расположился выросший как на дрожжах персонал посольства. А у самого начала улицы, там, где она выходит на Ноттинг Хилл Гейт, в домах с 5-го по 7-й разместилось консульство, канцелярия и прочие службы.

В посольстве СССР в Лондоне в тот год шла череда пересменок. Менялись послы. Прежний – Яков Алексеевич Малик, проработавший в стране после смерти Сталина семь лет, сменив на этом посту Андрея Андреевича Громько, будущего министра иностранных дел СССР, завершал свою миссию в Лондоне. После работы послом в Японии в военные годы и в Великобритании в послевоенное время его ждало не менее почетное и ответственное назначение – в Нью-Йорк постоянным представителем СССР при ООН.

Коллеги по военному атташату – Евгений Иванов, Федор Румянцев, Анатолий Белоусов

– Женя, дорогой, с приездом, – услышал он неожиданное приветствие, войдя в здание военного атташата. Это был Анатолий Белоусов, давний знакомый и муж его одноклассницы Галины

Жигаревой, работавший в Лондоне заместителем военно-воздушного атташе. – Как доехал? Как Майечка? Устроились хорошо?

– Всё в порядке, Толя, – уверенно провозгласил Евгений Михайлович и заключил приятеля в объятия. – Давай, показывай наше беспокойное хозяйство.

– Милости прошу!

Белоусов провёл друга по зданию посольства, объяснил, где что расположено, попутно представляя Евгения работникам военного атташата.

После знакомства с коллегами Иванов зашёл на представление к резиденту ГРУ Льву Сергеевичу Толоконникову.

– Как доехали, Евгений Михайлович? Как себя чувствует жена? Не надо ли чем помочь? – Эти вопросы и искреннюю заботу о своём коллеге по работе обрушил на Иванова генерал Толоконников в первые же минуты их встречи.

Генералы-резиденты ГРУ в Лондоне Л.С. Толоконников и А.Г. Павлов

Капитан 3 ранга был приятно удивлен таким вниманием и обходительностью резидента ГРУ.

– О работе у нас ещё будет время поговорить. А пока обустраивайтесь. Знакомьтесь с людьми, страной. Нам с вами предстоит нелёгкая служба. Так что желаю удачи, Евгений Михайлович.

Лев Сергеевич Толоконников – один из двенадцати генерал-полковников – инженеров советских вооруженных сил – был интеллигентом от разведки. Умница, умелый руководитель, талантливый разведчик, ученый-историк с энциклопедическими

знаниями, он заметно выделялся среди руководителей советской военной разведки послевоенных лет.

Выходцы из рода купцов Рябушинских, Толоконниковы были потомственными дворянами (что, естественно, было семейной тайной за семью печатями). Торговлей они никогда не занимались, несмотря на родство с гильдией Рябушинских. Отец Льва Сергеевича был кадровым офицером русской армии. По той же военной линии служили верой и правдой Отечеству все мужчины в роду Толоконниковых.

После службы в танковых войсках в годы Великой Отечественной он был приглашён в разведку. А в 1947 году направлен в США сначала в наше консульство в Нью-Йорке, а затем в посольство в Вашингтоне под прикрытием должности первого секретаря.

При очередном реформировании органов советской разведки Л.С. Толоконников, как кадровый военный, был переведён из КГБ в ГРУ. В Лондоне он работал с 1958 года под прикрытием должности советника посольства, являясь фактически резидентом советской военной разведки в Великобритании.

Лев Толоконников с супругой и Джон Профьюмо с женой

В 1962-м Толоконникова сменил на этой должности его же заместитель – полковник Анатолий Георгиевич Павлов. С Ивановым он был знаком по совместной учебе в Военной академии Советской армии (ВАСА).

У Павлова был прекрасный послужной список. В предвоенном 38-м, получив свой первый диплом о высшем военном образовании, он был направлен на службу в бронетанковые войска. В одном из боев Великой Отечественной был тяжело ранен. По окончании войны перешел на службу в военную разведку. Закончив ВАСА годом раньше Иванова, получил назначение в резидентуру ГРУ в Индии, а затем – в лондонскую резидентуру советской военной разведки. Работал под прикрытием должности советника по науке в посольстве СССР.

И Толоконников, и Павлов были профессионалами высшей пробы. Иванов это прекрасно знал и ценил возможность работать под их руководством.

Получив дружеские напутствия и благословение на работу от резидента, Иванов отправился в посольский гараж к завхозу. Оформил во владение своего «железного коня» – новенький служебный «Остин», автомашину скромную, но приемистую. Загрузил в неё кое-

какую необходимую для дома хозяйственную утварь, выделенную завхозом посольства. А ближе к вечеру вернулся к жене Майе обустроить их квартиру у Холланд-парка.

Началась повседневная жизнь и работа помощника военно-морского атташе и по совместительству военного разведчика.

Первой проблемой, с которой неизбежно столкнулся Евгений Михайлович, оказалась известная любому командированному в Англию проблема правого руля автомобиля и левостороннего движения в английских городах. Иванов был за рулем к тому времени уже два десятка лет: машину начал водить ещё подростком. Установившиеся за эти годы рефлексy правостороннего вождения стали у него абсолютными. Ломать их было непросто.

Вторая проблема – незнание города. Лондон не Осло. Это не маленький городок, а огромный мегаполис с населением, втрое превышавшим число жителей всей Норвегии. Разбросанный, словно щупальца осьминога, во все стороны горизонта, Лондон поражал своими размерами, скученностью застройки и узкими, не в пример Москве, улицами.

Неудивительно поэтому, что перво-наперво Евгений Михайлович засел за карту города. Начал штудировать названия магистралей, ведущих за его пределы. Потом – названия основных улиц. Затем – места расположения главных административных зданий и автозаправок. Адреса достопримечательностей и исторических памятников, вокзалов, аэропортов. Ну и так далее по списку.

Отдельно пришлось заниматься лондонской подземкой, или попросту «трубой», как ее именуют англичане. Нужно было как следует изучить все её основные линии, пересадочные узлы, переходы и развязки, график работы поездов, причём в разное время суток.

Затем в течение нескольких дней Иванов ездил по городу на лондонских маршрутных автобусах – «даблдекерах», прозванных так за их двухэтажность. Трамваев и троллейбусов в Лондоне никогда не было. Нет их, кстати сказать, и сейчас. Автобусные поездки позволили познакомиться с основными рейсами единственного наземного вида лондонского общественного транспорта. Да и получше разглядеть город со второго этажа даблдекера.

Евгений Иванов с женой Майей Горкиной

Тем временем Майя устроилась на работу. Имея в виду накопленный ею опыт участия в операциях военной разведки в Осло, а также хорошее знание английского языка, руководство лондонской резидентуры ГРУ назначило ее оператором в службу радиоперехвата посольства. Дежурства в ней были посменными и многочасовыми. Нередко приходилось работать вечером, а порой и в выходные дни, так что Майе скучать было некогда. Но и время побродить по лондонским магазинам всё же оставалось.

– Женя, – сетовала она, обращаясь к мужу, после очередного изучения местных гастрономов, – они совсем не торгуют здесь селёдкой, представляешь? И солёных огурцов у них в продаже нет. И квашеной капусты. И гречки. И чёрного хлеба. А где свекла? Я её не нашла ни в одной овощной лавке. Как теперь приготовишь борщ?!

– Ничего, родная, зато здесь много другого съестного в магазинах. Привыкай к английской овсянке, луковому супу и бекону с яйцами. Я уже начал. И налегай на фрукты, их здесь больше, чем в Москве.

Майя, впрочем, без труда сама освоилась в новой обстановке. Быстро уяснила для себя, в каких магазинах одни и те же продукты продают дешевле, в каких дороже. Определила, где бывают распродажи, а где можно рассчитывать на скидки. Словом, Майя становилась экономной лондонской женой, прибегая к советам соотечественниц и занимаясь собственной хозяйственной разведкой, той самой, которая и держит семейный бюджет на плаву.

Глава 2

Шпионская дуэль

Иванов нацеленно вышел на Колина Кута 7 ноября 1960 года во время приема в советском посольстве по случаю национального праздника СССР – годовщины Октябрьской революции. Намеченный им в качестве контакта главный редактор рупора консерваторов лондонской «Дейли телеграф» был во всех отношениях весьма любопытным персонажем.

О его военной карьере, оборванной ранением, полученным в Первую мировую войну, Иванову было известно. Её продолжила карьера политическая. После демобилизации Колин Кут был избран в парламент от Либеральной партии Великобритании. Затем оставил работу в Вестминстере и занялся журналистикой.

Колин Кут был на короткой ноге с бывшим премьером страны сэром Уинстоном Черчиллем и лидером тори начала шестидесятых – Гарольдом Макмилланом. Они дружили с детских лет и были однокашниками в Оксфорде.

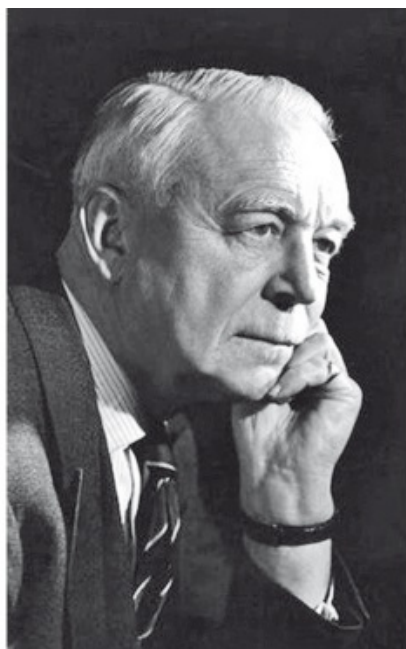
Свою журналистскую карьеру Колин Кут начал в 1923 году. Сначала он работал корреспондентом лондонской «Таймс» в Риме. По данным советской разведки, журналистика, впрочем, была лишь прикрытием для его шпионской деятельности.

С конца двадцатых годов он трудился под началом третьего по значимости человека в МИ-6 в те годы – Десмонда Мортонса. Премьер-министром страны ему было поручено создание Центра промышленного шпионажа при Секрет Интеллидженс Сервис.

Этот центр должен был снабжать Уайт-холл достоверной информацией о ведущих промышленных и финансовых компаниях Европы, о структуре импорта и экспорта в экономике различных государств, о тенденциях экономического развития в тех или иных отраслях, о теневых фигурах крупного бизнеса и его политическом лобби.

Так Колин Кут на долгие годы стал если не секретным агентом СИС, то, во всяком случае, информатором британской разведки по финансово-экономическим вопросам Италии, где он жил и работал

корреспондентом лондонской «Таймс» в двадцатые и тридцатые годы.

Сэр Колин Кут – солдат, разведчик, журналист и политик

Кстати сказать, свои связи с разведкой Кут не утратил ни в годы Второй мировой войны, ни после неё. Если добавить к этому, что ближайшим другом и партнером сэра Колина по гольфу был не кто иной, как шеф британской контрразведки МИ-5 сэр Роджер Холлис, то картина вырисовывалась достаточно убедительная.

Кроме того, Центр располагал достоверной информацией о связях Колина Кута с ЦРУ. В частности, редактор «Дейли телеграф» был на короткой ноге с Арчибальдом Рузвельтом, который занимал в начале шестидесятых должность резидента американской разведки в Лондоне и состоял в родстве с бывшим президентом Соединенных Штатов покойным Франклином Делано Рузвельтом.

Через неделю после знакомства в посольстве сэр Колин демонстрировал Иванову достижения британского газетного дела. Затем они долго беседовали в «Гаррик клубе». Вопросы налагались один на другой. От дел газетных перешли к политике. От политики к экономике. Затем к делам военным, войне с Германией и в Первую, и во Вторую мировую.

Не прошло и часа, как Иванов почувствовал, что нащупал общую точку соприкосновения. Сэр Колин явно не любил немцев. И Иванов без колебаний решил воспользоваться этим. Разговор переключился на германскую тему.

Иванову показалось уместным для затравки разговора на эту тему заявить, что, на его взгляд, в Германии до сих пор не забыли священного девиза кайзеровского рейха: «Боже, накажи Англию!» Напомнив об этом, он доложил сэру Колину о том, что в военных кругах Германии Англию до сих пор называют «дер эрбфейнд» – кровным врагом.

– Английские кредиты при этом, – продолжал он, – наряду с американскими, продолжают работать на восстановление немецкой военной промышленности. Теперь западногерманский бундесвер, поставленный под командование бывших гитлеровских генералов, – искренне возмущался Иванов, – стал сильнее английской сухопутной армии!

Казалось, сэр Колин не без внимания следил за ходом мыслей своего собеседника. Поэтому Иванов продолжал наступление на антигерманском фронте.

– Даже Геббельсу в его самых диких мечтах не мерещилось, что через какие-нибудь полтора десятка лет после окончания войны германские войска будут иметь свои базы на Британских островах. А германский генерал, заняв ответственный пост в новом военно-политическом блоке, станет разрабатывать стратегические планы для Соединенных Штатов Америки и Великобритании, – заявил Иванов с искренним возмущением в голосе, видя, как в глазах Колина Кута заблестели искорки гнева.

По реакции своего собеседника Иванов почувствовал, что их согласие в этом вопросе почти незыблемо.

Не берусь утверждать, но, возможно, именно в этот момент он вспомнил один удивительный эпизод из новейшей истории разведки, который хорошо усвоил из учебного курса в академии и рассказ о котором заслуживает небольшого отступления.

Этот эпизод замечателен тем, что он убедительно показывает, как личная ненависть к другой стране может быть поставлена на службу разведке. И более того, как ненависть одного человека способна изменить не только течение войны, но и ход самой истории.

Слушателям разведшколы КГБ и курсантам Академии Советской армии этот случай известен из спецкурса по истории ВЧК. В учебниках российской истории, впрочем, эпизод этот либо просто отсутствует, либо трактуется иначе.

Летом 1918 года Франция стояла перед угрозой поражения от германских войск. Резидент французской разведки в Советской России капитан Пьер Лоран понимал, что катастрофическое для его страны положение на фронте может изменить лишь срыв Брестского мирного договора, заключённого между большевиками и Германией. Взяв в разработку в Москве начинающего чекиста Якова Блюмкина, он ловко сыграл на его оскорблённых чувствах молодого эсера, ненавидевшего немцев. Раздувая пожар националистического угара в голове сотрудника ВЧК, Лоран сумел убедить его в необходимости убийства немецкого посла в Москве, графа Мирбаха. Блюмкин, искренне считавший Германию виновницей всех бед России, без труда добился согласия руководства партии эсеров на теракт.

6 июля 1918 года он по поддельным документам проник в немецкое посольство и убил посла, графа Мирбаха. Германия, расценив этот террористический акт как реальную угрозу со стороны России, сняла значительную часть своих дивизий во Франции и направила их на восточный фронт. Париж вздохнул с облегчением.

Вскоре, к осени 1918-го года, этот манёвр с передислокацией войск закончился полным провалом. Началась революция в Германии. Кайзеровская военная машина развалилась. Германия потерпела сокрушительное поражение в Первой мировой войне.

Так простой с первого взгляда, но гениальный план резидента французской разведки в России капитана Пьера Лорана, построенный на ненависти к Германии, укоренившейся в сердце одного мало кому известного тогда человека, обеспечил историческую победу Франции в Первой мировой войне и, более того, существенно изменил весь ход истории человечества.

Иванов был усердным учеником в академии и потому закончил её с красным дипломом. Он знал азбуку работы разведчика. Казус Пьера Лорана оказался для него хорошим учебным пособием в работе. Колин Кут, как и Яков Блюмкин четыре десятилетия до того, были, словно близнецы, схожи в своих антигерманских чувствах.

Фундамент дальнейшего сближения с редактором «Дейли телеграф» на антигерманской почве был заложен. И Иванов старался закрепить его. Он продолжал свою словесную тираду.

– Ведь это же факт, что лица, руководящие сейчас германскими делами, – это в основном те же самые люди, что четверть века назад орали «Зиг хайль!» на улицах фашистской Германии. Дважды на протяжении вашей жизни, – обращался он уже к горькой памяти сэра Колина, – Германия ввергла вашу родину, да и весь мир в войну. Если мы об этом не будем забывать, немцам не удастся снова опустошить Европу.

– Тут уж нам, англичанам, – с иронией заметил сэр Колин Кут, – приходится уповать только на вас в Советском Союзе. Что касается нас, – добавил он немного смущенно, – то мы ничего не можем поделать: Англию связывает партнерство с Соединенными Штатами, а в Вашингтоне на германский вопрос смотрят иначе, чем здесь.

Так в беседу подспудно вошёл и англо-американский антагонизм. Сэр Колин вспомнил о заочной перепалке бывшего госсекретаря США Дина Ачесона с британским премьером Гарольдом Макмилланом.

– Вы представляете себе, кэптен, этот янки не постеснялся в публичной речи заявить, что Англия как великая держава приказала долго жить и больше не может претендовать на роль главного партнера США в Европе. Эту роль ей пора-де уступить Западной Германии.

Иванов охотно разделил гнев сэра Колина и, не раздумывая, процитировал Гарольда Макмиллана, сравнившего Дина Ачесона с такими заклятыми врагами Англии, как Филипп Испанский, Людовик XIV, Наполеон Бонапарт, кайзер Вильгельм и Адольф Гитлер.

– Господин Ачесон явно торопится хоронить Англию, – не без уверенности в своей правоте констатировал сэр Колин Кут. – Те, кто перестают видеть в нас великую державу, глубоко ошибаются. Англия ещё не сказала своего последнего слова.

Это заявление, естественно, могло встретить лишь понимание и поддержку со стороны Иванова. Границы их согласия с сэром Колином Куттом заметно расширились. Собеседники с удовлетворением сошлись в единстве общих опасений, связанных с размещением ядерного и химического оружия в ФРГ. Фундамент взаимопонимания был заложен. Приглашение на следующее рандеву двух знакомых не заставило себя долго ждать.

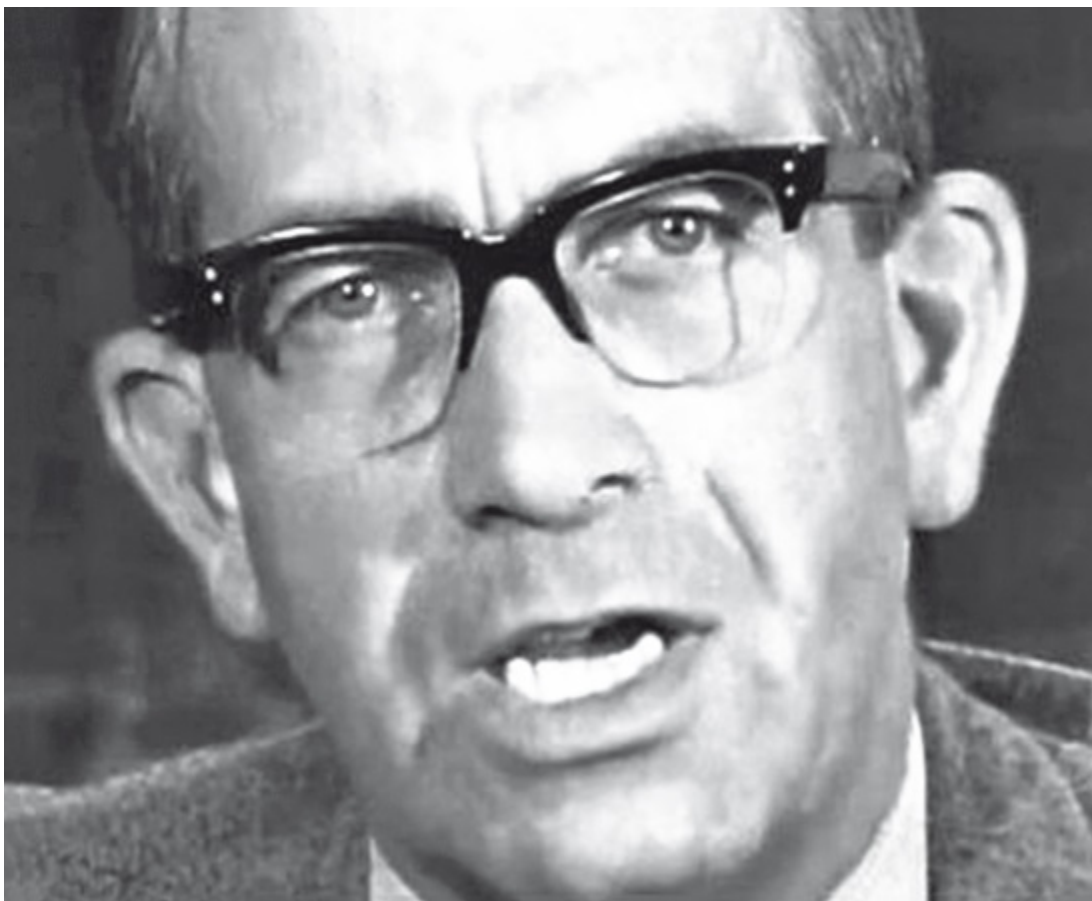
И это была уже другая встреча. Встреча, как в таких случаях принято говорить, с большой буквы. Это была та самая встреча, которую любой разведчик назвал бы благословенной. Почему? Потому что сэр Колин Кут познакомил Иванова с его будущим партнером и помощником, доктором Стивеном Уардом.

Он представил их друг другу в «Гаррик клубе». Сэр Колин не стеснялся слегка перебрать в комплиментах, адресуя Иванову Стивена Уарда. Редактор «Дейли телеграф» пытался дать понять советскому офицеру, какая величина его друг. Он и искусный остеопат, и талантливый художник, и любимец высшего света. Иванов без труда понял, что такие знакомства не организуются случайно, без причины, и ждал ответа на возникший у него вполне логичный вопрос, зачем Колину Куту понадобилось сводить его со Стивеном Уардом? Ответа он тогда не находил.

Нет однозначного ответа на этот вопрос и сейчас. Возможно, эта встреча была инспирирована британской контрразведкой, дабы впоследствии загнать Иванова в ловушку и склонить к сотрудничеству.

В феврале 2018 года лондонская «Санди таймс» изложила свою версию тех событий. По мнению дуэта журналистов этого ведущего британского еженедельника – Николаса Эллена и Тони Аллена Миллс, – сэр Колин Кут в «Гаррике» организовал встречу Иванова не только и не столько с Уардом, сколько с корреспондентом своей газеты Дэвидом Флойдом. Тот якобы работал как на советскую, так и на британскую разведку, был двойным агентом. И именно он был главным действующим лицом на той встрече.

Флойд, как следовало из рассекреченных документов британских спецслужб, был членом так называемой «оксфордской группы» шпионов Кремля. После того как были раскрыты первые два участника знаменитой «кембриджской пятерки» советской разведки Гай Берджесс и Дональд Маклин, Дэвид Флойд сдался британской контрразведке в 1951 году и выдал на допросах в МИ-5 всё, что знал о своей работе на русских. Флойд после войны работал переводчиком в английском посольстве в Москве и поставлял советской разведке секретную информацию из британских дипломатических источников.

Двойной агент Дэвид Флойд

В благодарность за его сотрудничество, а также не желая шпионского скандала из-за очередного предательства, Лондон решил не открывать дела о госизмене и не наказывать Флойда.

Его определили на работу в «Дейли телеграф» под крыло «своего человека» и главреда газеты сэра Колина Кута. Он-то и вывел Флойда на Иванова. Якобы для того, чтобы организовать его вербовку.

Версия «Санди таймс» не учитывала, однако, того, что о признаниях Флойда британской контрразведке наши спецслужбы знали еще с 1951 года из первоисточника – своего «крота» в МИ-6, легендарного Кима Филби. Несколько позднее информацию о том, что КГБ был в курсе измены Флойда, имели уже и оперативники из МИ-5. Следовательно, использовать его для работы против советского военного дипломата в Лондоне было бы бесперспективно.

На мой взгляд, встречи Флойда с Ивановым вообще не было. Иначе бы информация о ней была бы известна ГРУ. Но о ней никто и не

слышал. Да и сам Иванов об этой встрече никогда не упоминал.

А вот факт наводки Иванова сэром Колином Кутом на доктора Уарда несомненен.

По мнению одного из британских историков разведки Дэвида Лей, автора знаменитой книги «Заговор против Вильсона», её инспирировали американцы – Центральное разведывательное управление США через своего резидента в Лондоне Арчибальда Рузвельта.

Ведь Колин Кут работал и на американскую разведку. ЦРУ искало выходы на сотрудников ГРУ в Лондоне. Иванов представлялся американцам самым подходящим объектом. А его знакомство с доктором Уардом с подачи Колина Кута могло содействовать достижению главной цели – его вербовки. Впрочем, документального подтверждения этой версии нет.

Арчибальд Рузвельт – резидент ЦРУ в Лондоне

Большинство британских историков разведки тем не менее уверены в том, что встреча Иванова с Уардом в «Гаррик клубе» западными спецслужбами организована не была. Многие сходятся на том, что, скорее всего, это был просто случайный эпизод.

Иванов же полагал, что это был «Его Величество господин Случай», – случай с большой буквы, который бывает лишь раз в

жизни. Не пригласи сэр Колин на обед в «Гаррик клубе» Стивена Уарда, не было бы ни последующей встречи Иванова с лордом Астором, ни поездок в Кливден и в Нэш хаус, ни многого другого, что в конце концов стало достоянием истории и превратилось в крупнейший политический, шпионский и сексуальный скандал XX века.

Глава 3

Госпожа удача

Колин Кут был связан с британской разведкой много лет. И никогда не отказывал ей в сотрудничестве. Встреча редактора «Дейли телеграф» с Евгением Ивановым была в интересах обоих руководителей британских спецслужб: и Дика Уайта (МИ-6), и Роджера Холлиса (МИ-5). Каждая служба предвидела свою потенциальную игру против Иванова.

Позабыв и забросив на время познакомившего их сэра Колина Кута, Уард и Иванов, выйдя из «Гаррик клуба», продолжили беседовать уже на улице.

– Не может быть, кэптен! Вы не знаете, что такое остеопатия? – Стивен Уард был явно возмущён откровенным невежеством своего нового знакомого. – Этот пробел в вашей подготовке нужно немедленно ликвидировать. Сейчас же поехали ко мне в клинику.

– Но я абсолютно здоров, доктор.

– А никто вас лечить и не собирается. Но цивилизованный человек обязан знать о целительных секретах остеопатии.

– Меня больше интересуют секреты военные и политические, – пытался отшутиться Иванов.

– Как вам не стыдно, кэптен, говорить такое в присутствии джентльмена и патриота. Поехали.

Сев в машину и помахав на прощание рукой сэру Колину, новоиспеченные друзья отправились в частную клинику доктора Стивена Уарда на Девоншир стрит, где он практиковал уже в течение нескольких лет.

По дороге в клинику Иванов получил ещё одно подтверждение тому, что не бывает правил без исключений. Стивен Уард, например, никак не обладал той безусловной чертой британского характера, которая предполагала неразговорчивость и сдержанность добропорядочного англичанина при первой встрече. Евгений Михайлович едва успевал вставить в поток пространных излияний своего нового знакомого хотя бы слово или фразу. Остановить болтливую британца в тот день не

представлялось возможным. Рассказам и анекдотам в исполнении доктора Уарда не было конца.

Иванову это, впрочем, лишь облегчало задачу. За пару часов он узнал о своем новом знакомом столько, сколько не выяснил бы, наверное, и за месяц, не оказись Стивен Уард столь откровенным и разговорчивым собеседником.

Иванов узнал, например, что остеопатия – это великое искусство врачевания. Знающий остеопат способен без медицинских приборов и биохимических анализов проводить диагностику организма человека и исцелять многие заболевания без таблеток и уколов. Главный инструмент врача-osteопата – думающие умелые руки. А основное условие их применения – блестящее знание анатомии и физиологии человека и мастерское владение специальными методиками и техниками мануальной терапии.

Хороший остеопат, как понял из рассказа Стивен Уарда Евгений Иванов, может руками «просмотреть» весь организм человека и определить в нем причину того или иного заболевания. Руки остеопата действуют как точнейшие датчики, улавливающие малейшие изменения в организме. И эти же руки, воздействуя на скелетно-мышечный аппарат, а значит и на кровообращение, способны нормализовать работу органов и систем и излечить человека.

– Остеопатия лечит больного, а не болезнь, – разъяснял своему новому знакомому доктор Уард. – Причина болезни чаще всего кроется не в том органе, который болит.

Основателем остеопатии считается американский медик Эндрю Стил. В 1874 году он разработал концепцию остеопатии, соединив в ней всё лучшее из египетской и греческой медицины эпохи Возрождения.

Однажды, будучи еще юношей, страдая от непроходящей головной боли, Эндрю снял с деревянных качелей сиденье и положил затылок на веревочную петлю. Это положение привело к растяжению в затылочной области и тем самым сняло головную боль. Так был дан толчок развитию концепции остеопатии.

За один вечер Иванов не только получил полное представление о целительных свойствах остеопатии, но и, что было для него куда интереснее, о круге общения Уарда. В числе его постоянных пациентов оказался, – и об этом не без гордости поведал ему сам

Стивен Уард, – весь цвет тогдашнего высшего общества, причём не только английского.

Усадив гостя в мягкое кресло в своём кабинете на Девоншир стрит и налив ему рюмочку французского коньяка, Стивен без особых на то приглашений принялся рассказывать Иванову о своей жизни и её метаморфозах в прошлом и настоящем. Искренность и откровенность англичанина ошеломляли.

Хозяин дома явно хотел понравиться своему русскому гостю и не чурался саморекламы. Среди названных им имен знакомых, друзей и просто пациентов были бывший английский премьер Уинстон Черчилль и министр обороны страны Питер Торникрофт, президент США Дуайт Эйзенхауэр и послы США Аверелл Гарриман и Дэвид Брюс, кинозвезды Голливуда Элизабет Тейлор и Фрэнк Синатра, монархи в изгнании и политики в отставке.

От водопада популярных имен и высоких должностей в тот вечер у гостя кружилась голова. Иванов старался не упустить ни одной фамилии, ни одного значимого факта, чтобы чуть позже в посольстве восстановить в памяти полученную информацию и детально проанализировать ее.

– Вы ведь военный человек, Юджин? – неожиданно спросил Стивен Уард.

– Конечно.

– Тогда скажите мне, пожалуйста, у вас в Красной армии есть остеопаты?

Иванов опешил от столь курьёзного вопроса и не знал, что ответить.

– А вот в нашей армии они появились с моей легкой руки. Я, так сказать, проложил им дорожку. Вы где воевали во Вторую мировую?

– На Дальнем Востоке. Ходил курсантом в Японском море.

– А я служил в медицинском полку сначала в Англии, а потом в Индии. Военным врачом полковое начальство меня никак не назначало. «Что это, мол, за медицинская профессия – костоправ?!» – судачили в штабе полка. Не признавали ни диплома, который я получил в Соединённых Штатах, ни необходимости во мне самом. Так продолжалось до тех пор, пока я командира полка на ноги не поставил. У него сжатие позвонков было. Бедняга едва на ногах стоял. А я его за пару сеансов человеком снова сделал. Он-то и помог мне начать

кампанию в армии за признание остеопатии. Но если бы не один случай в Индии, то вряд ли бы это мне удалось.

– А что это был за случай, если, конечно, не секрет?

– Секретов здесь никаких нет, – ответил Стивен и включил плиту, чтобы приготовить кофе. – О моём врачевании в Королевском медицинском полку в Дели знали не только англичане, но и индусы. Случилось так, что узнал о моих скромных успехах и старик Ганди. Он безбожно страдал от сжатия шейных позвонков. Меня попросили ему помочь. Помню, захожу я в его комнату, а он мне после приветствия говорит: «До сих пор английские офицеры приходили сюда лишь с одной целью – чтобы меня арестовать. А вы, как мне рассказывали, врач и берётесь меня вылечить».

– Я не мог не посочувствовать старику, боли не давали ему покоя, – продолжал доктор Уард. – Мне тогда пришлось с ним немало повозиться. Позднее эта история дошла до самого лорда Маунтбаттена. Говорят, он замолвил словечко, где надо было, чтобы поддержать престиж моей любимой остеопатии. И отношение ко мне переменилось как по мановению волшебной палочки.

Стивен разлил в чашечки приготовленный им кофе и добавил с усмешкой:

– А вот сэру Уинстону моя помощь старику Ганди пришлась явно не по душе. Он мне так без обиняков и заявил: «Какого чёрта ты не свернул этому Ганди шею?! Сколько забот бы сразу у меня поубавилось!» Выходит, моя история с Ганди дошла и до ушей премьера.

За непринуждённым разговором время летело незаметно. После остеопатии Стивен переключился на садоводство. Начал рассказывать гостю о том, что Британия, по его глубокому убеждению, – страна садоводов.

– Это излюбленное хобби каждого британца, кем бы он ни был: шахтёром или биржевым маклером, – рассуждал он. – Садоводство – наша национальная страсть. Для меня, например, нет ничего лучше, чем провести хотя бы пару дней в неделю в своём саду.

– А где у вас сад? – скорее из необходимости поддержать разговор, чем из любопытства, спросил Иванов.

– В Кливдене, в имении лорда Астора. У меня там небольшой коттедж на берегу Темзы. Чудное место! Вам обязательно надо

побывать там. Буду рад показать вам свой сад.

Гость едва смог скрыть тот эффект, который произвело на него это заявление.

– Вы дружите с лордом Астором?

– С Билли? Ха-ха-ха! – Стивен от души рассмеялся. – Ещё бы! Ведь я спас лорда Астора от инвалидности ещё десять лет назад после несчастного случая на охоте, когда он неудачно упал с лошади и серьёзно повредил позвоночник. Пришлось тогда с ним изрядно повозиться. А год назад я женил его на Бронвен Пью. Правда, на молодожёна в свои пятьдесят три года он не очень-то походил. Бронвен стала его третьей женой, зато самой юной; она ведь на четверть века моложе Билли. Вы не поверите, но это именно я устроил им первое свидание. Старина Билл, замечу вам, волновался в тот день, как мальчишка. И это с его-то многолетним опытом!

Лорд Вильям Астор III и его Кливденское имение

– А вы сами женаты?

– Был женат, – коротко и не очень охотно ответил Уард. – Но больше никогда не женюсь.

Стивен закурил. Гостю знаменитого костоправа показалось, что личная жизнь его нового знакомого не столь уж радужна, как он пытается её представить.

Заметив замешательство Иванова, Уард добавил:

– Моя единственная супруга – свобода. Помните, как это у Генриха Гейне: «Немец относится к свободе как к бабушке, француз – как к любовнице, а англичанин – как к законной жене». А как у вас, русских, Юджин?

– Вы, англичане, склонны к недосказанности. Мы же не боимся преувеличивать свои страсти. Нас, русских, не пугает наша сентиментальность. Вряд ли какой-нибудь русский предпочтёт красивой женщине какую-то свободу. Особенно если эту свободу он в жизни никогда не видел.

Стивен Уард с женой Патрицией Бейнс.

Беседа в кабинете на Девоншир стрит в тот день продолжалась допоздна.

Так с нечаянной подачи сэра Колина Кута советский военный разведчик повстречался с человеком, который не только был весьма осведомлен и разговорчив, но и располагал обширными связями в высшем обществе.

Как Иванову удалось расположить к себе сначала сэра Колина, а затем доктора Уарда – это немаловажный вопрос. Редактор «Дейли

телеграф» был нередким гостем советского посольства в Лондоне. На приемах с ним познакомились и беседовали многие дипломаты и сотрудники военного атташата. Тем не менее лишь контакт с Ивановым оказался результативным. Почему? Недруги разведчика (а их у любого незаурядного человека бывает достаточно) утверждают, что причиной тому стали не достоинства Иванова, а его недостатки. Дескать, он был слишком открыт для общения и тем самым предлагал себя в качестве приманки для потенциального противника.

– Иванов активно и без оглядки шел на контакты с влиятельными англичанами, – объяснял мне через тридцать лет после описываемых событий недостаток поведения своего коллеги по работе его бывший партнер, тоже помощник военно-морского атташе в Лондоне контр-адмирал в отставке Иван Сакулькин. – Неосторожным поведением Иванов подвергал себя, да и всех нас опасности. Британская контрразведка буквально цеплялась за каждую подобную возможность, чтобы скомпрометировать наших военных дипломатов или, хуже того, подставить их и завербовать.

Сакулькин был не одинок в таких суждениях об Иванове. Военно-морской атташе капитан 1 ранга Сухоручкин, их непосредственный руководитель, тоже полагал, что «Иванов работал наскоком, нецелеустремленно». Эти откровения можно найти в отчетах военно-морского атташе в Центр.

В Лондоне подобные оценки то и дело звучали из уст капитана 1 ранга в его назидательных беседах с Ивановым. Константин Николаевич не хотел рисковать и подставлять свою голову из-за «бурной активности» своего подчиненного.

При таком отношении к работе со стороны начальства в ходу среди работников атташата были перестраховка и осторожность, послушание и казарменная дисциплина. Инициатива и самостоятельность карались нещадно. Ни шагу вперед без санкции руководства!

Такой подход к делу Иванова не устраивал. Для него оправданный риск был необходим как воздух. Без активных действий он не мыслил себе работы разведчика. В этом, собственно, и был секрет той «легкости», с которой Евгений Иванов устанавливал контакты с нужными людьми. Плюс, конечно, природное обаяние, умение расположить к себе и заинтересовать собеседника. Все эти качества были присущи нашему разведчику в работе с англичанами. Именно

поэтому на одном и том же приеме в контактах с одними и теми же гостями Иванову удавалось то, что никак не получалось у других.

Некоторые коллеги по работе не могли простить Иванову его успех. А зависть, как известно, – плохой советчик. Но бороться с этим человеческим пороком бывает нелегко. Его обладатели умеют ловко скрывать этот недостаток, прикрывая свои изменные чувства благими намерениями.

Впрочем, Иванов не любил оглядываться назад в работе, если был уверен в собственной правоте. Он продолжал вести свою линию, не обращая внимания на мнение капитана 1 ранга Сухоручкина и компании. Его главной целью была разработка доктора Уарда. И он вникал в каждое его слово.

Стивен Уард рассказывал, что в 1941 году, в самый тяжелый для Советского Союза период войны, когда немцы стояли всего в 26 километрах от Москвы, он подошёл к карте, воткнул флажок в кружочек с надписью «Москва» и сказал: «Победа будет за Россией!»

Доктор Уард стал важнейшей фигурой в судьбе Евгения Иванова, да и во всех событиях, которые последовали за их знакомством. Поэтому остановимся на нём поподробнее.

Стивен Уард был старше Иванова на 14 лет. Он родился 19 октября 1912 года в местечке Лемсфорд в графстве Хертфордшир в семье настоятеля местного собора, священника Артура Уарда. Говорят, что пастора любили и уважали прихожане. Ценили его за доброту и сердечность.

– До восьми лет, – рассказывал Иванову Уард, – в школу я не ходил. С младшим братом Джоном нас обучал папин друг, священник. Когда отца перевели в Твикенхем, мы с братом пошли в местную школу. Через пару лет отец стал настоятелем церкви Святого Матвея в Торкейе. И мне пришлось перейти в новую школу. А заканчивал среднее образование я уже в Канфорде.

Если сравнить детские годы Уарда и Иванова, нетрудно заметить то, что их объединяло. Семьи обоих мальчиков вынуждены были без конца колесить по стране. Отцам – офицеру и пастору – постоянно предлагали то одно, то другое место работы. И Стив, и Евгений прошли через кочевое беспокойное детство, связанное и с неустроенностью, и с постоянной сменой обстоятельств. Приходилось

привыкать к новым школам и новым квартирам, к новым соседям и новым друзьям.

– Я всегда стремился быть отличником, – вспоминал свои школьные годы Стивен Уард. – Хотел примерно сдавать экзамены. Но фатальная лень не давала мне сосредоточиться. Я не имел ни малейшего представления о том, кем хочу стать. Зато отлично понимал, кем бы не хотел быть. Карьера священника меня ничуть не привлекала. Когда в один прекрасный день я заявил отцу, что хочу бросить учебу и начать работать, старик был в недоумении.

Окончив школу, Стивен отправился во Францию. Немного работал экскурсоводом в Париже, затем преподавал английский язык, год проучился в Сорбонне на медицинском факультете. Потом вернулся в Торкей.

– Меня всё больше увлекала медицина, особенно профессия остеопата, – рассказывал Стив. – Врачами людей этой специальности тогда не признавали. Это делало остеопатию в моём представлении ещё более привлекательной и экзотичной.

Разноликий доктор Уард

От знакомых врачей Уард узнал, что центром мировой остеопатии является колледж в небольшом американском городке Кирксвилль, что в штате Миссури. В 1934 году Стив отправился учиться в Соединённые Штаты Америки.

В колледже Кирксвилля молодой человек с энтузиазмом взялся за учёбу. Уард обнаружил в себе талант врача и целителя. Он увлечённо постигал секреты остеопатии, проходил практику в клиниках страны. И после четырех лет напряжённой учёбы получил диплом практикующего врача.

В Америке Уард почувствовал в себе и другой талант – талант художника. Его рисунки, особенно портреты, получались весьма неплохо. Заказов было хоть отбавляй.

– В 38-м году я вернулся в родной Торкей, – вспоминал Стивен Уард, – но уже дипломированным специалистом. Начал практиковать. Даже приобрел известность среди местных жителей как неплохой врач. Однако вскоре началась война, и я записался добровольцем. Военным врачом на службу меня не взяли, так как мой американский диплом в Англии не признавался. И я пошел служить в 58-й Королевский бронетанковый корпус. После короткой военной подготовки стал танкистом. Получил звание капрала и был отправлен в Индию для дальнейшего прохождения службы.

В Индии Стивен Уард ее и закончил: в 46-м году его демобилизовали.

– Возвращаться в Торкей я не стал, – рассказывал он, – а поехал в Лондон. Снял врачебный кабинет на Девоншир стрит и открыл частную практику.

Не прошло и года, как доктор Стивен Уард стал членом Королевского британского общества хиропрактиков и одним из наиболее популярных врачей Лондона. В число его клиентов входили звёзды и кино, и политики, и королевские особы.

Стивен Уард оказался для Иванова настоящей находкой. Он был знающим человеком, приятным собеседником. Их сближало и сходство политических взглядов. Стивен был сторонником советской страны, хотя и не состоял ни социалистом, ни коммунистом.

В день их первой встречи ни Уард, ни Иванов еще не знали, чем обернется для них обоих состоявшееся знакомство. Но в одном советский разведчик не сомневался: знакомые Уарда должны были стать и его знакомыми. Резидент поддержал начинание Иванова.

– Постарайся использовать этого придворного костоправа в наших целях. Выходи на его знакомых, – сказал он.

После негативной оценки проделанной работы со стороны Сухоручкина «зеленый свет», полученный от резидента ГРУ генерала Толоконникова, не мог не поднять настроение Иванову.

Однако, прежде чем выполнить задание резидента и начать выходить на многочисленных знакомых Стивена Уарда, нужно было сначала разобраться в самом докторе Уарде. Симпатии ведь к делу не пришьёшь. Многие в докторе Уарде, его взглядах, жизненном пути и отношениях с людьми было Иванову поначалу совершенно неизвестно. А кое-что и малопонятно.

Необходимо было время для более близкого и детального изучения англичанина, чтобы избежать ненужных ошибок. Поэтому Иванов стал намеренно выделять для новых встреч с доктором Уардом всё больше и больше времени. Стивена не смущал такой интерес к нему. Пожалуй, ему даже льстило внимание к его персоне. Тем более что интересовали Иванова поначалу вовсе не политика и идеология, а привычки и вкусы, пристрастия и увлечения, словом, личная жизнь придворного остеопата. А это ему льстило.

Так доктор Уард попал в активную разработку советского военного разведчика.

Стив охотно рассказывал о себе. Порой сам задавал вопросы. С каждой новой встречей Иванова и Уарда их взаимные знания расширялись, доверие укреплялось, симпатии росли. Росла и откровенность. Постепенно в рассказах доктора Уарда почти не осталось места для личных тайн. Он доверительно делился с понравившимся ему советским морским офицером самыми сокровенными чувствами и воспоминаниями.

Будни и праздники Евгения Иванова. Приемы и рукопожатия

– Ты спрашиваешь, какой была моя первая девушка? Это не слишком весёлая история, Юджин, – рассказывал Стивен Уард. – Моя первая любовь продолжалась недолго. Нам обоим было по 18 лет. Мою возлюбленную звали Мэри Гловер. Она жила неподалёку от нашего дома в Торкее. Её отец владел небольшой страховой компанией в городе. Мы познакомились однажды вечером в местном магазинчике под названием «У Бобби» за чашкой кофе. И, кажется, понравились друг другу. Мэри была просто очаровательна: красивое лицо, густые чёрные волосы, прекрасная фигура. Но у меня не было ни пенса за душой. Нужно было учиться, чтобы получить профессию и содержать будущую семью. Я отправился в Штаты, чтобы стать врачом. Мэри обещала меня ждать. Мы писали друг другу письма. В одном из них я вскоре прочитал: «Извини, Стив, но я полюбила другого. И выхожу за него замуж». Этим счастливым оказался местный биржевой маклер, некий Бернارد Бартлетт. Приличная скотина, между прочим. Так рухнула моя первая любовь, а вместе с ней и романтическое отношение к женщинам.

– Но ты всё-таки женился, не так ли?

– С Патрицей Бейнс я познакомился в апреле сорок девятого на одной из вечеринок у моего друга королевского фотографа Бэрона Нейхума. У неё была точёная фигурка, милая мордашка и заводной характер. Отец её возглавлял довольно успешную компанию, а сама Патриция работала фотомodelью. Честно говоря, я сразу же положил

на неё глаз. Но любовью с первого взгляда здесь и не пахло. Романтика любви меня уже не увлекала. Зато был трезвый расчёт. Я считал, что капитал её батюшки будет не лишним для развития моей врачебной практики. И через несколько дней сделал ей предложение выйти за меня замуж. Мы поженились в Лондоне, а медовый месяц провели в Париже. Через шесть недель роману пришёл конец. Мы развелись.

– Почему?

– Видишь ли, Пэт интересовало то, что меня не увлекало совсем, – то, что принято именовать частной собственностью: богатый дом, роскошный лимузин, дорогое имущество, модные вещи, драгоценности, лёгкие деньги... Короче говоря, мы с ней вскоре разошлись.

Иванов внимательно выслушал историю несостоявшейся любви и семейного счастья доктора Уарда, но верить в неё не спешил. Слишком много вопросов вызвал услышанный рассказ. Продолжать расспрашивать самого Стива о его личной жизни Иванов посчитал неуместным, а вот расспросить хорошо знавших его людей о романтических привязанностях доктора Уарда можно было без труда.

За карточной игрой или за рюмкой хереса о Стиве охотно соглашались посудачить все его друзья. Загадочный для многих характер личности доктора Уарда неизменно возбуждал огромное любопытство и постоянный интерес окружающих его людей.

Стивен Уард и его девушки

Сэр Колин Кут однажды поведал Иванову за обедом в «Гаррик клубе» весьма занятную историю об истинной причине развода Стивена Уарда с Патрицей Бейнс.

– В молодые годы наш общий знакомый был слишком любвеобилен, дорогой Юджин, – заметил редактор «Дейли телеграф». – Один из моих репортёров рассказал мне скандальный случай, который буквально взорвал отношения молодожёнов во время их медового месяца летом 1949 года в Париже. Стив не любит вспоминать этот случай, зато его друзья нередко напоминают ему о нём.

Иванов был заинтригован таким началом истории и попросил сэра Колина продолжать.

– Дело в том, что мистер Уард равнодушен к женщинам лёгкого поведения, – понизив голос и склонившись к уху Иванова, выговорил слегка подвыпивший сэр Колин.

Евгений Михайлович поднёс ладонь к губам и движением пальцев показал, что поведанная ему история останется тайной, его рот будет запечатан. Колин Кут, получив заверения в том, что рассказанное им не будет выдано никому, продолжил рассказ.

– В Париже Пэт очень скоро заметила, что Стив каждый день исчезал из квартиры, где они жили, на пару-тройку часов, ничего ей не объясняя. Как женщина решительная и с характером, она отважилась на отчаянный поступок. Их автомашина имела багажник, смежный с задним сидением автомобиля. Однажды вечером перед очередным загадочным отъездом Стива Пэт забралась в этот багажник, чтобы проследить, куда же он поедет.

– И застала его с любовницей? – попытался угадать конец истории Иванов.

– Увы, – заметил далее сэр Колин, – но дело оказалось ещё более неприглядным. Когда машина остановилась на Плас Пегаль, Стив пригласил в неё одну из выбранных им на вечер проституток. Услышав пикантный разговор с ней своего мужа, миссис Уард пролезла из багажника на заднее сиденье и, неожиданно появившись перед «воркующими голубками», устроила своему «благоверному» форменный разнос. Бедный Стив был настолько напуган демаршем своей жены, что потерял дар речи. А девица выскочила из машины как ошпаренная и пустилась наутёк.

– Выходит, истинная причина быстротечности развода была несколько иной, чем в авторском изложении доктора Уарда.

– Совершенно верно, – кивая головой и иронически улыбаясь, заключил сэр Колин Кут.

Глава 4

Портреты Екатерины Третьей

У каждого человека есть какое-нибудь увлечение: кто-то сочиняет музыку, кто-то собирает марки, кто-то пишет стихи...

Доктор Уард любил рисовать.

– Он донимал всех своих знакомых, – рассказывал Иванов, – бесконечными просьбами позировать ему хотя бы минут пять. Я видел, с каким удовольствием он работал над портретами, как усаживал перед собой объект своего творчества, брал лист бумаги, мелок, закуривал сигарету и за беседой начинал рисовать. Меня он пытался изобразить раза два или три. Портретист Стив был замечательный. Его работы нравились всем.

Это увлечение зародилось у Уарда в 30-е годы, когда он, еще совсем молодой человек, уехал из Англии на континент, чтобы начать самостоятельную жизнь. В Германии дядя устроил его по знакомству в компанию «Шелл» переводчиком. Немецкий язык Стив знал неважно, но достаточно, чтобы познакомиться с ночной жизнью Гамбурга. Особенно одного из районов города – Реепербана, известного своими борделями. Портреты проституток стали первыми пробами пера Уарда-художника. Хозяину компании это увлечение своего служащего было не по душе, и он не раз грозился уволить молодого работника, несмотря на протекцию его дяди. Однажды Стив запер его в кабинете на ключ, отправился на вокзал, сел на поезд и уехал из страны.

В Париже, куда он прибыл из Гамбурга, Уард записался на курсы по истории цивилизации в университете Сорбонны, но на занятиях бывал нечасто. Он зарабатывал на жизнь уроками английского и сопровождением туристов по пользовавшимся популярностью злачным местам французской столицы. В ночном клубе «Ше Флоранс» и борделе «Сфинкс» за бутылкой вина, с неизменной сигаретой во рту он рисовал портреты куртизанок.

Потом была поездка в Соединенные Штаты в 1934 году. Путешествия по стране с запада на восток и с севера на юг континента: в Вайоминг и Флориду, Нью-Йорк и Лос-Анджелес...

Учеба на отделении остеопатии в медицинском колледже. И новые рисунки...

После войны Стив решил поступить в художественную школу. Выбор был сделан сразу – училище Феликса Слейда. «Слейд Скул-оф-Арт» было лучшим художественным училищем в Великобритании. Его создал в середине XIX века Феликс Слейд, известный английский коллекционер и филантроп. Но терпения на регулярные занятия учебой у открывшего свою практику в Лондоне молодого врача-osteopata так и не хватило. Уард-художник на всю жизнь остался простым любителем. Зато каким!

Постепенно послевоенный Лондон признал не только удивительные медицинские способности Уарда, но и его талант портретиста. В клинике доктора Уарда на Девоншир стрит не было отбоя от пациентов, причем нередко ими оказывались люди известные и влиятельные. Кое-кто из них разбирался в искусстве. На рисунки доктора обратили внимание. Решающее слово было сказано однажды в доме номер 195–198 на Стрэнде, куда Уард был приглашен показать свои рисунки.

По этому адресу располагался так называемый «Дом Ингрэма», куда Стив был приглашен его хозяином, чтобы показать свои работы.

Этот угловой дом на Стрэнде был и остается, по мнению многих, одним из красивейших строений Лондона: элегантная колоннада по периметру первого этажа, стильные силуэты окон, трехуровневые гнезда мансард, строгий профиль угла не могут не задержать внимание проходящих мимо лондонцев и приезжих.

В «Доме Ингрэма» размещалась редакция «Лондон иллюстрийтед ньюс» – первой в мире иллюстрированной газеты, созданной в 1842 году печатником Гербертом Ингрэмом, дедом главного редактора газеты сэра Брюса Ингрэма. В ту пору типография находилась во внутреннем двореке дома.

Замечу мимоходом, что Стрэнд – это особое место в британской столице. Здесь расположено немало весьма интересных зданий. Рядом стоит, например, построенная еще в XVI веке часовня – личная церковь королевы Елизаветы II. Неподалеку возвышается дворец графа Сомерсетского, в котором выставлена замечательная коллекция картин импрессионистов. На Стрэнде красуется и грандиозный отель «Савой», где в 50-е годы заседал знаменитый «Клуб по пятницам»,

членами которого были принц Филипп, маркиз Милфорд Хэвен и Бэрн Нейхум – герои последующих глав этой книги.

Сэр Брюс Ингрэм был не только неизменным в течение 60 лет редактором популярной и влиятельной газеты, но и блестящим знатоком живописи, известным коллекционером. И хотя он отдавал предпочтение полотнам маринистов, хороший портрет сэра Брюса без труда мог отличить от примитивного рисунка. Те работы Уарда, что увидел у себя в кабинете главный редактор «Лондон иллюстриейтед ньюс», ему очень понравились. Доктор Уард получил заказ на целую серию работ для газеты, в том числе портретов членов королевской семьи. Сэр Брюс Ингрэм был лично знаком со всеми монархами Великобритании вслед за королевой Викторией. Ибо его газета на протяжении более чем ста лет вела иллюстрированную летопись Великобритании, а значит, и ее королевского дома.

Встреча в «Доме Ингрэма» стала поворотным моментом в жизни Стивена Уарда. Благодаря контракту с популярной и влиятельной газетой, пользовавшейся на протяжении всей своей истории особым расположением королевской семьи, доктор Уард стал фактически не только придворным остеопатом, но и королевским портретистом.

1961 год оказался для Уарда-художника исключительно плодотворным и успешным. Весной открылась его первая персональная выставка. И не где-нибудь, а в Галерее изящных искусств «Легатт оф Сейнт-Джеймс». В числе приглашенных оказались, естественно, многие знаменитые пациенты доктора Уарда. Ну и, конечно, Евгений Иванов. Он старался во всем подыгрывать своему новому знакомому, понимая значение его связей и растущей популярности в высшем обществе для его собственной работы разведчика.

В середине XX века имя братьев Легатт не знал разве что самый ленивый лондонец. Четыре брата были законодателями мод среди столичных галеристов. Теперь «Аккерманы», «Леже» и «Спинки», как и «Легатты», стали устаревшими брендами. В XXI веке имя братьев Легатт потускнело. Ныне в моде «Кристис» и «Сотбис». Об их выставках и аукционах говорят в теленовостях и пишут в газетах. Ныне пьедестал завоеван крупными продавцами предметов искусства. Начальные ставки на их торгах в несколько миллионов фунтов стерлингов сейчас уже никого не удивляют.

Старые добрые галереи, вроде Галереи изящных искусств Легатт, которая размещалась в доме номер 30 на Сейнт-Джеймс в центре Лондона и где можно было выставить, посмотреть, купить и продать стоящие произведения искусства или же просто встретиться и поговорить с друзьями, молодыми художниками и скульпторами, – эти галереи постепенно ушли в прошлое.

Но в тот памятный год Галерея братьев Легатт привлекала к себе всеобщее внимание. В ней выставлялись самые известные мастера самых разнообразных направлений искусства. Но «фишкой» братьев Легатт всегда были портреты. Каждый известный портретист мечтал выставиться в их галерее.

А уж для художника-любителя лучшей рекламы трудно было придумать. В итоге простенькие зарисовки, сделанные Уардом много лет назад на улицах Парижа, милые, но вполне заурядные скетчи, выполненные на Цейлоне или в Индии, портреты, нарисованные в Соединенных Штатах и Англии, превозносились критикой до небес.

Уард был неглупый человек, но не без тщеславия. Газетная и словесная похвальба по поводу его скромных работ доставляла ему немалое удовольствие. Стивен был отменным портретистом-любителем, но его окружение пыталось представить доктора Уарда новой восходящей звездой в созвездии великих художников. Возможно, это помогало талантливому остеопату быстрее исцелять спины льстецов.

Так или иначе, дела нового друга Иванова заметно шли в гору. Только за один год Уард получил заказы на портреты от тогдашнего премьер-министра Гарольда Макмиллана и сэра Уинстона Черчилля, от министра иностранных дел Селвина Ллойда и канцлера казначейства Дерека Амори, министра внутренних дел Рэба Батлера и лидера британских лейбористов Хью Гейтскелла, от посла США в Лондоне сэра Дэвида Брюса и его супруги очаровательной мадам Эвангелины Брюс.

Апофеозом столь грандиозной серии предложений стал уже упомянутый выше заказ журнала «Лондон иллюстрейтед ньюс» на портреты членов королевской семьи. Но и это было ещё не все.

Не забыл своего друга и вездесущий сэр Колин. Он направил Уарда в командировку в Израиль. Там 11 апреля начался процесс года – суд

над нацистским преступником Адольфом Эйхманом. Об этом событии писали все ведущие газеты мира.

Помимо торжества правосудия, процесс в Тель-Авиве обозначил и еще одно не менее важное событие – существенное изменение в соотношении сил в мировом разведывательном сообществе. Политики и военные вынуждены были признать, что теперь к трем ведущим разведслужбам мира – советской, американской и английской – добавилась еще одна – израильская разведка МОССАД. Этот факт уже мало кто оспаривал, хотя новому фавориту не было и 16 лет.

Дело Эйхмана стало результатом блестяще спланированной и четко осуществленной операции основателя и руководителя МОССАД Исера Харела, выходца из Белоруссии, получившего из-за своего малого роста кличку «Исер-маленький».

Выследив Эйхмана на другом конце света в Аргентине, израильская разведка установила его адрес в Буэнос-Айресе. Затем нацист был схвачен у своего дома и перевезён на конспиративную квартиру. Днями позже он был отправлен на борту пассажирского самолета в Тель-Авив, где и предстал перед судом. Палач Освенцима штурмбанфюрер СС Адольф Эйхман получил по заслугам. 31 мая 1961 года он был повешен.

Уард провёл на процессе года несколько дней и выполнил серию весьма удачных зарисовок. Их опубликовала «Дейли телеграф».

Вернувшись в Лондон, костоправ обнаружил, что его популярность как художника начинает брать верх над известностью лекаря.

Именно в этот момент и Иванову неожиданно представилась возможность чуть-чуть подыграть Уарду в его стремлении к признанию, в удовлетворении честолюбивых замыслов начавшего преуспевать художника. В Англию с кратким рабочим визитом приехала министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева.

На следующий день рано утром Иванова поднял с постели телефонный звонок Стивена.

– Юджин, ты обязательно должен мне помочь. Только ты можешь это сделать.

– Говори толком, – пробурчал Иванов, спросонья не понимая, чего Уард от него хочет.

– Устрой мне встречу с госпожой Фурцевой. Прошу тебя, – упрашивал он так горячо и умоляюще, что Иванов тут же забыл про

сон. – Мне необходимо нарисовать её портрет. Представляешь: русская женщина-министр позирует мне и даёт интервью. Да любой редактор застрелится, чтобы получить такой материал. Что скажешь?

А что, собственно, Евгений Михайлович мог ему сказать? Что Фурцева, скорее всего, пошлёт их с ним куда-нибудь подальше? Иванов, конечно, друга огорчать не стал, но и обещать ничего не мог. Сказал лишь, что подумает, как ему помочь.

Он-то ведь знал, что советские руководители к себе журналистов, кроме как на официальных пресс-конференциях, днём с огнём не подпускают. А об их личной жизни вообще не принято писать: запретная тема.

Кроме того, Екатерина Алексеевна Фурцева была не просто министром культуры страны, а членом Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии, человеком достаточно влиятельным и могущественным в тогдашней советской партийной иерархии. А значит, и весьма ортодоксальным. Всё это предрекало спонтанной затее Стивена почти гарантированный провал. Зная это, Иванов не спешил обнадеживать Уарда. А тот был обескуражен казавшимся безучастием своего русского друга к его просьбе.

Но Евгений Михайлович понимал и другое: успех в этом деле мог поднять его авторитет в глазах Уарда. Иванов был должником англичанина, а долг платежом красен. Организуй он встречу с Фурцевой, и его контакты со Стивом могли перерасти в весьма доверительные и достаточно прочные отношения. Для работы советского разведчика это было немаловажно. Да и чисто по-человечески Иванов привязался к Уарду и очень хотел ему помочь.

Недолго думая, он отправился в посольство. Забыв о протоколе и приличиях, пробрался прямо в апартаменты Фурцевой. Такого нахальства и бесцеремонности она, видимо, не ожидала, тем более от морского офицера. Но Женя находился, говоря шахматным языком, в цейтноте. Возможностей для поиска более подходящих ситуаций у него попросту не оставалось. Визит Фурцевой был кратким, и время её пребывания в стране – расписано по минутам.

Не дожидаясь разноса за нарушение субординации, Иванов начал наступать, взяв на вооружение всё своё обаяние и красноречие. Аргументам и доводам в пользу встречи с Уардом и последующей публикации в английской прессе интервью и портрета советского

министра культуры не было конца. Одновременно он пытался отрезать Екатерине Алексеевне пути к отступлению, заверяя, что руководство посольства активно поддерживает эту идею.

После непродолжительного сопротивления «противник» сдался. Устав от настойчивых просьб Иванова, – всё-таки женщина, несмотря ни на что, всегда остается женщиной, – Фурцева заявила:

– Хорошо, приводите своего англичанина. Пусть рисует. Только я смогу уделить ему не более пятнадцати минут.

Крепость была взята, и, воодушевлённый неожиданной победой, Иванов тут же позвонил Уарду.

– Она согласна, – сказал он.

В телефонной трубке воцарилось молчание.

– Стив, ты слышишь меня?

– Ты настоящий друг, Юджин. Я никогда в этом не сомневался, – услышал Иванов голос пьяного от радости Уарда.

В назначенный час они вместе вошли в здание посольства. Фурцева только что вернулась с приема в Ланкастер хаус. Иванов представил ей Стивена Уарда. Они обменялись рукопожатием и расположились в креслах у окна напротив друг друга. Стив достал бумагу и начал рисовать, время от времени задавая Екатерине Алексеевне какие-то вопросы. Иванов переводил.

– Вы первый раз в Лондоне? Как вам здесь нравится? Вы любите живопись? Не любите модерн? Вы прекрасно выглядите. Как вам это удается? Занимаетесь теннисом? Не любите косметику? Не носите драгоценностей?

Фурцева кратко отвечала на незамысловатые вопросы художника, рисовавшего её портрет.

«Вот ещё один симпатичный мужчина расточает комплименты в мой адрес, – подумалось ей. – Как они любезны и обходительны, когда им что-то нужно!» Встреча с Уардом вернула в памяти грустные воспоминания.

Три десятилетия назад молоденькая Катя Фурцева резко изменила свою жизнь, поддавшись уговорам и комплинтам своего будущего мужа. Военный лётчик Пётр Битков был удивительно хорош собой. Воздушный ас, душа компании, он буквально очаровал её своими достоинствами. Заставил оставить работу на фабрике и лётный клуб, где она занималась, и стать послушной преданной женой.

Семейной идиллии, однако, не получилось. В грозном сорок втором муж бросил её одну с малолетней дочерью, закрутив во время войны фронтальной роман с приглянувшейся ему медсестрой.

В годы военного лихолетья Екатерина Алексеевна с головой ушла в работу. Стала помощницей второго мужчины в её жизни – Первого секретаря Фрунзенского райкома партии города Москвы Петра Владимировича Богуславского. Служебный роман остался лишь эпизодом в её жизни. Шеф не захотел разводиться со своей женой и портить себе карьеру. Впрочем, карьера эта всё равно была обречена. В 1949 году в разгар кампании по борьбе с космополитизмом Богуславский был снят с должности за «пятый пункт».

В том же году в жизни Фурцевой возник мужчина, который не расточал ей комплименты, но одним своим решением определивший всю её дальнейшую судьбу. На праздничном приёме в Кремле Екатерина Алексеевна была представлена Сталину. Деловая, энергичная, обаятельная партийка понравилась «хозяину». Вскоре её назначили секретарём Московского городского комитета коммунистической партии. О большем тогда было страшно даже мечтать.

В пятьдесят втором году Сталин готовил очередную расправу над партийными бонзами. Фурцева вполне могла оказаться в одной компании с Молотовым, Микояном, Маленковым, над которыми уже был занесён дамоклов меч сталинских репрессий. Но «вождь народов» умер. Грозившая расправа не состоялась.

Новый кремлёвский лидер Никита Хрущёв сделал Фурцеву своим ближайшим соратником. Он поставил её во главе московской партийной организации, ввёл в состав Президиума ЦК.

Фаворитка отплатила своему благодетелю сполна. В 1957 году семь из одиннадцати членов Президиума проголосовали за смещение Хрущёва с должности руководителя партии. Фурцева первой пришла ему на помощь. Обратилась за поддержкой к министру обороны страны маршалу Жукову и председателю КГБ генералу Серову. Они за сутки собрали в Кремле всех сторонников Хрущёва из состава Центрального комитета и на Пленуме ЦК партии опрокинули решение Президиума, вернув Никиту Сергеевича на престол и устранив от власти «антипартийную оппозицию».

Но у политики свои законы. Четыре года спустя Хрущёв предаст Фурцеву, убрал её со всех партийных постов.

Скорым на измену и предательство окажется и второй муж Фурцевой, известный дипломат Николай Фирюбин. Они познакомятся в середине пятидесятых. Екатерина Алексеевна будет летать к нему на свидания в Прагу и Белград, где Фирюбин окажется в служебных командировках. О романе руководителя московской партийной организации будут наперебой судачить в кремлёвских коридорах. Законный брак не спасёт репутацию Фурцевой. Её избранник заведёт себе роман на стороне.

С годами первая императрица советской партийной элиты постепенно привыкнет к предательству «обожавших» её мужчин.

– А этот англичанин никак не предаст, – подумала она, вглядываясь в глаза Стивена Уарда. – Просто не успеет. Да и зачем ему меня предавать? Он ведь иностранец. Напишет портрет и десять строчек текста к нему. Вот и всё. Предают ведь не чужие, а только свои, самые близкие.

Через четверть часа портрет был готов.

Рисунок в «Дейли телеграф» и комментарий к нему

Russia's Woman Minister

A SKETCH by Dr. Stephen Ward of Mrs. Furtseva, the only woman ever to reach the summit of political power in Russia. Now on a brief official visit to Britain in her capacity as Minister of Culture, she was guest of honour yesterday at a Government reception in Lancaster House. She returns to Moscow to-day.

She did Dr. Ward the unusual favour of sitting for this sketch yesterday morning. Giving his impressions of her, he said: "I was entirely captivated by her charm and friendliness."

"Mrs. Furtseva was without any jewellery or make-up and told me she never wore any. She gave the impression of being in good health; she keeps fit by playing tennis."

On the question of modern art, she thought "ultra-modern" art definitely harmful. She said she regarded Picasso as a great creative artist, but added that his imitators had produced nonsense that was often accepted as serious work.

– Ну-ка, дайте мне взглянуть, – сказала Фурцева. – Недурно. Как по-вашему, Евгений Михайлович, я здесь похожа?

– По-моему, да, – соврал Иванов, не желая разочаровывать ни художника, ни его жертву.

На его взгляд, портрет Уарду на этот раз не удался. Мадам Фурцева выглядела значительно моложе своих 52 лет. На портрете Уарда она вовсе не являла собой образ государственного деятеля, скорее походя на кокетливую даму. Но Иванов, естественно, не стал распространяться на этот счёт.

Как ни странно, Фурцевой портрет очень понравился, может быть именно потому, что она на нём выглядела совсем не такой, какой заставляло её быть положение партийного руководителя.

Иванов с Уардом откланялись, оставив министра культуры в прекрасном расположении духа.

– Только не забудьте мне прислать эту публикацию ближайшей почтой, Евгений Михайлович, – сказала Екатерина Алексеевна на прощание. – А вы, господин Уард, приезжайте к нам в Советский Союз. Буду рада продолжить наше знакомство.

Едва выйдя за пределы посольства, Уард устремился к машине, заявив, что спешит в редакцию.

– Я должен успеть написать хотя бы тридцать строк текстовой к портрету в завтрашний номер, – бросил он уже из окна своего автомобиля.

Открыв наутро свежий номер «Дейли телеграф», Иванов увидел портрет Фурцевой и небольшой материал к нему, написанный Стивенем Уардом. Такой оперативности он никак не ожидал. Сэр Колин Кут, видимо, дал эту врезку вне всякой очереди. Не мог же он отказать своему протеже?

До вылета Фурцевой из Лондона оставалось ещё время, и Евгений Михайлович отправился в лондонский аэропорт Хитроу, чтобы выполнить обещанное – вручить госпоже министерше публикацию в газете, увидеть которую так скоро она наверняка не ожидала.

– Уже знаю. Можете не докладывать, – сказала Екатерина Алексеевна, заметив Иванова с номером «Дейли телеграф» под мышкой. – Ваши посольские с утра растрезвонили на всю колонию об этой статье и о портрете тоже. Мне перевели. Неплохая заметка получилась. Коротенькая и по делу. Без глупостей. Передайте привет вашему другу.

Англичане подкатали трап к правительственному самолету и пригласили госпожу Фурцеву на посадку.

– Надо будет вашего художника с Никитой Сергеевичем свести, пусть-ка его портрет нарисует. Что скажете? – бросила она Иванову напоследок то ли в шутку, то ли всерьез.

Удивленный столь неожиданным предложением, Евгений Михайлович так и не нашёлся что сказать. Фигура Фурцевой скрылась за люком авиалайнера.

Екатерина Алексеевна не знала и не могла знать тогда, что уже к осени её дружеские отношения с Хрущёвым дадут сбой. Накануне XXII съезда партии «Первый» выведет её из состава Президиума ЦК КПСС. Причём сделает это тайно, поставив Фурцеву перед свершившимся фактом. Он предаст её так же, как предал многих своих

самых верных союзников, как предал маршала Жукова, оклеветав его и отправив в отставку.

На крутое решение Хрущёва Фурцева ответит жёстко – перережет себе вены. Лишь отчаянные усилия врачей спасут ей жизнь...

Предвидеть эти события Иванов, естественно, не мог. Но и всерьёз воспринимать сказанное Екатериной Алексеевной не собирался. Скорее всего, это была лишь прощальная шутка, полагал он, и ничего больше. Но и не использовать декларированную товарищем Фурцевой возможность было бы глупо, считал Евгений Михайлович.

Хрущёв был в ту пору самым популярным и самым непредсказуемым политическим деятелем. Западные журналисты стаями охотились за ним во время его зарубежных поездок. Один эпизод с башмаком в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке осенью 60-го года чего стоил! Или знаменитое громогласное «Мы вас закопаем!» с балкона советского представительства на углу 68-й улицы.

Сейчас, с высоты нынешнего времени, все эти выходки Хрущёва кажутся дикими. А в те годы они подпитывались не только его идеологической запрограммированностью. Начало 60-х годов было временем, когда и впрямь могло показаться, что сама матушка-история работает на Советский Союз. Рушилась колониальная система капитализма. СССР вырвался вперёд в космосе. Статистические сводки сообщали о ежегодном росте производства в стране на 10–15 %. Казалось, что, сбросив с себя вериги сталинского культа личности, Советский Союз вот-вот совершит гигантский рывок вперёд. Хрущёв объявил, что Советский Союз обгонит США по производству мяса, молока и масла к 70-му году, а ещё через десятилетие построит в стране коммунизм.

В те годы и Иванов, и многие его соотечественники под гипнозом широковещательных заявлений Никиты Сергеевича стали жить в мире иллюзий и воинственной самоуверенности. Шапкозакидательство достигло тогда своих вершин. Но многие принимали заявления советского лидера за чистую монету. Хрущёв будоражил умы. Знакомство с таким человеком было заветной мечтой любого журналиста. Иванов решил разыграть эту карту.

Приехав в Спринг коттедж к Уарду, – а на посещение его Стив выдал Иванову «карт-бланш», – Евгений Михайлович заявил:

– Мадам Фурцева в восторге от твоей публикации. Мне велено передать тебе её приглашение приехать в Москву, чтобы сделать портрет Хрущёва.

После минуты гробового молчания в доме раздалось раскатистое «ура». Гости Уарда, да и он сам, конечно, шумно реагировали на это известие. Достав из машины бутылку «Столичной», Иванов предложил отметить очередной успех преуспевающего художника.

Подойдя к Стиву, он заглянул ему в глаза. От радостного возбуждения они светились, как у кошки в темноте.

Все в жизни со временем проходит. Постепенно прошла и эйфория от приглашения Фурцевой посетить Москву, чтобы написать портрет Хрущева. Другие события вторглись в жизнь и Евгения Иванова, и Стивена Уарда.

Пройдет всего два года, и новую выставку картин Уарда в Лондоне в день ее открытия неожиданно закроют. В суде Олд-Бейли начнется процесс над доктором Уардом. «Скандал века», как позднее назовут события лета 1963 года журналисты, поставит точку не только в творчестве Уарда-художника, но и в самой его жизни.

Все портреты, в том числе и членов королевской семьи, с его экспозиции будут скуплены неизвестным лицом. Те работы художника, которые были им подарены друзьям, также будут впоследствии выкуплены за значительные суммы неким меценатом. И исчезнут из вида.

Глава 5

Кливденский расклад

Приглашения в дом к лорду Астору Иванову долго ждать не пришлось. Гостю Спринг коттеджа через доктора Уарда было предложено явиться на званый обед.

Войдя в Кливденский дворец, Уард и Иванов оказались в просторном зале. Всё в этом особняке было огромным: потолок, окна, стол, камин и бронзовые фигуры обнажённых женщин.

– Обрати внимание, – сказал Иванову Стив, – как блестят их бронзовые грудки. Старик Билли, видно, натирает их каждый день. Иначе чего бы им так сверкать?

Гости взялись было сами опробовать выпуклые места статуэток, как услышали голос вошедшего в зал лорда Астора. Он самодовольно посмеивался над гостями.

– А, прелюбодеи, попались! И вы туда же. Ещё ни один мужчина, когда-либо переступавший порог этого дома, не мог устоять перед соблазном приласкать моих бронзовых девочек.

Для своих 54 лет лорд Астор выглядел несколько старше. Высокий лоб пронизывали бороздки многочисленных морщин. Редкие седые волосы на висках дополняли их почти полное отсутствие в верхней части головы и на затылке. Тонкие губы были едва заметны и при улыбке, казалось, вовсе исчезали. Негустые брови накрывали близко посаженные глаза с редкой сеткой коротких ресниц. Плохо скрываемую сутулость выдавала сухая фигура человека, не страдающего избытком мышц.

Словом, Бобби не был обременён признаками мужской красоты. Неслучайно в годы учёбы в Итоне и Оксфорде его считали самым стеснительным из студентов. Стеснительность, впрочем, прошла с годами. Отсутствие внешней привлекательности сохранилось. Подкупала, впрочем, живость ума, отменная реакция и изрядный жизненный опыт. Но, чтобы выявить эти достоинства лорда Астора, очевидно, требовалось время.

Третий барон Астор

Стив представил Иванова хозяину дома. Билл протянул руку гостю и долго сохранял рукопожатие, рассматривая в упор своего русского пришельца. Кажется, именно так же беззастенчиво и продолжительно разглядывал в своё время советских солдат в строю встречавшего его почётного караула в Крыму сэр Уинстон Черчилль в день своего прилёта на историческую Ялтинскую конференцию.

Чуть позже в зал вошла и супруга лорда Астора, очаровательная Бронвен Пью.

Джанет Бронвен Алан Пью, как известно, была третьей женой Билли. Бывшая супермодель, она прославилась, работая на известного французского кутюрье Пьера Бальмена.

Став супругой Билли в 1960 году, летом шестьдесят первого новая леди Астор находилась в интересном положении, ждала ребенка.

Миледи любезно поздоровалась с Ивановым и пригласила гостей за стол. Никакой прислуги на обеде не было. Вино и еда были отменные. Сидевшие за столом четверо мужчин быстро разговорились и, кажется, понравились друг другу.

Очаровательная леди Бронвен

За послеобеденными сигарами и коньяком подошел черед политики. Бронвен Пью оставила мужчин: по традиции наступал их час. Лорд Астор был удивительным собеседником. Даже то небольшое, что он говорил по той или иной проблеме, которой они касались, было существенно и интересно.

В тот день его особенно увлекали перспективы возможного вступления Англии в Общий рынок. Лорда Астора, в частности, волновали экономические последствия этого шага. Особенно иммиграция дешёвых рабочих рук. На континенте в те годы рабочая сила была в целом дешевле, чем в Англии.

Но присоединение к Европейскому экономическому сообществу, по мнению лорда, было палкой о двух концах. С одной стороны, ЕЭС могло бы позволить партии тори приручить не в меру своевольные британские профсоюзы, с другой – взвинтить и без того высокую безработицу. Первое было, по понятным причинам, весьма кстати, ну а второе ничего хорошего не сулило.

Дискуссия по этому актуальному вопросу получилась на славу. Иванову удалось показать, что не во всём и не всегда он обязательно согласен с позицией своего правительства, хотя и служит в Лондоне как его представитель.

Такая позиция подкупала.

Отношения с лордом Астором были установлены. Причём достаточно дружеские. Иванов получил приглашение бывать в его доме без особых церемоний.

Фамилия Асторов – предпринимателей, торговцев, спекулянтов, государственных мужей, дипломатов и шпионов – широко известна во всем мире.

Асторы, как бы сказали у нас на Руси, для чопорных англичан были люди пришлые. Их предок значился простым испанским крестьянином. Звали его Асторга. Был он неплохим животноводом, успешно торговал мясом.

В XVIII веке Асторга перебрался с семьей в Германию в небольшой городок Волдорф под Гейдельбергом. Окончание «га» в фамилии переселенцев опустили. Так родилась фамилия Астор.

В 1783 году двадцатилетний сын мясника Джон Джейкоб Астор I (1763–1848) отправился на заработки за океан и преуспел в торговле мехами.

Его сын Вильям Бэкхаус Астор (1792–1875) начал строить Нью-Йорк и с помощью земельных спекуляций сделался одним из первых богачей Америки.

Двое его сыновей, Джон Джейкоб Астор II (1822–1890) и Вильям (1827–1892), отправились в Англию. В Лондоне они занялись производством музыкальных инструментов. Сделанные ими флейты посылались в Нью-Йорк, где их успешно продавал отец.

Старший сын Астора II – Вильям Волдорф, первый лорд Астор (1848–1919), предал забвению бизнес и торговлю, решив стать политиком, и кое в чем добился успеха. В 29 лет он баллотировался сначала в Ассамблею Нью-Йорка, а год спустя – в Конгресс США, но потерпел неудачу.

В 1881 году президент страны Джеймс Гарфилд предложил Вильяму Волдорфу Астору возглавить посольство США в Италии. Вернувшись домой после пяти лет дипломатической работы в Риме, Астор оставил международные дела и всерьез увлекся эпистолярным творчеством. Написал свою первую, почти автобиографическую книгу «Силуэты», выдержавшую в Америке четыре издания, но довольно враждебно встреченную местной критикой.

Разочаровавшись своей карьерой на родине, в 1890 году неудавшийся конгрессмен и писатель, захватив с собой унаследованные от умершего отца капиталы, переехал из США в Англию.

Через три года у герцога Вестминстерского за 20 миллионов фунтов стерлингов в современном исчислении Вильям Волдорф Астор приобрел Кливденский замок и поселился в нем с семьей.

Дела Астора в Англии шли, казалось, неплохо. Но в 1894 году скончалась его жена, оставив ему 15-летнего сына. Вдовец активно занялся благотворительностью: построил в Лондоне детскую клинику в госпитале на Грэйт Орманд стрит, взялся помогать бедным и обездоленным.

Семейного капитала, впрочем, хватило и на то, чтобы купить в 1899 году себе гражданство Великобритании, а в 1917 году – титул английского дворянина. Однако два года спустя первый лорд Астор скончался в возрасте 71 года, так и не насладившись жизнью британского аристократа.

Его старший сын, Волдорф, второй лорд Астор (1879–1952), получив в Англии хорошее образование, решил пойти по стопам отца и занялся политикой. Чтобы имидж молодого человека соответствовал требованиям высшего общества, второму лорду Астору, прежде чем идти на штурм властных бастионов, необходимо было жениться.

В 1905 году он познакомился в Лондоне со своей соотечественницей Нэнси Лэнгхорн. Они были одноклассниками. Обоим было по двадцать шесть лет. Только Нэнси была уже замужем, развелась и воспитывала сына Бобби. Это не помешало, однако, молодым людям сочетаться законным браком. Мисс Лэнгхорн стала леди Астор и родила в течение ближайших нескольких лет своему новому мужу четырех сыновей: Вильяма Волдорфа – будущего третьего лорда Астора, Майкла, Дэвида, Джекки, а также дочь Фелицию, будущую графиню Ланкастерскую.

Муж Нэнси и новый хозяин Кливдена уже в 1910 году стал членом британского парламента от консервативной партии и проработал в Вестминстере два срока. Он преуспел не только в политике, но и в печатном бизнесе, став владельцем газеты «Обсервер». Самое удивительное, однако, заключалось в том, что Нэнси не стала в семье Асторов простой домохозяйкой, привязанной к детям и домашнему

очагу. Она тоже пошла в политику, поддержав мужа в его увлечении. И стала одной из выдающихся исторических фигур XX столетия.

Нэнси была уроженкой Виржинии. Ее отец Чизвел Дэбни Лэнгхорн владел на юге крупной табачной плантацией. Гражданская война лишила его и рабов, и плантации, которая перешла к французам. Чтобы выжить, он перепробовал разное: торговал на аукционах лошадьми, работал носильщиком в гостинице – делал все что мог, лишь бы раздобыть немного денег, но преуспел лишь в одном – карточной игре.

– Играл он настолько хорошо, что смог безбедно содержать всю нашу большую семью из одиннадцати детей, – вспоминала позднее леди Астор. – В этой семье я была седьмым по счету ребенком.

Когда Нэнси исполнилось семнадцать лет, семья отправила ее на учебу в Нью-Йорк, в пансион мадам Браун. Год спустя ее познакомили с Робертом Шоу, состоятельным молодым человеком из Бостона. В 1897 году они поженились. В Бостоне, куда переехала молодая чета, у них родился сын Бобби. Через три года брак, однако, распался: у Роберта появилась другая женщина.

Миссис Лэнгхорн, чтобы немного отвлечь свою дочь от пережитого, взяла ее с собой в поездку по Европе. В Лондоне они остановились погостить у своих знакомых – Асторов. Так была решена дальнейшая судьба Нэнси.

Нэнси и Вильям Волдорф после свадьбы поселились в Плимуте. Именно в этом городе и состоялись поначалу не только семейное счастье, но и политическая карьера молодой четы.

Семейный капитал, хорошее образование, связи в высшем обществе и удивительная предприимчивость, которую супруги, возможно, унаследовали от своих родителей, привели сначала Вильяма Волдорфа, а затем и Нэнси Астор в британский парламент и большую политику.

За них преданно проголосовало большинство избирателей Плимута, покоренных красноречием и интеллектом Асторов. Нэнси будет представлять жителей этого города в британском парламенте на протяжении 20 лет. А потом будет избрана его мэром.

1919 год стал годом серьезных перемен для их семьи. После смерти первого лорда Астора супруги перебрались из Плимута в Кливден. Начался новый этап их жизненного пути.

Кливденский замок, расположенный в непосредственной близости от Виндзора – летней резиденции английского королевского дома, постепенно, начиная как раз с 1919 года, со времени переезда в него Вильяма и Нэнси, стал превращаться в один из центров политической жизни Великобритании.

Капитал, заработанный Асторами, окружил их дом вниманием высочайших особ. Монархи и премьеры, министры и послы стали постоянными гостями Кливденского замка. Асторов начали ассоциировать с британской политикой так же, как Шекспира с английской литературой. Взлет этого богатого рода к вершинам политической власти в стране оказался поистине стремительным.

До Второй мировой войны Асторы, без преувеличения, признавались властителями дум высшего общества. Их именовали «миротворцами» в Европе. Нэнси, по мнению историков, представляла крайне правый фланг консервативной партии и его лидера премьер-министра Невилла Чемберлена. Асторы поддерживали популярный тогда не только в Европе, но и в Америке политический курс на умиротворение фашистской Германии.

На посиделках у Нэнси в Кливденском имении бывали многие видные гитлеровские чины, в частности немецкий посол в Англии, а затем министр иностранных дел Германии фон Риббентроп. На Нюрнбергском процессе по окончании Второй мировой войны он даже попросил у суда вызвать в качестве свидетеля леди Астор. Риббентроп надеялся, что она встанет на его защиту. Суд, однако, отверг просьбу нацистского преступника.

Родовое гнездо Асторов, то, что радует глаз и по сей день, было построено в 1850 году при тогдашнем его хозяине герцоге Сазерлендском. Он заказал проект дворца создателю комплекса Зданий Парламента в Лондоне, знаменитому архитектору сэру Чарльзу Берри. И тот блестяще, как считают знатоки, выполнил высочайший заказ. Сэр Чарльз спроектировал Кливден по образу и подобию знаменитой Виллы Альбано в Риме.

В 1893 году, о чём уже говорилось выше, его купил Вильям Волдорф Астор, первый в династии лордов Асторов – дед Билли. Он перестроил все интерьеры замка в любимом им итальянском стиле. На полу главного холла появилась римская мозаика. Потолок столовой был расписан итальянскими художниками в стиле псевдоклассицизма.

Гостиную украсили деревянные панели из охотничьего домика Мадам де Помпадур в Асниере. Были куплены и привезены в Кливден гобелены, некогда украшавшие замок первого герцога Мальборо. В холле были установлены римские скульптуры и античные вазы. Территорию имения украсили не только прекрасные сады и цветники, но и древние балюстрады из Боргезе, а также римские саркофаги.

Когда леди Нэнси Астор, принимая в 1919 году Кливденское имение после смерти свёкра, впервые увидела его убранство, она заявила в сердцах: «У Асторов совершенно нет вкуса». И переделала интерьер замка по-своему. Убрала мозаику и роспись потолков в гостиной. Приказала унести в подвал римские статуи и вазы. Купила французскую мебель и повесила шторы. Тем не менее декор имения в исполнении первого лорда Астора остался большей частью нетронутым.

Леди Астор

Управление столь обширным владением, как Кливденское, потребовало использования целой бригады слуг. Дворецкий имения мистер Ли проработал здесь четыре десятилетия и оставил Кливден вместе с леди Астор, когда она после смерти супруга в 1952 году переехала в Лондон в дом номер 100 на Итон сквер.

Именно в этом доме 85-летняя леди Астор, икона британской политики двадцатого столетия, узнает в 1963 году во время скандального дела Профьюмо о низвержении имени Асторов с политического пьедестала. Её сын, как один из участников «скандала века», дискредитирует не только самого себя, но и всю династию Асторов. Старая женщина будет раздавлена этой новостью и скончается несколько месяцев спустя в 1964 году.

Одним из летописцев Кливдена и леди Астор станет её преданный дворецкий мистер Ли.

– В Кливдене бывали все короли и королевы Великобритании этого столетия, – с гордостью отмечал он в одном из своих интервью. – Их величества, впрочем, никогда не останавливались здесь на ночь. Ведь Виндзор совсем рядом.

Мистер Ли любил комментировать записи в знаменитой книге посетителей Кливдена, которая читается теперь как настоящая энциклопедия исторических имен. Помимо друзей леди Астор, коими в первую очередь были знаменитый разведчик Лоренс Аравийский, британский премьер Ллойд Джордж и драматург Джордж Бернард Шоу, в книге посетителей Кливдена можно найти имена Невилла Чемберлена, Уинстона Черчилля, Энтони Идена, Гарольда Макмиллана, маркиза Керзона, принцессы Патриции Коннот, маркиза Лотиана, короля Швеции Густава, королевы Румынии Марии, лорда Хейли, лорда Галифакса и многих, многих других

– А кто из моих соотечественников был гостем Кливдена? – поинтересовался я в одно из своих посещений Кливдена.

– Если не считать героя вашей книги, мистер Соколов, то их было всего трое, – ответил мне нынешний директор-распорядитель имения. – В начале века здесь побывал великий князь Кирилл, племянник царя Николая II. Потом, в конце 20-х – соратник вашего вождя мистера Ленина господин Сокольников, полпред Советской России в Англии. Он был весьма дружен с леди Астор. А позднее, в тридцатые годы, Кливден посещал господин Майский, посол вашего лидера Сталина в Лондоне.

Имя великого князя Кирилла Владимировича, контр-адмирала русского флота, участника русско-японской войны, хорошо известно. Ведь именно он, первый племянник расстрелянного большевиками русского царя, в эмиграции провозгласил себя наследником Романовых

и царём Кириллом I. Смерть в 1938 году прервала претензии родственника последнего русского царя на свергнутый престол.

Что касается Григория Яковлевича Сокольников, то он был первым послом СССР в Лондоне после установления дипломатических отношений между двумя странами в 1924 году.

Он же стал организатором знаменитой поездки леди Астор вместе с её пожизненным другом, английским писателем Джорджем Бернардом Шоу, в июле 1931 года в «совдепию».

Советский посол полагал, что известный драматург симпатизирует революционной России. Леди Астор он относил к левому крылу партии тори и считал, что в ходе поездки по стране Советов её удастся перековать в большевичку. С Бернардом Шоу полпред Сокольников не ошибся. Писатель был влюблён в новую Россию и повсеместно расточал ей комплименты. С леди Астор, к несчастью дипломата, вышла серьёзная промашка. Нэнси считала большевиков воинствующими безбожниками, а советскую власть презирала.

Один из самых талантливых и блестящих большевистских вождей, Сокольников справлялся с любой работой, какую бы ему ни поручали. Он был единственным большевиком, потребовавшим с трибуны съезда снятия Сталина с поста генерального секретаря. Это стоило ему и поста наркома финансов, и членства в Политбюро.

Позднее, когда Сталин наметил курс на коллективизацию и индустриализацию, Сокольников выступил против этой политики и требовал нормального поступательного развития экономики без поголовной коллективизации на селе, предлагал сначала развитие лёгкой промышленности, а затем уже тяжелого машиностроения. Диссидента-большевика арестовали в 37-м, а два года спустя убили в тюрьме.

Будущий академик и замнаркома иностранных дел Иван Михайлович Майский вслед за полпредом Сокольниковым также имел честь быть гостем Кливдена. Несмотря на то что в ранге посла он пробыл в Великобритании больше десяти лет, ни деловые, ни личные отношения у него с леди Астор так и не сложились.

– Однажды мы пригласили советского посла в Кливден, – вспоминала леди Астор в одном из своих интервью. – На приёме мы заметили, как грубо вёл себя мистер Майский по отношению к своей жене. Поговаривали, что она вовсе не была его женой, что её

приставили к нему специально, дабы она приглядывала за ним и обо всём доносила Сталину. После того визита господин Майский исчез из нашего поля зрения и больше в Кливдене не появлялся.

Судя по гостевой книге Асторов, Иванов оказался четвёртым в группе весьма привилегированных российских особ, удостоенных чести быть официально приглашёнными в Кливден.

Следует, впрочем, иметь в виду, что визиты конфиденциальных гостей в книге посещений дворца, естественно, не фиксировались. Поэтому любознательным историкам в ней не удастся найти имена участников закулисных переговоров и тайных встреч, коими столь богата секретная история Кливдена.

Именно к ней, к тайной жизни родового гнезда Асторов, и было обращено пристальное, заинтересованное внимание советского военного разведчика.

Астора-младшего – Билли, героя событий начала 60-х – в политику подтолкнула его мать, леди Астор. При семейной поддержке и с двумя дипломами Итона и Оксфорда Вильям Рандольф Астор уже в 1935 году в возрасте 28 лет завоевал себе место парламентария в Вестминстере. В годы Второй мировой войны он неплохо зарекомендовал себя на службе в британской разведке, связи с которой были продолжены и после победы.

В 1945 году третий лорд Астор женился. Его супругой стала Сара Грэнтли, дочь барона Грэнтли, известного английского кинопродюсера. Другом семьи барона были лорд Маунтбаттен и принц Филипп, будущий герцог Эдинбургский, супруг английской королевы, а также Кетлин Кеннеди, сестра будущего президента США. Этот брак продлился восемь лет.

Лорд Астор Третий – «Билли»

Его второй женой стала Филиппа, крестница будущего премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана и дочь подполковника Генри Ханлоука, бывшего резидента МИ-5 в Иерусалиме, с которым Билли был знаком по совместной работе в годы войны на Ближнем Востоке. Этот брак был совсем недолгим. Через несколько месяцев супруги разошлись.

Происхождение и социальный статус первых двух жен третьего лорда Астора уже сами по себе свидетельствовали о круге общения нового хозяина Кливдена. С благословения Билли родовое гнездо Асторов превратилось в базу для английской разведки и правительства страны при проведении конфиденциальных встреч и консультаций с зарубежными партнерами. Здесь гостями лорда и его коллег из британских спецслужб нередко бывали высокие заокеанские гости, в частности руководители ЦРУ и ФБР.

Резидент ГРУ в Лондоне генерал Павлов, сменивший на этом посту Льва Сергеевича Толоконникова в 1962 году и получавший от Евгения Иванова подробные доклады о работе помощника военно-морского атташе, любил повторять:

– Женя, имей в виду: то, что сегодня говорится в Кливдене, завтра станет официальной позицией и практической политикой правительства консерваторов. Нам как воздух нужно, чтобы ты прижился под боком у Асторов.

Иванов это понимал не хуже резидента, иначе бы ему не удалось просидеть под этим, с позволения сказать, боком почти два года.

– Евгений Михайлович, – внушалось помощнику военно-морского атташе в кабинетах начальства, – вы – первый русский в Кливдене после войны. Такая удача выпадает раз в столетие. Из нее надо выжать все возможное, до последней капли.

У лорда Астора с доктором Уардом существовали давние дружеские связи. Из рассказов Уарда Иванов постепенно смог составить полную картину их взаимоотношений. Не остались без внимания разведчика и интимные подробности многочисленных любовных эскапад Билли, детальное изложение которых уместно лишь на страницах специализированных изданий с пометкой 18+.

Третьего лорда Астора и высокопоставленных гостей Кливдена, как установил Евгений Иванов, обслуживали девушки из команды доктора Уарда. От них Стив получал информацию о сексуальных вкусах своих клиентов. Билли, например, по рассказам Мэнди Райс-Дэвис и Мариэллы Новотной, был не только фанатом лисьей охоты и игры в бридж, но и большим любителем «клубнички», в частности садомазохизма.

Этот вид сексуальных забав милорд, очевидно, не мог практиковать в супружеской спальне. Зато старлетки из команды доктора Уарда ему ни в чем никогда не отказывали. И Мэнди, и Мэри не раз пришлось испытать на себе его удары плеткой. Девушки, кроме того, утверждали, что Билли – бисексуал. И приводили тому немало доказательств.

Мэнди Райс-Дэвис

Подобные рассказы из-за чрезмерной словоохотливости Стива нередко доходили до ушей Иванова. Благодаря доктору Уарду и его женской команде у советского разведчика постепенно набирался солидный компромат на лорда Астора и его друзей. Они, как оказалось, были весьма падки на товар, который поставлялся им арендатором Спринг коттеджа. Ни английские, ни зарубежные гости Билли не брезговали услугами молоденьких девиц легкого поведения. А доктор Уард был рад им услужить.

Иванову оставалось подкрепить эту информацию документальным подтверждением, скажем, в виде нескольких фотоснимков, незаметно сделанных «Миноксом», и фундамент для последующего шантажа был бы заложен. Необходимые доказательства он собирался получить от Стивена Уарда и его девушек. Вопрос в столь деликатном деле стоял лишь об одном: как это лучше всего сделать. Иванов рассчитывал на помощь и совет доктора Уарда и ждал подходящего случая, чтобы завести разговор на актуальную тему.

Доктор Уард и его команда девушек

Для Иванова вскоре стало очевидно, что в Кливдене с благословения лорда Астора и доктора Уарда широко практиковалась «придворная» разновидность проституции. Ее еще называют «гостеприимной». Имеющей свою предысторию.

В Древнем Вавилоне, например, все женщины должны были хоть раз в жизни явиться в храм Милитты, чтобы там отдаться какому-нибудь чужестранцу. Деньги, заработанные таким путем, считались священными.

Так называемая «гостеприимная» и «религиозная» проституция практиковалась и у финикийцев. Подобные обряды были распространены в Италии, Египте, на Кипре и у евреев.

Христианское учение клеймило любые внебрачные сношения как тяжкий грех, и тем более проституцию. Но это не остановило ее распространение. Средневековые бордели существовали с ведением и под контролем государства, городских властей или владетельного князя.

Придворная проституция в Европе особенно расцвела в XVIII веке. Скандальные по нынешним меркам истории Маргариты Валуа и ее многочисленных любовников, равно как и прочие любовные

приключения других аристократов в тогдашнем обществе, не вызывали неприятия и отторжения.

Субботними вечерами в Кливдене Иванову не раз доводилось видеть, как Стив исчезал из Спринг коттеджа на час или чуть больше, чтобы навестить лорда Астора. С ним уходила и одна из его молоденьких знакомых.

Девушки по вызову, поставлявшиеся Уардом для хозяина особняка и его высокопоставленных гостей, стали объектом внимания номер один.

В их числе были известные Иванову Кристина Килер и Мэнди Райс-Дэвис. Ведь они в определенных случаях могли оказаться полезными и для Иванова. Если иметь в виду сбор компромата на обличенных властью и весьма информированных клиентов этих девушек.

Стоило лишь предать огласке некоторые из материалов фривольного поведения сильных мира сего, сделав их доступными для репортеров желтой прессы, и крупного скандала с отставками проштрафившихся политиков было бы не избежать.

Еще одним популярным занятием в Кливденском имении Асторов была картежная игра.

По мнению Уарда, – а он был заядлым картежником, – играл Иванов неплохо. Стивен регулярно усаживал Евгения за карточный столик со своими высокопоставленными гостями. Случалось это и в различных привилегированных клубах, и в его лондонской квартире на Уимпол Мьюз, и в Спринг коттедже в Кливдене, куда Иванов наезжал по выходным, и в имении Асторов.

Постоянным карточным партнером военного дипломата в «Гаррик клубе», куда он нередко попадал вместе с сэром Колином Кутом, были друзья-журналисты этого влиятельного редактора «Дейли телеграф», а также его высокопоставленные знакомые из Форин офиса или британской разведки.

Постепенно вошел во вкус карточных баталий с Ивановым и лорд Астор. Хозяин Кливдена был страстным картежником. Эту страсть он, возможно, унаследовал от своего деда по материнской линии – Чизвела Дэбни Лэнгхорна.

Первая же попытка испытать русского гостя в качестве партнёра в игре вполне удовлетворила такого опытного картёжника, каким слыл лорд Астор. Иванов, что называется, пришелся ко двору. Его мастерство в бридже было не столь высоко, чтобы раздражать

соперников, но и не слишком заурядно, чтобы расхолаживать их в игре. Так что дальнейшее участие советского разведчика в затяжных вечерних картёжных баталиях в кливденском особняке постепенно стало привычным и довольно частым занятием для советского военного разведчика.

Кто был его партнером в этих партиях, нетрудно себе представить, ибо малозначительные люди в Кливден к лорду Астору не попадали. Именно за партиями в бридж Евгений Иванов свёл свои знакомства с лордом Эднамом, лордом Гаррингтоном, сэром Годфри Николсоном и многими другими влиятельными людьми.

Игра в бридж была идеальной возможностью познакомиться гостей, сблизить их и дать возможность лучше узнать друг друга. Для сотрудников противостоящих разведок партия в бридж создавала необходимые условия развития и закрепления контакта, обмена мнениями, зондирования позиции соперника, причем не только в карточной игре.

Бридж появился в Англии в середине XIX века. А родоначальником его был русский вист, точнее древнерусский «бирич», то есть глашатай. Первая книга по бриджу в Англии, вышедшая в Лондоне в 1886 году, так и называлась: «Бирич, или русский вист». Англичанам было трудно произнести это слово, поэтому в обиходе прижилось английское «бридж», то есть мост.

Окончательно бридж сложился как полноправная игра в 1925 году, когда его правила были доработаны известным американским игроком Элаем Кулбертсоном.

В год приезда Иванова в Лондон бридж стал, так сказать, олимпийским видом спорта. В 1960 году была создана Всемирная Федерация бриджа и учреждена Всемирная Олимпиада.

Добавлю, что в Советском Союзе бридж был популярен еще с довоенных времен. Им увлекались композиторы Дмитрий Шостакович и Сергей Прокофьев, чемпион мира по шахматам Алексей Алёхин и нарком иностранных дел Максим Литвинов.

Лорд Астор был асом в карточном деле. Партии в бридж в его Кливденском дворце с Ивановым разыгрывали лучшие игроки из МИ-6 или МИ-5, которых хозяин дома приглашал для «обработки» советского дипломата. Евгений Михайлович знал, с кем имеет дело, и не строил иллюзий относительно своих возможностей как в карточной

игре, так и в дуэли противоборствующих разведок. Но свою партию он вёл решительно и со знанием дела. У него на руках был главный козырь – компромат на хозяина дома. И он намеривался его использовать. Кливденское имение Асторов создавало для реализации этих планов весьма благоприятные условия.

Помимо картежных посиделок Иванова и Уарда с лордом Астором в Кливдене случались и докторские посещения. Лорд Астор был не прочь «попотчевать» своих гостей, особенно тех, у кого не все было в порядке со здоровьем, своим домашним остеопатом, жившим всего в двух шагах от дворца. Благодаря Стиву Иванов был в курсе и медицинских проблем именитых гостей Кливденского имения.

Билли, Бронвен и дети

Он не забывал при этом поддерживать отношения и с миловидной леди Астор. Бронвен родит Билли их первую дочь Джанет Элизабет, а через три года еще одну девочку – Полин Мэриан. Отцом, впрочем, лорд Астор пробудет недолго. В 1966 году, едва пережив скандал с делом Профьюмо, он скоропостижно умрет в возрасте 58 лет от сердечного приступа.

Родовое гнездо после этого ушло с молотка, Кливденский замок стал 5-звездным отелем, а парк вокруг него – аттракционом для туристов.

Старая женщина была раздавлена этой новостью и скончалась несколько месяцев спустя.

Глава 6

Лондонские орбиты

Июльская жара плыла по городу, и Лондон задыхался от нее. Асфальт плавился под ногами, и двигатели автомашин, перегреваясь, глохли. Народ спасался в тени парковых деревьев, под прохладным дуновением кондиционеров, у холодильников, утоляя жажду ледяной влагой, и в ваннах под струями спасительной воды.

Вечер не приносил облегчения. Казалось, ты не в Лондоне вовсе, а в Мадриде или Риме, такое было вокруг пекло, под стать финской сауны. Лондонцам этот раскалённый климат был не по душе. И город как-то сразу опустел, почти что вымер. Все, кто мог, бросили его и разъехались: кто на каникулы, кто за город, кто в гости, кто куда, но лишь бы подальше от огнедышащего каменного мешка.

Евгений Иванов то и дело менял промокавшие на нём сорочки и минимум трижды в день принимал спасительный душ. Лица посольских работников блестели от пота и волнения. В выставочном комплексе Эрлс Корт открывалась советская торгово-промышленная выставка. В Лондон прилетал первый в мире космонавт Юрий Гагарин, а англичан в городе почти не осталось. По опустевшим улицам бродили лишь немногочисленные туристы.

– Кто придет на выставку? Кто будет встречать Гагарина? – волновались чины в нашем торгпредстве

– Эта жара сорвет нам важнейшую пропагандистскую акцию! – с опаской поговаривали в стенах советского посольства на Кенсингтон Пэлас Гарденс.

Все опасения, впрочем, оказались напрасными. На выставку англичане повалили толпами, непонятно откуда вдруг появившись в городе. А приезд Юрия Алексеевича Гагарина и вовсе наводнил Лондон толпами горожан, желающих несмотря ни на что, увидеть его хотя бы мельком, хоть издалека.

Официальная программа встречи советского космонавта, скрупулезно разработанная в британском МИДе, была опрокинута. От неё попросту ничего не осталось. Спонтанная импровизация командовала парадом человеческой симпатии и людского любопытства

к симпатичному русскому парню, первым из смертных поднявшемуся в космос и облетевшему Землю.

На встречу майора Гагарина в лондонском аэропорту Хитроу англичане выделили белый «Роллс-Ройс» с открывающимся верхом и номером «YG1» («ЮГ-1»), как будто специально заказанным для столь торжественного случая.

Иванов спросил кого-то из английских официальных лиц:

– Откуда этот роскошный белый лимузин, да еще с персональным номером?

– С «Роллс-Ройсом» трудностей не было. А вот номер пришлось одолжить у одной мадам из Манчестера. Собственно, она сама его нам предложила на встречу мистера Гагарина.

Этот нюанс визита запомнился советскому разведчику. Англичанам ведь можно было бы и не ломать себе голову над тем, какой номер будет у лимузина, на котором поедет советский космонавт.

В те июльские дни Иванов сопровождал Юрия Алексеевича Гагарина почти во всех его поездках и на всех приёмах в его честь. Такая реклама военному дипломату была весьма кстати. И он охотно пользовался ею. Позировал фоторепортёрам в обнимку с Гагариным. Помогал первому космонавту отвечать на вопросы британских журналистов. Улыбающиеся лица Юрия Гагарина и Евгения Иванова, их стройные фигуры в красивых летних военных мундирах с однозвёздными погонами майора и капитана 3 ранга то и дело мелькали в материалах кинохроники и телерепортажах, посвященных пребыванию космонавта номер один в Великобритании.

Всего три месяца назад жизнь молодого старшего лейтенанта военно-воздушных сил Советской армии совершила невероятный вираж. Скромный русский паренёк из простой крестьянской семьи в одночасье стал звездой мировой величины.

12 апреля 1961 года созданный под руководством академика Сергея Павловича Королёва корабль «Восток» поднял его на околоземную орбиту и через 108 минут благополучно приземлил в окрестностях города Саратова.

– Все системы корабля работали отлично, – отрапортовал Никите Сергеевичу Хрущёву на торжественной встрече в московском аэропорту «Внуково» Юрий Гагарин.

Кое-кто из руководства Центра управления полетом наверняка был немало смущён, услышав это. Ведь специалисты прекрасно знали, что при возвращении «Востока» не произошло отделение приборного отсека от спускаемого аппарата с космонавтом. Гагарин оказался на волосок от гибели. К счастью, в температурном пекле при входе корабля в атмосферу Земли провода и арматура, соединявшие приборный отсек со спускаемым аппаратом, расплавились и освободили капсулу с космонавтом. Полёт закончился благополучно.

С тех пор, что бы ни случилось на орбите, в какие бы жуткие передрыги ни попадали советские космонавты, на земле перед кремлёвским руководством звучало однообразное «полет прошел успешно». Никто не имел права знать о наших неудачах. Все должны были верить лишь в успехи Страны Советов.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев без труда понял, что лидерство в освоении космоса сулит советской державе отличные дивиденды в идеологической борьбе с Западом. Победа в космосе должна была укрепить первенство «самой прогрессивной в мире» социалистической системы. И «космонавту номер один», члену КПСС Юрию Алексеевичу Гагарину партийным руководством страны было поручено активно пропагандировать во всём мире «победоносные идеи Великого Октября».

Не успев толком отчитаться перед своим «крёстным отцом», академиком Сергеем Павловичем Королёвым, автором советской программы освоения космоса, о проведённом полёте, новоиспечённый майор ВВС Гагарин был отправлен партией и правительством путешествовать по свету. Весь мир должен был узнать о выдающихся достижениях СССР в области науки и техники, о «семимильных шагах развития мирового коммунизма».

То, что сначала казалось Юрию Гагарину отдельным поручением, быстро превратилось в постоянную работу. Целых пять лет военный лётчик и первый в мире космонавт будет оторван от своей любимой работы. За эти годы он объедет с пропагандистскими поездками полсвета, но не совершит ни одного полёта.

В конце концов он пожалуется на свою жизнь самому Королёву. Тот пообещает Гагарину очередной полёт на новом корабле «Союз». Но академик вскоре умрёт. На первом «Союзе» полетит Комаров. И разобьётся из-за отказа парашютной системы корабля. В следующем

году возобновит наконец свои лётные тренировки и сам Гагарин. Но его спарка на МИГе с полковником Серёгиным разобьётся в первом же тренировочном полёте.

До того злосчастливого дня оставалось семь лет. И «космонавт номер один» завоёвывал Лондон, нет, не идеями превосходства социализма над капитализмом, а своей простотой, скромностью, мужеством и человеческим обаянием.

Под занавес английского визита Юрия Гагарина готовился большой приём в советском посольстве. От имени посла Евгений Иванов направил официальные приглашения Стивену Уарду и Джону Профьюмо с супругой.

На приеме советский разведчик надеялся закрепить свое знакомство с министром. Ему тогда ещё было невдомек, что приём сведет его не столько с самим Профьюмо – он будет весьма сдержан и неразговорчив с ним, – сколько с его очаровательной супругой, контакты с которой, начавшись в Кливдене, окрепнут на приеме в посольстве и принесут вполне конкретные результаты в недалеком будущем.

Пожалуй, ни один из официальных советских раутов в Лондоне не собирал такого количества гостей, как тот июльский приём в честь Юрия Алексеевича Гагарина. Несмотря на отпускной период, все залы старинного посольского особняка на Кенсингтон Пэлас Гарденс были переполнены.

В центре всеобщего внимания был, естественно, сам Гагарин. Юрий Алексеевич накануне побывал на приеме у Ее Величества королевы Елизаветы II в Букингемском дворце. Неслучайно поэтому вопросы многих англичан касались именно этого события в насыщенной программе визита советского космонавта.

– Как прошел прием у королевы, мистер Гагарин? – спросил кто-то из гостей на приёме.

– Как прошел? Очень хорошо, – ответил Юрий Алексеевич. – Беседа была непринуждённой и оживлённой.

– Я чуть было не опростоволосился на этом приеме, – признался потом по секрету Гагарин. – За обеденным столом в Букингемском дворце было столько приборов. Я не знал, какой взять...

Юрий рассмеялся и добавил:

– Выручила королева. Увидев мое замешательство, она заметила: «Я и сама порой их путаю».

Неловкость и смущение гостя за столом как рукой сняло. И Гагарин спокойно взял не тот прибор. Официант хотел было исправить положение и вмешаться. Но Елизавета II тут же жестом остановила его и, улыбаясь, заметила:

– Ему всё можно. Он – небесный!

Может быть, именно вследствие этого незабываемого эпизода у Юрия Алексеевича Гагарина остались от встречи с английской королевой самые тёплые воспоминания.

Тем временем прием в советском посольстве на Кенсингтон Пэлас Гарденс продолжался.

Иванов обходил гостей, обмениваясь впечатлениями или обсуждая накоротке последние международные события. Задачи познакомиться с гостями уже перед ним не стояло. Практически все приглашённые были ему в большей или меньшей степени известны. И он знал, кому стоит уделить больше внимания на этот раз, а кого просто обойти.

– У вас очаровательная шляпка сегодня, – обратился Иванов к Валери Хобсон.

– Вы удивительно внимательны, кэптен, благодарю вас. Эту шляпку я делала на заказ. У меня есть знакомая модистка, она прекрасная мастерица шить дамские шляпки.

Британская кинодива – Валери Хобсон

Как выяснилось из общения с супругой военного министра Профьюмо, помимо дамских шляпок, Валери Хобсон была весьма

неравнодушна к спиртному.

– У вас пустой бокал, сударыня, – обратился к ней Иванов, – не хотите ли чего-нибудь выпить?

– Водку, только русскую водку, дорогой Юджин. У нее восхитительный вкус. Должна вам признаться, я просто обожаю вашу «Столичную».

Как патриот своей Родины, Иванов был горд и счастлив. Русской водке, если верить историкам, в 1961 году пошел 428-й год. Первые «царёвы кабаки», с которых началась на Руси торговля водкой, появились в Москве в 1533 году. В ходу за эти четыре с лишним века были разные водочные марки. В народе запомнились московские «Вдова Попова», «Братья Смирновы», нижегородский «Долгов»...

Однако становление русской водки было бы невозможно без трудов великого русского химика Дмитрия Менделеева. Это он определил оптимальное соотношение объема и веса спирта и воды в водке, что долгие годы являлось «крепким орешком» для винокуров.

Водка «Столичная», которая так понравилась Валерии Хобсон, была создана ленинградским мастером Виктором Григорьевичем Свирида в 1938 году. Ее первая серийная бутылка была разлита в военном сорок первом в блокадном Ленинграде.

Экспорт «Столичной» за рубеж начался в 1949 году. А в 1954-м она получила международное признание. При так называемом «слепом тестировании» «Столичная» победила знаменитую марку «Смирнофф».

Однако вплоть до 70-х годов прошлого века, до заключения контракта с американской компанией «Пепсико», поставки этой популярной водки на Запад были ограничены. Спрос значительно превышал предложение. Советскому разведчику это было на руку. Он недостатка в «Столичной» не испытывал.

«Это же прекрасно», – подумал про себя Иванов, наливая Валери Хобсон бокал русской водки. Он без труда сообразил, как можно будет позднее использовать для дела это увлечение министерской жены национальным русским напитком.

– На здоровье! – воскликнула Валери, одним махом, по-русски осушив свой бокал.

Снова услужливо наполнив его водкой, Иванов неожиданно заметил:

– Беру социалистическое обязательство, сударыня.

– Не понимаю, Юджин. Что значит это ваше социалистическое обязательство?

– Это значит, сударыня, что я даю вам слово джентльмена.

– Но в чем же вы клянетесь, мой русский рыцарь?

– Клянусь, сударыня, что вы никогда более не будете испытывать недостатка в русской водке. Обещаю вам гарантированные и прямые поставки на дом.

– Вы так милы, Юджин. Но вам придётся сдержать это слово. Ведь джентльмены не умеют лгать дамам, не правда ли?

– Можете не сомневаться, мадам, социалистические обязательства для меня – дело святое.

Выпив с бывшей кинозвездой ещё по рюмке «Столи» – так Валери называла «Столичную» водку, – Иванов вернулся к ее мужу. Впрочем, беседа с Джеком на приеме не клеилась, хотя Иванов и Профьюмо, не переставая, задавали друг другу какие-то вопросы. В ответах было нечто такое, что говорило скорее о попытке создать видимость беседы, чем о стремлении к заинтересованному разговору. Политические темы быстро обходились стороной, а вопросы личного характера не вызывали заметного интереса. Иного, впрочем, Евгений Иванов и не ожидал. Поэтому даже видимость беседы с военным министром вполне его устраивала.

К кому бы ни подходил и с кем бы ни беседовал в тот вечер Евгений Иванов, за ним неустанно смотрели глаза одного человека – лорда Нормана Деннинга. Как сотрудник британского МИДа, он был в постоянном рабочем контакте со многими сотрудниками советского посольства в Лондоне. Помогал им решать самые разнообразные проблемы, связанные с их служебной деятельностью в Великобритании. Его номер телефона был известен всем без исключения работникам военного атташата. И мало кто оставался им недоволен. Лорд Деннинг ни одну из просьб советских дипломатов не оставлял без внимания. Всегда был предельно корректен, учтив и любезен.

Работа в британском Форин офис была, впрочем, лишь ловким прикрытием для человека, не имевшего к дипломатии никакого отношения. Истинный характер работы и настоящая, а не выдуманная должность лорда Нормана Деннинга были, однако, известны лишь очень узкому кругу лиц.

Они называли его Ди-Эн-Ай (DNI – Director of Naval Intelligence). За этой аббревиатурой стояла фигура одного из наиболее влиятельных лиц в британском разведывательном сообществе – Директора военно-морской разведки Великобритании.

Управление военно-морской разведки (Naval Intelligence Department) является старейшей разведывательной службой Великобритании. Оно было создано в 1882 году. Но первые 5 лет именовалось Комитетом по внешней разведке. МИ-5 и МИ-6 появились на свет лишь через 27 лет – в 1909 году.

За свою историю Управление военно-морской разведки занималось самыми разнообразными вопросами. Помимо военно-морской разведки ему вменялась в обязанность разведывательная работа за рубежом, составление стратегических и мобилизационных планов, контроль за внешней торговлей страны, контрразведка, саботаж и диверсии, криптография. С годами этот список сократился. Но роль этой старейшей разведслужбы страны всегда оставалась весьма значительной.

Вице-адмирал лорд Норман Деннинг занял высокую должность ее руководителя в 1960 году.

Как опытный профессионал, он быстро вошел в курс дела. Основным объектом его внимания, естественно, были военно-морские силы Советского Союза.

Братья Норман и Томас Деннинги

Здесь работы у лорда Деннинга несколько поубавилось по сравнению с заботами его предшественника на этом посту контр-адмирала сэра Джона Инглиса. Того самого Инглиса, который совместно с Николасом Эллиотом, шефом Лондонского отделения Сикрет Интеллидженс Сервис, разработал провальную подводную разведывательную операцию «Кларет» против советского крейсера «Орджоникидзе» в 1956 году. Того самого Эллиота, который в январе 1963 года «расколет» в Бейруте запойно пившего тогда Кима Филби. Тот признается своему закадычному другу о работе на КГБ, но Эллиот упустит Филби прямо из-под носа. Наша разведка через день морем вывезет двойного агента из Бейрута в Одессу. Так Ким Филби до конца своей жизни станет москвичом. А Николас Эллиот до смерти будет проклинать себя за промах в Ливане.

В середине пятидесятых, в годы службы контр-адмирала Инглиса на посту Ди-Эн-Ай, кремлевское руководство еще рассматривало военно-морские силы СССР как важный и эффективный род войск. Однако в конце пятидесятых годов советский премьер-министр Никита Хрущев, уверовав в могущество ракетных войск, неожиданно решил пустить под нож лучшие линкоры и крейсера красных ВМФ. В итоге, к удовольствию спецов из британского Адмиралтейства, военно-морские силы СССР по решению «дорогого Никиты Сергеевича» потеряли 240 своих самых лучших боевых кораблей. В том числе крейсера

«Свердлов» и «Орджоникидзе», за которыми всего несколько лет назад охотилась вся королевская военно-морская разведка Ее Величества. Последний вообще будет отдан «дружественной» Индонезии, где через несколько лет его попросту распилят на металлолом.

Вице-адмирал Деннинг, как шеф разведки Адмиралтейства, внимательно изучал своих оппонентов, представлявших военно-морской атташат советского посольства в Лондоне. В качестве сотрудника британского МИДа он нередко общался с Ивановым, рассматривая его нотификации о запрашиваемых поездках по стране и просьбы на их разрешение. Иванов, в свою очередь, старался изучать своего оппонента.

В военно-морских кругах СССР не все были высокого мнения о вице-адмирале Деннинге. У многих в памяти все еще живы были события лета 1942 года, когда из-за ошибок британского Адмиралтейства союзники потеряли конвой PQ-17, самый крупный и значительный конвой с самолетами, танками и автомашинами, шедший из Исландии в Мурманск. Его общая стоимость составляла тогда гигантскую сумму в 700 миллионов долларов. Все предыдущие и последующие конвои не набирали, вместе взятые, стоимости груза PQ-17.

Норманн Деннинг, капитан 3 ранга и офицер разведки за немецкими надводными кораблями, был тогда правой рукой Первого лорда Адмиралтейства сэра Дадли Паунда, который руководил конвоем. Это они в субботу 4 июля 1942 года отдали 40 транспортным судам PQ-17 безумный приказ рассредоточиться, а 24 кораблям охраны – возвращаться на базы. В результате этого преступного решения следующий день, 5 июля, стал «кровавым воскресением» в истории конвоев Второй мировой войны. Фашисты устроили конвою кровавую баню. Избежать истребления удалось лишь 11 кораблям, остальные были потоплены.

Иванову было известно о теории заговора, за которую ратовали многие советские военные историки в связи с тем июльским приказом британского Адмиралтейства. Бытовало мнение, что военно-морская разведка Великобритании намеренно шла на истребление транспортных кораблей конвоя фашистами и сохранение своих военных судов, чтобы, с одной стороны, добиться прекращения

конвоев, а с другой – получить возможность использовать свой флот для более важных операций в Средиземноморье и Атлантике.

Такой эпизод из жизни шефа военно-морской разведки не добавлял ему симпатий со стороны советских офицеров, хотя мало кто сомневался в том, что непосредственная вина в гибели конвоя PQ-17 лежала никак не на капитане 3 ранга Нормане Деннинге, а на первом лорде Адмиралтейства сэре Дадли Паунде.

У Иванова с Деннингом сложились своеобразные профессиональные отношения. Они, естественно, наблюдали друг за другом, оценивали оппонента, пытались, выражаясь языком шахматистов, завязать выгодное для себя в дальнейшей игре дебютное начало.

– Где ваша очаровательная жена, кэптен? – услышал Иванов ставший уже традиционным на приёмах в советском посольстве вопрос вице-адмирала.

Как-то познакомившись с Майей, лорду Деннингу никак не удавалось увидеться с ней вновь. Ди-Эн-Ай не знал, что Майя Александровна работала в службе радиоперехвата резидентуры и часы посольских приёмов нередко совпадали со временем её служебного дежурства.

Но больше всех в тот памятный вечер не давал Иванову покоя Стивен Уард. Ему ужасно хотелось сфотографироваться с Гагариным и получить фотоснимок на память. Евгений Михайлович отыскал одного из работавших на приёме фотографов и договорился о съёмке. Стив решил тогда незаметно выйти из посольства и представиться Гагарину повторно, чтобы репортер смог запечатлеть момент их встречи. Снимок был сделан, и доктор Уард, довольный, что получит желаемое фото, умиротворенно устроился рядом с Ивановым в кресле.

Рассмеявшись от всей души, Стивен заявил:

– Ты знаешь, Юджин, а ведь он заметил, что я к нему второй раз представляться подходил. Как он меня запомнил? Не понимаю. Столько людей в зале. Это просто невозможно.

– У тебя пиджак запоминающийся, – попробовал сострить Иванов. – Одни фирменные лацканы чего стоят. Последний парижский писк!

– При чем тут лацканы, – рассердился Стив. – Ты ничего не понимаешь. Это гениальный парень. Я серьезно тебе говорю. Самый обыкновенный гений. Ясно? Ты знаешь, что он мне сказал, когда я к

нему повторно подошёл? Он мне сказал: «Второй круг на орбите, приятель. Ну что ж, давай еще разок познакомимся: Юрий Гагарин». Сказал и пожал мне руку. И улыбнулся. Вот это была улыбка! Так даже кинозвезды улыбаться не умеют.

Доктор Уард еще долго в тот июльский вечер восхищался Юрием Гагариным. Впрочем, не он один. Вся Англия в те дни попала под его обаяние.

В восторге от Юрия Алексеевича была и Валери Хобсон. Да и сам Гагарин не мог не обратить внимания на эту статную даму с копной роскошных рыжих волос на гордо посаженной голове.

Валери Бабетта Луиза Хобсон родилась в 1917 году в Ларне, Северная Ирландия, в семье капитана королевских ВМС. Образование получила в монастыре Святого Августина в Лондоне.

Юную Валери с ранних лет тянуло на сцену. Поэтому родители отдали ее сначала в балетную, а затем и в драматическую школу. В 15 лет ее случайно заметил в гостинице «Клериджиз» некий джентльмен, предложившей матери девушке попробовать ее для роли в спектакле «Бал в Савойе», репетиции которого должны были начаться в театре на Друри Лейн.

Тем незнакомцем оказался знаменитый поэт Оскар Хаммарстайн, соавтор лучших мюзиклов XX столетия, написанных им совместно с композиторами Джеромом Керном, Джорджем Гершвином и Ричардом Роджерсом. Достаточно вспомнить хотя бы такие шедевры, как «Звуки музыки», «Корабль-театр», «Оклахома», «Король и я». Кстати сказать, триумфальным участием именно в этом мюзикле – «Король и я» – закончится в 1953 году бурная 22-летняя артистическая карьера Валери Хобсон.

В 18 лет ей снова повезет. Американский гигант киностудия «Юниверсал Пикчерс» предложит мисс Хобсон контракт на съемки в Голливуде. Однако за океаном хороших ролей ей не предложат. Снявшись в нескольких фильмах ужасов и дешевых триллерах, она через год поспешит обратно в Англию, где вскоре начнет преуспевать, рисуя на экране образ нежной, грациозной и элегантной дамы – эдакое олицетворение стопроцентной английской леди.

В 1939 году мисс Хобсон вышла замуж за Энтони Хэвлок-Эллана, отпрыска славного аристократического семейства и будущего столпа британской кинематографии. Сэр Энтони долго искал свой путь в

кино. Какие только профессии он не перепробовал в молодые годы! Трудился в ювелирной компании «Гаррард», в звукозаписывающей фирме «Брансуик Граммофон», в немецкой компании «Вокс» в Берлине, на лондонской фондовой бирже, в ночном кабаре и рекламном отделе газеты «Ивнинг стандарт». Лишь в 30-летнем возрасте Энтони попадет в кинематограф, сначала менеджером по кастингу, затем продюсером, кинорежиссером и, наконец, основателем крупных британских кинокомпаний «Синегилд» и «Констелейшн филмз».

На этих студиях и снималась супруга сэра Энтони. Однако действительную славу и известность Валери Хобсон принесла фактически лишь одна киноработа – знаменитый фильм Дэвида Лина «Большие надежды» по Чарльзу Диккенсу, где она сыграла роль Эстеллы. Фильм этот имел сокрушительный успех не только в Англии, но и по всему миру. Именно эта кинокартина, к несчастью для Энтони Хэвлок-Эллана, и свела Джона Профьюмо с Валери Хобсон.

Член парламента от тори был покорен красотой очаровательной Валери. Замужество поставило крест на творческой карьере кинозвезды. Отныне ее жизнь принадлежала одному из наиболее перспективных лидеров консервативной партии и, как поговаривали, возможному будущему премьер-министру страны Джону Профьюмо. Впрочем, эта совместная жизнь окажется совсем не такой гламурной, как она, возможно, представлялась отставной кинозвезде.

Визит Гагарина в Великобританию остался в памяти не только очаровательной Валерии Хобсон и доктора Уарда. Должен сказать, что англичане не забывают его до сих пор, уже в XXI веке. Это я могу подтвердить как очевидец. Мне довелось побывать на встрече в Манчестере, посвященной 40-летию визита Юрия Гагарина.

Впрочем, было бы преувеличением считать, что все жители страны в июле 1961 года пребывали в восторге от триумфальных успехов русских в освоении космоса. Иванов рассказал мне об одном случае, доказывающем, что симпатии к Гагарину испытывал далеко не каждый британец.

Однажды на приеме у лорда Астора в его имении в Кливдене к Иванову привязался один подвыпивший актеришка – Пол Карпентер.

– Эй, мистер Молотов, – то и дело бормотал он ему в лицо, почему-то желая величать его именно по фамилии сталинского министра

иностранных дел, – рванём по коктейлю.

Остролов, очевидно, намекал на «коктейль Молотова» – так было принято называть бутылки с зажигательной смесью. На первых порах Иванов отшучивался. Но приставания захмелевшего лицедея становились всё более назойливыми. После очередной рюмки он во всеуслышание заявил:

– Вам, русским, вообще верить нельзя. Вы лжёте на каждом шагу. Зачем вы утверждаете, что Гагарин был первым космонавтом? До него же у вас погибло несколько летчиков, пытавшихся выйти в космос? Да и был ли вообще полет Гагарина? Это еще надо проверить.

Евгений Михайлович знал, откуда ветер дует. В те дни английская желтая пресса усиленно распространяла слухи на этот счет, пытаясь доказать, что первый русский космонавт – это выдумка кремлевских правителей. Хвастливая красная пропаганда и ничего больше.

Иванов не смог вынести этой пьяной выходки. Схватил зарвавшегося актеришку за грудки, швырнул в угол и, вспомнив свое боксерское прошлое, – а он на флоте был чемпионом эскадры в среднем весе, – со всего размаха ударил кулаком по стене чуть выше его головы так, что штукатурка посыпалась.

– Когда нам что-то кажется, мы в России стучим по твердому, – выпалил он.

Перепуганный до смерти артист быстро ретировался в другую комнату.

Как гласит русская поговорка, дыма без огня не бывает. Лишь пять лет спустя, занимаясь в Академии Генерального штаба на одном курсе с космонавтом номер два Германом Титовым, Иванов узнал от него, что до полёта Гагарина при подготовке на земле в барокамере погиб, сгорев заживо, летчик Валентин Бондаренко, готовившийся к первому полету. Так что Пол Карпентер кое в чем все же оказался прав.

Стивен Уард после той скандальной вечеринки отчитал Иванова за его проступок:

– Юджин, ты ведёшь себя как русский медведь в английской чайной лавке. Сдерживай свой дикий темперамент. Ты же всех знакомых старика Билли от поездов в Кливден отводишь.

Иванов извинился и обещал больше не бить кулаком по дворцовым стенам. У него на тот момент были дела и поважнее. Надо было в том

числе выполнять социалистические обязательства перед красавицей Валери Хобсон.

Набрав телефонный номер жены военного министра, Евгений Михайлович стал напрашиваться к ней в гости.

– На пять минут, – уверял он, – и не больше. Должен же я выполнить данное обещание, – старался уговорить он госпожу министершу принять его у себя дома.

Настойчивость советского разведчика оказалась достойно вознаграждена. Разрешение госпожи министерши на короткий визит к ней было благосклонно дано.

Иванов вынул из своего сейфа готовый к работе «Минокс», прихватил пару бутылок «Столичной», сел в машину и не мешкая отправился в сторону Риджент парка на Честер террас к Нэш хаус – резиденции Профьюмо.

Терраса Честера (об этом нельзя не сказать хотя бы бегло) – один из красивейших архитектурных ансамблей Лондона. 42 четырехэтажных дома, слитых воедино, – это самый длинный фасад в городе. И какой! Роскошная колоннада, безукоризненный стиль, ощущение полета...

Имя архитектора этих домов – Джона Нэша (1752–1835) – неразрывно связано с историей создания лучших архитектурных памятников Лондона. Достаточно сказать, что Букингемский дворец – это его творение. Трафальгарскую площадь создал тоже он. Монументальная арка у входа с угла в Гайд-парк – знаменитая Мабл арч – это также работа Джона Нэша, сына простого инженера-строителя. Плюс здания Хэймаркет театра, террас Камберлэнд, Карлтон хаус и многие другие.

Но дом за въездной аркой в глубине Честер террас, дом, названный именем гениального архитектора Лондона – Нэш хаус, – способен был разочаровать любого поклонника творчества мастера.

Этот трехэтажный особняк, в котором обитал военный министр Профьюмо, никак нельзя было назвать шедевром замечательного английского архитектора Джона Нэша. Колоннада у подъезда не спасала его облик от налета казарменной угловатости. Этот массивный, с небольшими решетчатыми окнами бастион выглядел не как жилой дом, а скорее как каменное изваяние. Ни дать ни взять – городской командный пункт британской армии. Впрочем, как

оказалось, строгий внешний облик дома абсолютно не соответствовал его уютному интерьеру.

– Заходите, кэптен. Рада вас видеть. Как поживаете? – услышал Иванов голос Валери Хобсон.

В артистичности приветствий и грациозности общения с гостями, в безукоризненном умении поддержать любую компанию этой бывшей актрисе, оставившей успешную кинокарьеру после замужества с Джеком Профьюмо в 1954 году, трудно было найти равных. Выразительный мягкий голос, приятные женственные манеры, благородный аристократический облик и в то же время живая непосредственность – всё это удивительно складно уживалось в ней.

– Спешу выполнить взятые социалистические обязательства, милейшая Валери, – рапортовал Иванов. – Вот вам заветное зелье. Не торопитесь, применяя его, но и не раздумывайте, если захочется отвлечься от мирских забот. Смею вас заверить, это – чистейший нектар из славной русской пшенички самых отборных сортов. Гарантирую: никакой головной боли после её употребления.

Рекомендуя русскую водку, разведчик тем временем с любопытством оглядывал прихожую. Заметив это, хозяйка любезно пригласила его в дом. Гость, впрочем, тут же дал понять, что заглянул лишь на минутку. Такой демарш принёс желаемый результат: Валери Хобсон решилась предложить Иванову чашечку чая. Тот с благодарностью согласился, ещё раз заметив, что должен тем не менее спешить.

Пока хозяйка готовилась накрыть на стол, Евгений знакомился с домом. Естественно, его интересовали не картины на стенах и не обстановка комнат. Долго искать не пришлось. Рабочий стол с бумагами, столик с почтой, библиотека – всё это уже попало в поле зрения разведчика. Времени было мало. Хозяйка могла появиться в любую секунду. Единственное, что Иванов без особого риска успевал сделать – это подойти к рабочему столу Профьюмо и взять один или два документа из кипы бумаг, разложенных на нём.

Решиться на это было непросто, но и раздумывать – некогда. Евгений Иванов твёрдо шагнул к столу министра. Бегло осмотрел беспорядочно разбросанные на нём служебные документы, быстро, почти интуитивно выбрал два казавшихся важными и мгновенно сунул

их в карман пиджака. В гостиной послышались шаги приближавшейся хозяйки дома.

– Белый хлеб для черной икры подойдет? – любезно спросила она.

Иванов едва успел отодвинуться от стола. «Секундой позже – и попался бы с поличным», – подумал он.

Долго рассиживаться Иванов, однако, не мог хотя бы потому, что карман его пиджака был неестественно оттопырен. И ему даже казалось, что этого не заметить нельзя. Они беседовали о чём-то банальном, кажется о погоде. А Евгений чувствовал, как от волнения липнет к телу промокшая от пота рубашка.

«Нет, – внушал он себе, уже сидя в машине по дороге домой, – так распускаться и нервничать нельзя. Куда же девалась твоя хваленая морская выдержка, старина? – спрашивал он себя. – Надо бы подучиться самоконтролю», – мысленно наставлял сам себя Иванов.

Когда в советском посольстве он выложил резиденту документы с рабочего стола британского министра обороны, тот долго молчал, внимательно изучая их содержание. Наконец шеф закончил беглый анализ похищенных Ивановым документов и недовольно заявил.

– Ну, Женя, с тобой не соскучишься. Ты хоть успел посмотреть, что вынес из министерского дома?

– Когда у тебя на всё про всё несколько секунд, тут не до домашнего чтения и анализа, – пытался было оправдаться перед шефом Иванов.

– Ну а если Профьюмо хватится этих документов? Ведь не может же он не заметить их пропажи?

– Даже если и заметит, – обосновывал Иванов свои действия, – что он может подумать? Скорее всего, что оставил их где-нибудь. Или припрятал куда-то, а потом забыл. Бывает ведь такое?

– Бывать-то бывает. Но лучше всё-таки не красть, а фотографировать. Кто знает, как он себя поведет. Ведь документы-то не для чужих глаз. Взгляни.

Материалы действительно были, как говорится, не для внимания посторонних лиц.

– Ну не было у меня сегодня времени для фотосъёмки, – пытался доказать обоснованность своих действий Иванов. – Да и не вспомнит он о них. Я уверен.

– Ну ладно, будем надеяться, что мадам министерша не станет распространяться мужу о твоём визите, а сам Профьюмо не хватится

этих материалов. А если и хватится, вряд ли подозрение падёт на тебя. Как говорится, не пойман – не вор. Так ведь, или ты собираешься отправиться в полицию с повинной?

После нервной встряски в доме Профьюмо Иванов, добравшись до своей посольской квартиры, налил себе «Столичной».

Через неделю из Центра пришёл приказ прекратить посещения Валери Хобсон. Видимо, материала для разработки плана действий ГРУ по шантажу Профьюмо к тому времени набралось уже достаточно. Оставалось лишь проработать детали и приступить к следующему этапу операции, который мог обеспечить Центру гарантированный поток секретной информации от угодившего в ловушку министра.

Планируя свои визиты к Валери Хобсон, Евгений Иванов не без основания полагал, что Джон Профьюмо, как и многие другие его коллеги по министерству, берёт к себе домой служебные документы, чтобы иметь возможность поработать с ними дополнительно. К чести советского разведчика нельзя не отметить, что он не ошибся в своих предположениях. Некоторые секретные документы министерства обороны Великобритании, в том числе и с адресами рассылки, были им обнаружены в кабинете министра в Нэш хаусе и скопированы.

Этот факт можно было при необходимости прекрасно обыграть, заявив, что Профьюмо уже работает на советскую разведку, снабжая Москву секретной документацией, полученной им из сейфов британского министерства обороны.

Центр, имея такие козыри на руках, мог в дальнейшем распоряжаться судьбой военного министра по своему усмотрению. Джон Профьюмо оказался в ловушке, выходом из которой могли стать либо согласие на сотрудничество с ГРУ, либо его немедленный арест британской секретной службой и неизбежное позорное крушение всей многообещающей карьеры.

Глава 7

Любвеобильный «Джек»

В предгрозовые 30-е годы XX века в ведущих университетах Великобритании, Кембридже и Оксфорде, среди перспективных студентов – будущей элиты страны – вела свою незримую заботу не только сталинская, но и гитлеровская разведка. В фокусе германских спецслужб оказался студент по прозвищу «Джек».

2. Although it is not particularly relevant to the current notorious case, Geoffrey thought you might like to have for your files, the attached copy of a report from our representative _____ dated 2nd October 1950, which makes mention of an association between Gisela KLEIN and PROFUMO which began ca. 1933 and had apparently not ceased at the time of this report. The report was based on information from four different sources in _____. The non-PROFUMO items were included in our letter dated 5th December, 1951 to C.W. CAIN of your office.

Документ МИ-5 о связях Профьюмо с фашистской разведкой

В ноябре 2017 года лондонские коллеги, историки разведки, переправили на мой электронный адрес внушительный набор свежерассекреченных документов британской контрразведки МИ-5.

Это было досье (точнее говоря, фрагменты досье) на небезызвестного политического деятеля партии тори, военного министра в послевоенные годы – Джона Профьюмо.

Вскоре об этих документах из секретных архивов контрразведки наперебой писали все ведущие британские газеты.

Из собранных архивных материалов до недавнего времени было известно, что «Джек» находился в центре внимания трех разведок – британской, американской и советской. Тот факт, что его с начала Второй мировой войны вел еще и начальник внешней разведки при службе безопасности Рейха (SD-Ausland – VI отдел РСХА), бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, оказался для многих полнейшим сюрпризом.

Картина вырисовывалась прелюбопытная.

К началу 1960-х годов Джон Профьюмо был видной официальной политической фигурой страны – военным министром Великобритании и тайным советником Ее Величества королевы Елизаветы II.

Королева Елизавета II и ее тайный советник Джон Профьюмо (крайний справа)

Джон Денис Профьюмо на пике своей карьеры был не только достопочтенным тори Эм-ПИИ и влиятельным министром в правительстве Макмиллана. Он претендовал в недалеком будущем на лидерство в консервативной партии страны и пост премьер-министра.

Кроме того, этот «проспект» носил титул пятого барона бывшего королевства Сардинии, третьего барона объединенного королевства Италии, а также, что не менее важно, был обладателем многомиллионного состояния, главным акционером крупнейшего английского страхового общества «*Provident Life*».

Семья Профьюмо получила у герольдмейстеров герб с девизом «Достоинство и труд» и титул барона от короля Сардинии в 1843 году. В то время Италия, как известно, была поделена на многочисленные

княжества. Первый барон в роду Профьюмо – Антонио – служил мэром Генуи, а также президентом торгового суда этого города. Современники отмечали, что он, безусловно, был достоин этого высокого титула.

Второй барон в семье – Пьетро Профьюмо – работал секретарем премьер-министра в царствование короля Виктора Эммануэля II. В этом качестве Пьетро Профьюмо в 1851 году основал в Лондоне консульскую службу Италии.

Его сын Джузеппе Профьюмо четверть века спустя обосновался в Великобритании. Там он женился на англичанке Анне Миллс, поменял итальянское имя Джузеппе на английское Джозеф, принял англиканскую веру и, получив в 1885 году британское гражданство, стал эсквайром в местечке Эйвон Кэрроу, что неподалеку от родины Шекспира – Стратфорда-на-Эйвоне.

Сын Джозефа и Анны Альберт женился на шотландке Марте Кеннеди Уокер. 30 января 1915 года у молодых супругов родился Джон Профьюмо. Позднее в их семье появился еще один сын Филипп и две дочери – Элизабет и Мэри. Семейство Профьюмо славилось в округе прекрасными лошадьми и любовью к охоте. А также своими крайне правыми взглядами. Барон Альберт Профьюмо дважды – в 1906 и 1909 годах – баллотировался на парламентских выборах, но оба раза уступал в упорной борьбе.

Свое образование Джон получил в элитных колледжах Великобритании, в Хэрроу и Оксфорде. Затем отец отправил его по свету с различными миссиями. Так Профьюмо-младший побывал в Соединенных Штатах Америки, Советской России, в Китае и на Дальнем Востоке.

L4-9A(355) 6010
I have reviewed this file from the point of view of counter-espionage.

The only "loose end" appears to be Jack PROFUMO of 7a, who is the subject of L.149a/355. Apart from the fact that his father, now dead, who had both British and Italian nationality, was a member of the Fascio di Londra, we have nothing recorded against Jack Profumo, who is now serving as captain in the Northants Yeomanry.

В4а/ЈМС
9.2.42.

John

Документ МИ-5 о принадлежности отца Джона Профьюмо к фашистской организации в Лондоне

В этой связи упомяну о роли отца в воспитании Джека. Она была значительной. Сын старался во всем походить на отца. А Профьюмо-старший был – и об этом свидетельствуют рассекреченные документы МИ-5 – активным членом «Fasio di Londra» (организации «Фашисты Лондона»). Более того, он являлся достаточно влиятельным теневым фашистским лидером в Великобритании с обширными связями в Риме и Берлине.

Правда, информация на этот счет появилась в донесении британской контрразведки лишь в 1942 году и уже после смерти барона-нациста Альберта Профьюмо.

Его «Лондонские фашисты» были на короткой ноге с ведущей нацистской партией Великобритании – Союзом Фашистов Освальда Мосли. Эта организация являлась, по сути своей, ответом британских правых на Великую депрессию, сковавшую всю Европу и мир.

Это объединение просуществовало между Первой и Второй мировыми войнами и было достаточно могущественным и активным в стране. В 30-е годы Великобритания на себе ощутила огромное влияние этой организации на политическую жизнь. Правительство страны открыто поддерживало нацистскую Германию во всех ее устремлениях. Дало согласие на ее ремилитаризацию, на аншлюс Австрии и раздел Чехословакии. Однако курс британского премьера Чемберлена на умиротворение нацистов, как известно, потерпел крах.

Просуществовал союз лишь до 1940 года, так как с началом Второй мировой войны его запретили.

Фашистский союз исповедовал идеи, которые противостояли коммунистическим и демократическим. Его активисты хотели уничтожить всю систему парламентской власти в Великобритании, установить нацистскую диктатуру и подчинить ей все важнейшие сферы деятельности в стране.

Очевидно, именно из-за фашистских устремлений отца еще в 1933 году – сразу после прихода к власти в Германии наци, – на молодого Профьюмо, студента Оксфорда, вышла германская разведка.

В роли «медовой ловушки» выступила очаровательная фрау Гизела Кляйн. Это имя можно перевести на русский как «красивая малышка». Фрау Кляйн действительно была хороша собой. Об этом не раз упоминается в рассекреченных документах британской контрразведки. Впрочем, ее фотографии тех лет неплохо говорят сами за себя. Немецкая Мата Хари без труда соблазнила падкого на «клубничку» юного барона Профьюмо.

Сам факт того, что фрау Кляйн вышла на Джона Профьюмо в 1933 году, когда новая государственная разведывательная структура Третьего Рейха еще не была сформирована, говорит сам за себя. Британские историки считают, что Гизела Кляйн тогда еще не работала на немецкую разведку, и никакого спецзадания в Англии у нее не было. На разведку она тогда, наверное, не работала, но вот задание у нее было вполне конкретное. Очевидно, операция по использованию фрау Кляйн проводилась поначалу не разведывательными, а партийными структурами и активистами *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei* – Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), созданной в 1920 году. Ведь фрау Кляйн была убежденной нацисткой. И практика такого рода работы НСДАП была достаточно широко распространена в интересах партии и нацистского движения.

Молодой Джон Профьюмо

Фрау Гизела Кляйн

Фрау Кляйн ее «партай геноссе» из НСДАП направили в Англию по обычной туристической схеме. Используя свои внешние данные, девушка работала моделью и манекенщицей, расширяя круг своих знакомств и связей. В особых случаях вступала в связь с мужчинами с положением в обществе, перспективными и обеспеченными молодыми людьми. Особенно с теми из них, кто уже имел или мог получить

влияние в политической, военной или финансово-экономической сферах. Джон Профьюмо, безусловно, был одним из таких молодых, многообещающих проектов. Фрау Кляйн, если использовать шпионский жаргон, играла роль «ласточки». И играла ее успешно. Молодой Профьюмо, судя по всему, был от нее без ума.

Какую информацию он мог нечаянно выболтать прелестной немке, архивы британской контрразведки благоразумно умалчивают. Документы МИ-5 лишь указывают на то, что дважды, в 1935 и 1938 годах, английскую визу фрау Кляйн аннулировали из-за того, что она занималась в стране трудовой деятельностью, не имея разрешения на работу.

Это был сложный, разветвленный комплекс разведывательных организаций – огромный невидимый механизм, взаимодействие всех частей которого обеспечивал «Штаб связи» во главе с заместителем фюрера по партии Рудольфом Гессом, поставленным на вершину этой пирамиды. Каждая из тайных организаций создавала за границей свои опорные пункты и выстраивала звенья общей шпионской цепи, которой гитлеровская Германия опутывала многие страны мира.

Словом, за небольшой срок с 1935 года до начала Второй мировой войны германскими наци была создана достаточно мощная система разведывательных организаций, полностью ориентированная на подготовку «большой войны».

Правители Третьего рейха считали, что еще до того, как будут развязаны военные действия, должен быть ослаблен оборонный потенциал будущего противника. Война, по их представлениям, должна была явиться завершающим открытым ударом, нанесенным по жертве после того, как силы ее будут предварительно подорваны изнутри.

Уже в 24 года Джон Профьюмо был выдвинут на выборах кандидатом от тори и стал самым молодым депутатом парламента от консервативной партии, депутатом страны, вступившей в войну с фашистской Германией. Нападение Гитлера на Англию наложило свой отпечаток на молодого Профьюмо.

8 мая 1940 года он оказался в числе 30 депутатов тори, которые проголосовали за недоверие премьер-министру Чемберлену, тем самым оставив последнего не у дел и расчистив путь для прихода к власти в стране сэра Уинстона Черчилля.

В парламент Джон Профьюмо вошел в военной форме, полгода прослужив в британской армии. Начав войну армейским лейтенантом, он находился поначалу в резервном полку, сформированном на случай высадки фашистов в Англии. Затем майора Профьюмо направили в Тунис, где он участвовал в боях и был замечен фельдмаршалом Александером. В 1943 году под его началом он уже освобождал от фашистов родину своих предков – Италию. А закончил Вторую мировую в звании армейского полковника и кавалера почетного Ордена Британской империи.

Первые послевоенные годы он провел на военно-дипломатической службе. Его произвели в чин бригадного генерала и направили работать в британскую военную миссию связи в Японию. Там он небезуспешно трудился под началом известного американского генерала Дугласа Макартура и установил весьма полезные для себя контакты со многими будущими высокопоставленными чинами из Пентагона.

В 1947 году Джон Профьюмо вернулся на родину и продолжил свою политическую карьеру в консервативной партии. Три года спустя на очередных парламентских выборах он вновь был избран в парламент. А в 1952 году получил свой первый министерский портфель в ведомстве транспорта и гражданской авиации при правительстве Черчилля.

В те послевоенные годы фрау Кляйн переметнулась, как и многие другие нацисты, на сторону американцев. И попыталась было возобновить отношения с Профьюмо. Но осевшая в Штатах мадам к тому времени уже была «под колпаком» ЦРУ. Ее переписка с британским политиком стала известна не только в Лэнгли, но и в Леконфильд хаус – резиденции британской контрразведки МИ-5. Все контакты бывшей нацистской шпионки с Профьюмо были немедленно застопорены.

5 января 1954 года преуспевающий политик и к тому же весьма состоятельный жених сочетался законным браком с популярной киноактрисой Валери Хобсон. Это событие только подхлестнуло его и без того стремительную карьеру. В консервативном правительстве Гарольда Макмиллана он получил сначала пост заместителя государственного секретаря по делам колоний, а некоторое время

спустя должность министра иностранных дел и, наконец, портфель военного министра Великобритании.

Свое последнее в жизни правительственное назначение Джон Профьюмо принял в июле 1960 года. На английском языке его должность именовалась «Secretary of State for War», что в дословном переводе означает «государственный секретарь по вопросам войны». Это необычное название на русский язык принято переводить как «военный министр». Не понимая, что эта должность значит, кое-кто из отечественных журналистов порой именовал Джона Профьюмо министром обороны, что, естественно, абсолютно неверно.

Если исходить из формальных министерских полномочий, государственный секретарь по вопросам войны занимался исключительно делами британской армии. То есть был, по российской табели о рангах, главнокомандующим сухопутных сил. Военный министр Профьюмо возглавлял британскую армию, ее пехоту, бронетанковые силы и артиллерию.

Тем не менее пост военного министра рассматривался в британском правительстве как весьма ответственная и почетная должность. По мнению большинства политических наблюдателей того времени, перед пятым бароном королевства Сардинии открывались блестящие возможности стать в конце концов премьер-министром в будущем кабинете тори.

Оценивая и анализируя уже десятилетия спустя, в конце XX столетия, планы советского военного разведчика по потенциальной вербовке Джона Профьюмо, мои английские коллеги-историки нередко спрашивали меня:

«Будущий лидер страны» – Джон Профьюмо

– Объясните, зачем Иванову было вербовать Профьюмо? Ведь наш военный министр по вашим меркам был всего-навсего главкомом сухопутных войск. Зачем из-за такой второстепенной фигуры было копыя ломать? Профьюмо никаких сверхсекретов, волновавших тогда Москву, не знал и знать не мог.

Надо сказать, что такого рода суждения получили за годы после «скандала века» достаточно широкое распространение. В ходу они и сейчас. В основе их – один, но существенный недостаток. Недостаток информации о самом Джоне Профьюмо.

Дело в том, что он был не простой военный министр. Это был политик и военный, пользовавшийся дружбой и безграничным доверием премьер-министра Гарольда Макмиллана. И не только его одного. Ему благоволила сама королева-мать, буквально обожавшая этого потомка древнего итальянского королевского рода. Но и это не главное.

Профьюмо был одним из наиболее сведущих военных политиков Великобритании. Что касается информированности британского «главкома сухопутных войск», то об этом лучше всего свидетельствуют его заокеанские связи. После Второй мировой войны американцы вследствие нескольких крупных предательств в стане своих английских союзников (особенно после бегства в СССР первых

двух агентов Кремля из знаменитой «Кембриджской пятерки» Гая Берджесса и Дональда Маклина) были не слишком склонны доверять британским политикам и их спецслужбам.

Джон Профьюмо, как оказалось, стал исключением для американцев, которые продолжали его посвящать в самые сокровенные планы натовских стратегов и в нюансы своих политических проектов. За океаном в Профьюмо видели будущего премьер-министра Великобритании, твердого и непреклонного сторонника атлантического сотрудничества с Соединенными Штатами Америки.

Необходимо заметить, что корни такого отношения официального Вашингтона к военному министру Ее Величества берут свое начало в 1945 году, когда молодой новоиспеченный бригадный генерал Джон Профьюмо был направлен своим правительством в Японию в качестве главы британской миссии связи при ставке американского генерала Дугласа Макартура. Об этой командировке уже упоминалось выше. Но была в той дипломатической миссии генерала Профьюмо и малоизвестная составляющая.

Генерал Дуглас Макартур – вербовщик Джона Профьюмо

Политическая элита в Великобритании в те годы была поделена на три основных сектора. Первый составляли политики-атлантисты, то есть приверженцы тесного сотрудничества с Соединенными Штатами, второй – так называемые «островитяне», то есть сторонники независимого курса, и третий сектор объединял «европеистов» – идеологов общеевропейского сотрудничества.

До поездки в Японию Профьюмо не знал еще, к какому из названных политических течений он примкнет. По возвращении из Токио этот выбор был сделан раз и навсегда. За два года работы с американцами Джон Профьюмо станет преданным другом не только «генерала-ястреба» Дугласа Макарура, но и Соединенных Штатов Америки в целом. Именно в те послевоенные годы между ним и его американскими друзьями будет заложен фундамент особых, весьма доверительных отношений. Иначе говоря, Профьюмо для янки станет в последующие годы своим человеком в Лондоне.

– Его постоянно приглашали для «консультаций» в Вашингтон, – вспоминал Иванов. – ГРУ отслеживало все эти поездки. Было ясно, что Профьюмо пользуется исключительным доверием американцев. Кое-кто в Генштабе с подачи наших резидентур в США даже считал его агентом влияния Вашингтона.

Формально в сферу обязанностей командующего сухопутной армии Великобритании никак не входили вопросы британских ядерных сил сдерживания, создававшихся при доминирующем участии и финансировании со стороны Соединенных Штатов. Тем не менее именно Джон Профьюмо стал по негласному решению Вашингтона доверенным лицом США в вопросах реализации проекта «Скайболт», а затем и программы «Поларис». Он был не только в курсе всех нюансов трудного переговорного процесса между Лондоном и Вашингтоном по этой проблеме, но и привлекался к планированию и решению так называемых технических вопросов в рамках обсуждавшихся программ реформирования британских ядерных сил сдерживания.

Профьюмо, по данным советской военной разведки, осуществлял челночную дипломатию между Вашингтоном и Лондоном в этой области. Он состоял в постоянной личной переписке с ключевыми фигурами США, задействованными в планах реализации проектов ядерного сотрудничества.

Нэш хаус – лондонский дом четы Профьюмо – был местом частых встреч военного министра с его заокеанскими гостями. Здесь, в своем домашнем кабинете, он работал над документами, которые направлялись исключительно для его сведения из Вашингтона. На домашний номер телефона военного министра нередко звонили его американские друзья из Пентагона, чтобы поделиться последними новостями. Эти новости, естественно, касались не столько личных дел друг друга, сколько забот государственных и военных.

Выход Иванова на такого человека, как Профьюмо, обещал советской военной разведке доступ не только к тактической, но и к важнейшей военно-стратегической информации по ключевым вопросам ядерной политики США и Великобритании.

Советский разведчик понимал это и стремился реализовать намеченные цели.

Глава 8

По закону Вольфендена

Подружившись с доктором Уардом, Евгений Иванов не мог не познакомиться и с его командой девушек. Первой такой знакомой стала Кристина Килер – танцовщица кабаре «Мюррейз». Ей едва исполнилось восемнадцать лет. И она была весьма хороша собой. В Лондоне Кристина появилась годом раньше, оставив железнодорожный вагончик в местечке Стейнс, где жила с матерью и отчимом. Семья едва сводила концы с концами. Столичная жизнь сулила юной мисс Килер неплохие заработки, и она без колебаний отправилась в Лондон. Вскоре девушка получила работу в лондонском районе Сохо, в кабаре «Мюррейз». Там судьба и свела её с доктором Уардом, а затем и с Евгением Ивановым.

Кристина Килер и хозяин кабаре Персивал Мюррей

Полгода спустя именно мисс Килер соблазнит военного министра Джона Профьюмо и станет одним из главных действующих лиц в «скандале века».

После знакомства в кабаре доктор Уард поселил Кристину в своей лондонской квартире на Уимпол Мьюз, но никак не для собственных любовных утех. Секс с Кристиной его не интересовал. Он обещал ей,

как, впрочем, и остальным девушкам из его команды, новую, интересную и вполне обеспеченную жизнь. Утверждал, что познакомит её с нужными людьми, введёт в узкий круг лондонского высшего общества.

Кристина охотно согласилась на такие посулы. Доктор Уард не мог не вызывать доверия у молодой, неискущённой в жизни девушки.

Портреты Кристины Килер и Евгения Иванова работы Уарда

– Я часто встречал её у Стивена дома, – вспоминал Евгений Михайлович, – но Уард убеждал меня, что интимных отношений у него с Кристиной нет, что он просто заботится о ней, пытается по мере возможности обеспечить ей достойное будущее.

Заботился о своих милостивых подопечных доктор Уард весьма своеобразно.

Крестину знакомили с богатыми и влиятельными мужчинами, которые охотно брали её на содержание. Так мисс Килер стала

поначалу любовницей известного в Лондоне рэкетира Питера Рахмана. Этот сорокалетний эмигрант из Польши сколотил свой капитал на предоставлении жилья в лондонском районе Ноттинг хилл для переселенцев из Вест-Индии. Рэкет, торговля наркотиками и проституция были основными сферами его интересов. В начале шестидесятых Питер Рахман не без оснований считался «королём» криминального бизнеса в Лондоне.

Криминальный авторитет Питер Рахман

Что же это была за личность – 18-летняя Кристина Килер?

Иванов в беседах со мной утверждал, что знал о ней, как ему казалось, почти все. За частыми посиделками на квартире Уарда и вечеринками в Спринг коттедже в Кливдене у разведчика было достаточно возможностей поговорить с Кристиной, да и Стив охотно делился с другом информацией о ней.

И все же беру на себя смелость заметить, что ни Иванов, ни Уард не смогли узнать Кристину по-настоящему. Они знали лишь то, что им казалось нужным. Но этого было явно недостаточно. Некоторые важные черты мисс Килер они так и не узнали.

Я лично познакомился с Кристиной Килер через три десятилетия после описываемых событий. Она приехала в Москву в мае 1993 года на встречу с Ивановым и перед возвращением в Англию пригласила меня с семьей погостить у нее дома в Лондоне. Это совпадало с нашими семейными планами на лето, и мы приняли ее приглашение.

30 лет спустя. Кристина Килер и Евгений Иванов

Так в июне и июле 1993 года мы с женой и дочкой оказались гостями Кристины Килер в ее лондонском доме на Эджли роуд, 139. Правда, дом принадлежал мисс Слоан: именно так уже следовало называть героиню «скандала века» – по фамилии ее второго и последнего мужа, с которым она развелась и уединилась в этом доме, оставив на его попечение двух своих сыновей.

Евгений Иванов и Кристина Килер в Москве, май 1993 г.

Кристина жила одна в этом небольшом домике на юго-западе Лондона неподалеку от Стоквелла. Жила достаточно скромно, ни с кем не встречаясь. Лишь иногда ее навещали сыновья – вполне взрослые и внешне очень интересные молодые люди. Оба были похожи на маму.

Евгений Иванов. 1992 год

За два месяца, проведенных в ее доме, мы сумели подружиться. Кристина согласилась написать предисловие к новому лондонскому изданию моей книги. Дала согласие на участие в съемках. Тем летом мы с немецким режиссером Лутцем Беккером начинали работу над документальной лентой о деле Профьюмо для Второго канала (ZDF) телевидения ФРГ. Участие Иванова и Килер в этой картине было залогом ее успеха. Кристина, в свою очередь, познакомила меня с известными ей английскими издателями, что было весьма кстати.

Вечерами мы нередко сидели вместе в ее комнате с окнами в сад и беседовали. Чаще всего разговор заходил об Иванове, Уарде и, конечно же, о ней самой.

Вот отдельные выдержки из моих записей тех бесед.

– Между прочим, родилась я неподалеку от Кливдена, – вспоминала она, – в местечке Рэйсбери, что на дороге В-376. Отец нас бросил. И мы жили с отчимом, мамой, бабушкой и тремя сводными сестрами матери, моими ровесницами. Дед и отчим работали на железной дороге. А жили мы на берегу Темзы в небольшом вагончике. Денег снять нормальное жилье у нас не было. Когда мне исполнилось пять лет, я чуть было не погибла. Упала в реку и начала тонуть. Плавать тогда я еще не умела. Меня спасла соседская девочка, годом или двумя старше, вытащив из воды.

С детства мне приходилось копать в земле, возделывая семейный огород на небольшом участке земли рядом с нашим вагончиком. Огород давал нам овощи, так что их не нужно было покупать. Денег у родителей постоянно не хватало. Отчим часто болел. Однажды весной вода из Темзы неожиданно поднялась и затопила наше жилье. Отчим слег и попал в больницу с воспалением легких. Он и потом часто болел...

– Ну а учеба, – поинтересовался я, – ты ходила в школу?

– Конечно, какое-то время ходила. В Рэйсбери была местная школа. Лучше всего у меня получалась математика. Только на уроках мне постоянно хотелось есть. От недоедания я была тощей, как скелет. Однажды школьный инспектор снял меня с занятий и отправил в детский санаторий на месяц. Там меня хорошо кормили. В четырнадцать я начала прирабатывать. Сидела с маленькими детьми, разносила почту. В пятнадцать мама отвела меня в бюро по трудоустройству. Мне стали предлагать работу. Я испробовала пять или шесть вариантов, но все они мне не понравились. Тогда родители отправили меня к дяде в Редхилл. Но он недавно женился, и его молодая жена не хотела видеть у себя дома 15-летнюю девушку.

Кристина за рассказом дома. 1993 год

– А как же школа? Неужели пришлось бросить учебу?

– Я была уже взрослой девушкой, – продолжала Кристина. – И должна была сама зарабатывать на жизнь. И вот однажды бюро по трудоустройству предложило мне работу фотомodelью в Лондоне. Я была в восторге. Меня согласились принять, сказав, что я очень фотогенична. Я начала зарабатывать, снимаясь в бикини для модных журналов. Всё складывалось неплохо. Но я забеременела от летчика – американца с базы бомбардировщиков в Рэйсбери.

– Вы поженились?

– Нет, его отозвали в Америку до рождения ребенка. А у меня случились преждевременные роды. Малышу было всего шесть месяцев, и он прожил лишь шесть дней. Мне тогда было пятнадцать. Не знаю, как я смогла пережить все это...

– А что же родители?

– Я им ничего не сказала. Отчим наверняка избил бы меня до полусмерти...

– А как же работа моделью?

– Беременная фотомodelь им была не нужна. Ну а после родов я устроилась на работу официанткой в одном греческом ресторане в Лондоне. Я ужасно уставала, но мне платили пять фунтов в неделю.

Кроме того, там можно было бесплатно обедать. Но однажды молодая красивая дама, пришедшая в наш ресторан, предложила мне работу танцовщицей в кабаре. «Ты привлекательна и хорошо двигаешься. Господин Мюррей тебя обязательно возьмёт. И платит он неплохо», – сказала она. Так и случилось. Меня взяли на работу в клуб «Мюррейз». Я стала зарабатывать тридцать фунтов в неделю. Жизнь начала улыбаться мне.

Красотка КК

– Там ты и познакомилась с Уардом?

– Да. Он пригласил меня пожить в его квартире на Уимпол Мьюз. Познакомил с друзьями...

Второй девушкой в команде доктора Уарда, с которой встретился Иванов, была Мэрилин Райс-Дэвис, или просто Мэнди. Эта бесшабашная блондинка с внешностью модели приехала в Лондон из

Бирмингема в возрасте 16 лет. В столице она познакомилась с Кристиной Килер. Девушки быстро подружились, работая вместе в Сохо в кабаре «Мюррейз».

Мэнди

Доктор Уард, познакомившись с Мэнди после одного из представлений в клубе, ввёл девушку в круг своих знакомств. Молоденькая блондинка очаровывала всех. Сначала она стала любовницей мультимиллионера Чарльза Клора. Затем в Мэнди влюбился сам лорд Дадли, предложивший ей руку и сердце. Их сиятельство, впрочем, вскоре одумался и сочетался браком с принцессой Радзивилл. Ну а Мэнди перешла на содержание к небезызвестному хозяину Кливдена лорду Астору.

Третьей девушкой доктора Уарда, которую нередко встречал в его компании Евгений Иванов, была Мариэлла Новотна. Эта 19-летняя танцовщица вышла замуж за приятеля Стивена Уарда, 44-летнего Хобарта Диббена, хозяина нескольких лондонских ночных клубов. Получив ангажемент в Америке, Мариэлла отправилась в 1960 году на

три месяца за океан, где преуспела не столько в модельном бизнесе, сколько в любовных связях с «сильными мира сего», в частности с будущим президентом США Джоном Кеннеди и его братом Робертом. Но это отдельная история, и рассказ о ней впереди.

Мариэлла Новотна с Хобартом Диббеном и JFK

Вернувшись в Лондон, Мариэлла стала, наряду с Мэнди и Кристиной, одной из девушек доктора Уарда. Стив познакомил её в Спринг коттедже с лордом Астором, и кливденское знакомство быстро превратилось в любовную интрижку.

– Мариэлла была единственной дочерью англичанки из Шеффилда Стеллы Мэри Кейпс и служившего в годы Второй мировой войны в королевских военно-воздушных силах эмигранта из Чехословакии Антонина Новотны, – рассказывал Евгений Иванов. – Но самое пикантное обстоятельство заключалось в том, что отец Мариэллы и тогдашний президент Чехословакии Антонин Новотны оказались близкими родственниками.

Четвёртой девушкой из команды доктора Уарда, с которой познакомился Евгений Иванов, была Илия Сушенек, двадцатилетняя австрийка, получившая британское гражданство. Она нередко сопровождала Стивена во время его посещений лондонских клубов. В

«Гаррике» Илия нередко играла в бридж в компании Иванова, Уарда и сэра Колина Кута.

Мисс Сушенек была частым гостем Спринг коттеджа и любимицей лорда Астора. Одно время ею был увлечён ещё один влиятельный приятель доктора Уарда – мультимиллиардер и нефтяной магнат Пол Гетти.

Мариэлла

Список девушек Уарда можно было бы продолжить именами Мегги Браун, Шэрон Паркер, Юнис Бейли, Сюзии Чанг, Ронны Риккардо и

других. Все они, как и многие из не названных здесь, окружали Стивена в его повседневной жизни, сопровождая его высокопоставленных друзей на вечеринках в узком кругу, в поездках по приглашениям VIP-персон, в клубах и кабаре ночного Лондона.

– Мистер Уард был, судя по всему, не только отменным остеопатом и неплохим художником, но и преуспевающим сутенёром, – заметил я как-то в беседе с Евгением Михайловичем Ивановым.

– Сутенёром он как раз и не был, – парировал моё заявление отставной разведчик. – Вряд ли сутенёр будет заниматься своим делом абсолютно бескорыстно. А доктор Уард не брал с девушек ни пенса. Более того, он нередко сам помогал им деньгами. Решал их бытовые проблемы, подыскивал недорогое жильё.

– Тогда возникает естественный вопрос: «А зачем он всё это делал?» – недоумевал я.

– Вопрос этот я и сам задавал себе не раз в первые месяцы знакомства со Стивом, – рассказывал мне Иванов. – Ответ на него пришёл не сразу. Потребовалось время. В конце концов для меня стали очевидными две вещи.

Во-первых, доктора Уарда патологически тянуло к женщинам лёгкого поведения. Они ему были безумно интересны. Но в этом увлечении не было сексуальной подоплёки. Стивен не стремился ни подкупить, ни соблазнить этих девиц.

Во-вторых, было очевидно, что Уард искренне стремился как можно лучше устроить жизнь своим девушкам. Правда, не меняя её по сути, но позволяя им неплохо зарабатывать, торгуя своим телом.

За всем этим просматривалась главная цель: Стивен хотел пробиться на самый верх социальной лестницы. Патологический интерес доктора Уарда к женщинам лёгкого поведения подпитывался его очевидным стремлением стать наконец желанным членом высшего общества. Эту особенность поведения Стивена, пусть и не без труда, но удалось подметить Иванову.

– Молодые красотки, окружавшие его, – рассказывал Евгений Михайлович, – легко могли обольстить любого аристократа или высокопоставленного государственного чиновника.

Благодаря своей команде девушек по вызову доктор Уард стал желанным гостем в богатых имениях и особняках. С ним в эти дома входила вполне доступная, хотя и платная любовь весьма

привлекательных девушек. И всё это делалось в полном соответствии с буквой британского закона.

До 1958 года английские мужчины имели легальную возможность удовлетворять свои сексуальные потребности на стороне, обращаясь к проституткам. Но с принятием в ноябре пятьдесят восьмого года британским парламентом «Билля о нарушениях общественного порядка на улицах» публичные дома в английских городах были объявлены вне закона.

Услужливый доктор Уард

Этот билль готовился в так называемом Комитете Вольфендена в течение четырёх лет. Сэр Джон Вольфенден, глава этого комитета, был, кстати сказать, знаком с доктором Уардом по встречам в кливденском имении лорда Астора. Его законопроект, дав кое-какие послабления, например разрешив гомосексуальные отношения между взрослыми людьми, ужесточил борьбу с проституцией. В итоге после принятия этого закона в стране было формально покончено с проститутками. Зато на свет появилась не менее многочисленная каста так называемых девушек по вызову.

Так в конце пятидесятых годов после вступления в силу закона Вольфендена доктор Уард стал де-факто, но не де-юре главой небольшой, но элитной компании по предоставлению интимных услуг.

У него под рукой всегда были весьма привлекательные девушки, готовые услужить любому достойному джентльмену. За приличную плату, разумеется. Сам же хозяин компании свою выгоду видел не в барышах от продажи сексуальных утех – комиссионные со своих девушек он никогда не брал, – а в дружбе с людьми из высшего общества.

Джон Вольфенден

– Когда со временем мне удалось определить круг общения Стивена Уарда и понять мотивы его действий, – вспоминал Евгений Иванов, – мой профессиональный интерес к нему стал расти как на дрожжах. Ведь он фактически владел отлаженной машиной по производству компромата на элиту британского общества.

Кристина была частой гостью в Спринг коттедже, арендованном доктором Уардом у хозяина кливденского имения. Как раз в бассейне у

Астора впервые увидел ее голенькой военный министр Британии Джон Профьюмо. И влюбился по уши. На свою беду.

«В тот жаркий летний вечер 1961 года в поместье веселились около 40 гостей, включая президента Пакистана Аюб Хана, группу депутатов и Профьюмо, – вспоминала Килер на склоне лет. – Я забыла дома купальник, но не беда – взяла полотенце. Я могла прикрывать им либо грудь, либо бедра. Вскоре возле бассейна появились Астор и Профьюмо. Они, смеясь, стали стаскивать с меня полотенце. Я тоже забавлялась: иногда сбрасывала полотенце, иногда чуть-чуть прикрывалась. Но подошли их жены, игру пришлось закончить. Через полчаса Профьюмо предложил показать мне дворец. Войдя в первую же комнату, стал гладить меня ниже спины...»

Накануне в субботу Иванов налаживал контакт с супругой военного атташе США в Лондоне, очаровательной миссис Мёрфи. Вечеринка в одном из ресторанов затянулась допоздна. Янки был занят делами, и Иванов не терял времени зря, пытаясь понравиться его жене. Немало в этом преуспел, не раз заключая миссис в свои объятия. Для документального закрепления этого эпизода он заплатил местному фотографу несколько фунтов, и тот охотно запечатлел любовную сцену на пленку. «Пригодится», – подумал про себя Иванов.

Мадам Мёрфи в объятиях «русского Джеймса Бонда»

В воскресенье 9 июля он оставался по делам в Лондоне, пока ему не позвонил Стивен Уард.

– Приезжай немедленно ко мне в Спринг коттедж, – командным голосом заявил он. – Здесь творится нечто невообразимое.

Иванов тут же выехал в Кливден. И, оказавшись у бассейна, сразу все понял. Профьюмо, как замороженный, несмотря на присутствие жены – красавицы кинозвезды Валери Хобсон, продолжал ухаживать за Кристиной. Резвился с ней в бассейне, словно мальчик, не сводил глаз с её стройного тела, то и дело поглаживал ей руки. Словом, заигрывал с юной гостьей направо и налево. Даже усадил её себе на плечи в бассейне, сражаясь с другой парой, кто кого толкнет в воду.

Иванова поначалу больше интересовал другой гость лорда Астора – президент Пакистана фельдмаршал Аюб Хан. Он гостил в Кливдене по пути в Вашингтон, где собирался обсуждать с президентом США события в Берлине, не обещавшие покоя дипломатам ни на Западе, ни на Востоке. Уже через четыре месяца Берлинский кризис поставит армии США и СССР друг против друга. А пока политики пытались, хотя и тщетно, предотвратить опасное развитие событий в Германии. Беседа у бассейна с Аюб Ханом была главной целью Иванова. Он пытался выяснить, как оценивает пакистанский лидер события в центре Европы.

Для советского разведчика германские дела были одним из приоритетных вопросов. Поэтому всё воскресенье он провел в попытках разговаривать и других высокопоставленных гостей семьи Асторов, стремясь получить новую и интересовавшую Москву информацию о позиции Запада по германскому вопросу.

Когда к вечеру ближе Иванов собирался уже уезжать, Стив попросил его подвезти в Лондон Кристину.

– Увези ее поскорее с глаз долой, – шепнул он ему на ухо, – не то министр затащит эту девчонку в постель прямо у меня в коттедже. Не дай бог Валери что-нибудь заметит. Тогда от упреков в мой адрес не спастись. Ведь именно я имел удовольствие привезти Кристину на выходные в Кливден. Джек (так в близком кругу именовали Джона Профьюмо) совсем потерял голову. Эта девчонка способна вить из него верёвки.

Такой поворот дела не мог не заинтересовать Иванова. Каково! Министр обороны на крючке у девчонки! А что, если воспользоваться этим?

Воображение разведчика тут же начало рисовать возможные сценарии дальнейшего развития ситуации.

Ну а пока Иванов охотно согласился подвезти Кристину домой в Лондон. Предложение Стива было для него более чем кстати. Ведь эта девушка в одночасье стала потенциальным игроком в новой и многообещающей игре.

«Хамбер» с двумя пассажирами выехал за пределы кливденского имения Асторов и взял курс на Лондон. Кристина пребывала в отличном настроении. Она явно была довольна своим успехом у лорда Астора и Джека Профьюмо. Женское чутье этой юной обольстительницы безошибочно подсказывало ей, что оба джентльмена, несомненно, оказались во власти её чар. При этом, как показалось Иванову, она была не прочь даже развить свой успех, соблазнив также и его. Во всяком случае, её кокетство по дороге в Лондон и заигрывание не оставляли у Иванова ни малейшего сомнения в её намерениях. Впрочем, это лишь облегчало задачу. Попутчики болтали о какой-то ерунде, наслаждались красотой опускавшегося вечера и долгожданной прохладой.

Вскоре намерения Кристины стали подкрепляться конкретными действиями. Её рука сначала слегка коснулась его руки. Затем она начала потихоньку поглаживать ладонью ладонь, потом всю руку, потом плечо и шею. Иванов делал вид, что не замечает.

Когда он остановил машину у дома на Уимпол Мьюз, Кристина сказала:

– Если хочешь, пойдём наверх, я сделаю нам чаю.

Иванов предложил выпить чего-нибудь покрепче, но обнаружил, что в машине спиртного совсем не осталось. Все захваченные им в дорогу припасы было израсходованы в Кливдене. Пришлось ехать в ближайший бар за бутылкой.

Что произошло дальше, все эти годы вызывало споры, как будто без ответа на вопрос, переспал Иванов или нет с Кристиной Килер, нельзя было выяснить причин и последствий дела Профьюмо.

Иванов признался:

– Да, был грех.

Он ушёл за полночь, когда Кристина уже спала. Казалось, что у него появился новый союзник. Партнерство с Кристиной обещало многое. Иванов рассчитывал, что Килер станет его помощницей. И не без оснований.

Уже на следующей неделе ей удалось соблазнить Профьюмо. О чём Иванов был сразу же поставлен в известность. Более того, министр обороны вступил с ней в романтическую переписку. Письма Джека через Уарда попали к Иванову.

Вот текст одного из них:

«Дорогая, пишу тебе в спешке. Твой телефон не отвечает. Увы, случилось непредвиденное, и завтра я не смогу к тебе приехать... Чёрт бы побрал все эти дела! Береги себя и не исчезай. С любовью. Твой Д.»

Во время свиданий на Уимпол Мьюз, 17, с помощью доктора Уарда были сделаны фотографии министра с Килер. Магнитофонные записи в спальне дополнили эту коллекцию. Компромат на министра-любовника рос не по дням, а по часам.

«Я плохо помню секс с Профьюмо, – вспоминала позднее Кристина, – вначале он вел себя в постели робко, но потом пошло по нарастающей. Разве я могла представить, что наши забавы приведут к такой трагедии и такому ущербу для государства!.. Показывая гостиную, Джон сказал, что у них обедает даже королева. Провел меня в свой кабинет, и я увидела необычный телефон. По нему Профьюмо разговаривал с премьером. Затем я с большим удовольствием занималась сексом в его спальне».

Кристине было 19, Джону – 46.

На открытое сотрудничество с Килер Иванов все же так и не решился. Основным его помощником оставался Стивен Уард. Это он информировал нашего разведчика о свиданиях министра с Кристиной Килер и поставлял ему компрометирующие Профьюмо материалы.

Западный взгляд на советский секс-шпионаж

– А ведь все могло сложиться иначе, – заявила Кристина три десятилетия спустя при встрече с Ивановым в Москве. – Я хотела и могла помочь тебе в твоей работе. Я даже несколько раз приходила в посольство, но не решалась войти. Меня пугал Стив. Я думала, что он будет против. И боялась...

Тем не менее уже сам факт связи Иванова с Кристиной, ставшей любовницей Джека Профьюмо, был отличным козырем для советской разведки в возможной дальнейшей игре с военным министром Великобритании.

Секс – и это нельзя не признать – всегда был и, видимо, останется важнейшим инструментом шпионажа. Альянс между плотскими желаниями и уловками интеллекта всегда играл заметную роль в истории разведки. Общеизвестна сакраментальная задача секс-шпионажа – склонить любовника к выдаче секретов или к сотрудничеству в их получении.

Как утверждают китайцы: «В слишком чистых озерах нет рыбы». Иванов собрал свой улов в мутном водовороте жизни лондонского высшего света. Его амурный эксперимент с наживкой в лице

обворожительной мисс Килер принес впоследствии весьма ощутимые результаты.

Когда Кристина начала крутить роман с Профьюмо, а Иванов благодаря Уарду смог собрать на этот счет документированный компромат, у советской разведки появилась идея шантажировать и завербовать министра. Это обещало Москве доступ не только к тактической, но и к важнейшей военно-стратегической информации по ключевым вопросам ядерной политики США и Великобритании.

Статья в «Санди миррор» о злополучной записке Профьюмо

Компромат на министра-любовника рос не по дням, а по часам. Евгений Михайлович старался фиксировать все детали и подробности романа. На руках у советского военного разведчика оказался козырный туз. Дружеские визиты самого Иванова к супруге Джона – актрисе Валери Хобсон – сделали нашего разведчика владельцем весьма важных бумаг из портфеля Профьюмо. В том числе секретного документа с адресами рассылки. Этот грифованный документ предназначался именно министру Профьюмо. И копия, попав в руки противника, фактически сделала его заложником советской разведки.

Глава 9

Роковое наследство

Жил да был один барон. Впрочем, жил да был вовсе не барон, а Бэрн. Такое имя взял себе в молодые годы герой этой истории, друг Стивена Уарда и мало кому известный инициатор «скандала века», не доживший, однако, до него 7 лет.

Волею случая он сблизился с «небожителями» из Дома Виндзоров и собрал сенсационный компромат на королевскую верхушку Великобритании. Чтобы не допустить раскрытия его содержания, Бэрна тайно ликвидировали как «угрозу национальной безопасности» 5 сентября 1956 года. Но «смерть от сердечного приступа» не спасла британский престол от смертельной угрозы, надолго пережившей Бэрна. На очередь были поставлены новые убийства последующих обладателей королевского компромата, ставших жертвами во спасение британской короны.

История эта запутанная и замешанная не только на шпионаже, политике и секс-компромате, но и на немалой толике совсем нешуточных страстей и грехов королевского Дома Виндзоров.

В «скандале века» высвечивается не только заморский, но и наш родной, российский след. След, тянущийся из середины прошлого века к сегодняшним дням. И не дающий по сей день покоя ни королевской власти Великобритании, ни преданным ей спецслужбам.

Расследование этого дела оказалось самым продолжительным (почти 30 лет) и самым сложным из числа многих других в моей практике. В Англии никакого расследования вообще не проводилось. Архивы засекретили. Ну а у нас это дело, кроме меня, вообще никого не заинтересовало.

В 2013 году маэстро Эндрю Ллойд Уэббер, всемирно известный автор популярных мюзиклов и титулованный британский пэр, попытался сдвинуть дело с мертвой точки. Благо на сцену именно тогда вышел его новый мюзикл как раз на данную тему – «Стивен Уард».

Уэббер, видимо, узнал из газетных публикаций, что по существующему в Великобритании законодательству архив

королевской семьи должен оставаться в секрете в течение не более чем 30 лет. Однако, как писали в прессе, из этого архива секретной службой было выделено 27 отдельных файлов, по которым состоялось особое решение – держать их в тайне и вне доступа для общественности бессрочно. Лорд-композитор решил выступить в палате лордов с требованием рассекретить материалы по этой теме. Но получил категорический отказ. Материалы были объявлены закрытыми еще на 100 лет вперед. Только вот зря британская цензура пытается прикрыть королевские грехи. Правда все равно пробьёт себе дорогу. Надо лишь дать ей шанс.

Фотограф Бэрон Нейхум за работой

Начну по порядку.

Предками Бэрона были итальянские евреи из Ливии. Выросший в эмигрантских кварталах Манчестера мальчик по имени Стерлинг Генри Нейхум оказался лихим на подъем. Уже подростком научился зарабатывать себе на жизнь и помогать родителям. Купил подержанную фотокамеру и стал промышлять заказами на свадьбах и прочих торжествах. Глаз у мальчишки оказался зорким. Снимки шли

нарасхват. Парень всерьез увлекся художественной фотографией. Это увлечение привело его в столицу с ее знатью и знаменитостями, которые быстро оценили талант молодого фотографа.

Чтобы стать популярным, Генри взял себе громкий псевдоним – Бэрн, хотя никаким бароном, естественно, не был и быть не мог. Парня наняли штатным фотографом в Ковент-Гарден, британский аналог нашего Большого театра. Знакомство с балетной труппой и очаровательными танцовщицами добавило новые краски в жизнь молодого человека. Он был хорош собой и уже известен как один из лучших фотографов-портретистов Лондона. Чего же ещё? И все бы, возможно, шло своим чередом, если бы не война. О балете и художественной фотографии пришлось забыть на долгие 6 лет. Но одна роковая встреча на войне кардинально изменила его жизнь.

Что же это была за встреча такая? – Королевская встреча. На Мальте в одну из своих журналистских командировок военный корреспондент Бэрн Нейхум встретился и подружился с лордом Маунтбаттенем – адмиралом и главкомом ВМС, близким родственником короля Георга VI. Адмиралу пришелся по нраву красавец-фотограф. Вдали от дома в годы войны лорд не стеснялся своих бисексуальных увлечений. Да и искусство фотографии сблизило его с Бэрном. Лорд любил разглядывать свои фотопортреты. Нарциссизм не был чужд его душе. А Бэрн поразил его умением делать удивительно красивые снимки.

Фотограф Бэрн Нейхум на светском рауте

Лорд Луис Маунтбаттен

Чтобы закрепить полезное знакомство, адмирал ввел Бэрона в узкий круг богатых и знатных особ. Сделал его придворным фотографом. Именно его камера запечатлела впоследствии королевскую свадьбу и коронацию Елизаветы II, крещение ее первенца Чарльза и дочери Анны.

Но была и еще одна причина неожиданного сближения еврея-простолюдина и членов королевской семьи. В королевском окружении оказалось немало фанатов порнографии. У лорда Маунтбаттена и его брата маркиза Милфорд-Хэвен была одна из старейших и наиболее ценных коллекций порнографии в мире. Сейчас, кстати сказать, она покоится в закрытом хранилище Британского музея. А Бэрон также был страстно увлечен порнофотографией и тоже имел неплохую коллекцию щекотливых снимков.

Коллекционеры стали регулярно общаться. Адмирал оказал Бэрому необходимую протекцию, и дела у лондонского фотографа пошли в гору. Первый заказ на фотографии герцога и герцогини Кентских, а также их детей прошел на ура. Снимки удались на славу. И вскоре Бэрон стал очень популярен при дворе. Заказов на фотопортреты от богатых и знаменитых стало с избытком. Деньги полились рекой.

Удачливый коллекционер открыл свою фотостудию и купил роскошную квартиру в самом центре столицы.

Ну а затем произошла еще одна судьбоносная встреча, изменившая жизнь Бэрона и ставшая, увы, причиной его гибели. Как-то у себя в имении лорд Маунтбаттен познакомил Бэрона с принцем Филиппом, своим протеже на руку принцессы Елизаветы, престолонаследницы короля Георга VI.

Герцог Эдинбургский, Филипп

Почему встреча с будущим супругом английской королевы стала смертоносной для Бэрона? Поначалу ничто не предвещало худого конца. Бэрон и Филипп в послевоенном 47-м совместно организовали так называемый «Четверг-клуб», чисто мужской клуб для любителей амурных приключений. Оба приятеля питали откровенную слабость к прекрасному полу.

Сначала еженедельные заседания клуба проходили в отдельных номерах китайских ресторанчиков Сохо за обедом из устриц и лобстеров, сдабриваемых французским шампанским. Затем их стали проводить на квартирах у членов клуба. Каждый член клуба имел право привести с собой на встречу одного своего друга. Так среди весьма привилегированных особ, постоянных членов клуба, оказался и доктор Стивен Уард, придворный остеопат и художник, приглашенный в «Четверг-клуб» Бэроном Нейхумом. Он играл роль сводника, охотно поставляя девушек по вызову своим знатным друзьям.

Членами клуба, помимо принца Филиппа, Дэвида, маркиза Милфорд-Хэвен и Бэрона, было немало других известных людей. Лондонскую богему, в частности, представляли художники Васко Лаццоло и Феликс Топольский, киноактер Питер Устинов и джазовый музыкант Ларри Адлер. В «политическое» крыло клуба входили один из лидеров консервативной партии спикер палаты общин Иан Маклеод и редактор газеты «Дейли экспресс» Артур Кристиансен.

На заседаниях клуба регулярно избирался «Болван месяца» – по-английски «Cunt of the Month», то есть тот из его членов, кто глупее всего подставился в постели за истекший месяц.

Бэрон стал архивариусом клуба. Вел его дневник. Обеспечивал фотосъемку «закрытых» мероприятий. Проще говоря, секс-вечеринок в его роскошной квартире, равно как и в домах других членов клуба, которые регулярно посещал и принц Филипп. В 47-м, между прочим, он был уже супругом принцессы Елизаветы. Это, впрочем, ничуть не мешало ему грешить на стороне. И тогда, и позже. «Ходоком» он был тем еще. «Радуйся, что твоя ширинка не умеет разговаривать», – заметил как-то Филиппу один из его друзей.

Члены «Четверг-клуба». В центре – принц Филипп

Неужели Филипп не понимал, что в погоне за секс-утехами он роет яму и себе самому, и Дому Виндзоров? Не берусь утверждать обратное, но дневник и фотоколлекция «Четверг-клуба» неизбежно превратились в смертельно опасный королевский компромат. Причем не только для царствующей монархии, но и для самого обладателя коллекции Бэрона Нейхума и других членов этого фривольного мужского клуба. Ведь придай огласке содержимое клубного архива кто-либо из его членов, и авторитету Дома Виндзоров был бы нанесен сокрушительный, возможно даже фатальный удар.

Что было на снимках Бэрона? Приведу на этот счет ответ из конфиденциального мему, которое мне удалось получить в середине 90-х. Его направил главному редактору лондонской «Дейли экспресс» обозреватель газеты Дэниел Макгрори. Прочитую лишь наиболее «невинные» фрагменты этой докладной записки. Более откровенные, думаю, вряд ли опубликуют.

«Альбом содержит фотографии вечеринок у бассейна с обнажёнными девицами, принцем Филиппом и его кузеном Дэвидом, маркизом Милфорд-Хэван. На других снимках обнажённый Филипп красуется в душевой после игры в поло в компании раздетых девиц...

Есть серия фотографий, сделанных на квартире фотографа Бэрона. На них в компании голых дам развлекаются Филипп, Башир, его конюший, и Бэрон. Эти фотографии датированы 1949 годом, то есть через два года после бракосочетания Филиппа и Елизаветы и после рождения их первенца – принца Чарльза.

На многих фотографиях Филипп фигурирует вместе со своими друзьями Майклом Паркером и Ричардом Тоддом и тем же Бэрном. На одной из них эта троица, голая, но в шляпах, изображает “трёх мушкетеров” с бумажными шпагами на их мужском достоинстве и с тремя обнажёнными дамами, играющими роль их верных рысаков. Филипп же стоит рядом, улыбающийся в камеру».

Вот такие картинки из клубного архива. Не зря, видимо, британский писатель Джон Осборн заметил однажды, что «английская королевская семья – это золотая пломба во рту, полном кариеса».

Некоторые снимки, штук шесть, я и сам видел. В частности, фотографии с принцем Филиппом. Снимки эти очень откровенные! На одном из них, например, запечатлена известнейшая английская аристократка – герцогиня Аргильская, особа, которая долгие годы не сходила с обложек глянцевого журналов. На ней из одежды только три нитки бусинок. А сама она стоит на коленях перед обнаженным мужчиной. Голова мужчины на снимке не запечатлена. Его имя в Англии до сих пор запрещено называть.

О коллекции Бэрона и ее содержании сейчас хорошо известно и журналистам, и политикам. В 2003 году лондонская «Дейли мейл» написала, что у русских есть документы «Четверг-клуба», способные фатально подорвать основы британской монархии. В связи с чем руководству британских СМИ были даны четкие указания на этот счет. Писать о коллекции Бэрона там запрещено по сей день.

Попади такие снимки в желтую прессу, и авторитет британской монархии рухнул бы на дно. Это понимали и в Секретной службе Ее Величества. Кто-то из «клубников», наверное, проболтался о своих «мужских забавах» по четвергам. О загулах Филиппа донесли и престолонаследнице. Королевский брак оказался под угрозой.

В 53-м, после смерти отца, Елизавета, как известно, вступила на британский престол. Новое положение супругов, естественно, обязывало их соблюдать правила приличия и королевский этикет. Чтобы супруг не смотрел на сторону и чаще бывал дома, Елизавета

назначила его менеджером королевского имущества. Филипп стал также патроном ряда фондов и обществ, в том числе и Королевского географического.

Служба безопасности Дома Виндзоров усилила контроль за «друзьями» Филиппа. Им было настоятельно рекомендовано не звонить, не писать герцогу Эдинбургскому и не встречаться с ним по собственной инициативе.

Бэрон Нейхум стал *персоной нон грата* для Дома Виндзоров. К тому же в желтую прессу просочились сведения о скандальных похождениях принца Филиппа и его кузена Дэвида в компании королевского фотографа. Бэрон был отлучен от двора. Более того, секретная служба всерьез занялась «творчеством» Бэрона. Ее в первую очередь интересовали дневники «Четверг-клуба» и порноколлекция фотографа с интимными снимками первых лиц королевства.

«Четверг-клуб» немедленно прикрыли. Бэрону предложили передать архив клуба секретной службе. Но он заявил, что собственноручно уничтожил весь архив. Солгал, конечно. Только зачем? С любимой порноколлекцией не мог расстаться? Вполне возможно. Поначалу я так и думал. Но позднее пришел к выводу, что была на этот счет и другая причина.

Кинозвезда Пэт Кирквуд в жизни

AMID *Easy*

THE UNFORGETTABLE
**PAT
KIRKWOOD**

WITH

VAN JOHNSON,

VIC OLIVER,

SHANI WALLIS

AND

HUBERT GREGG

Кинозвезда Пэт Кирквуд на киноафише

Дружба Бэрона с Филиппом оказалась с червоточинной. Королевский муж без стеснений эксплуатировал своего друга. Пользовался его квартирой для свиданий с любовницами, отбивал девушек, которые нравились Бэрону. А однажды даже увел его невесту, американскую кинозвезду Пэт Кирквуд. Причем на глазах у самого Бэрона. Принялся ухаживать за ней в ресторане «Амбассадор» на Пикадилли, а затем привез ее на ночь в спальню к Бэрону. Бедняга до утра сидел в гостиной, а утром был вынужден готовить для «друга», соблаздившего его невесту, завтрак.

Об истинном отношении Бэрона к Филиппу мне рассказал племянник фотографа. В 1994 году в Англии вышла книга о царствовании римских императоров. Написал ее племянник Бэрона, сын его сестры Рабы Нейхум, известный британский писатель и

издатель Энтони Блонд. Мы познакомились. Мистеру Блонду было тогда 66 лет. В ответ на мой вопрос об отношениях Филиппа и его дяди он сказал: «Бэрон ненавидел его. Молча. Про себя. Не мог простить ему всех унижений».

Думаю, именно по этой причине Бэрон решил сохранить архив «Четверг-клуба». Полагаю, он хотел отомстить своему обидчику, выдав в прессу компромат на Филиппа.

Однако секретная служба, видимо, разгадала замыслы Бэрона.

Смерть в 50 лет – всегда неожиданность. Особенно если речь идет об энергичном здоровом мужчине. Бэрон скончался преждевременно – ничто не предвещало столь раннего ухода. Поэтому среди друзей и близких Бэрона получила хождение версия о преднамеренном убийстве придворного фотографа.

Незадолго до смерти, перед поездкой с Филиппом на яхте в Австралию (на Олимпийские игры 56-го года в Сиднее), Бэрон решил лечь на пару дней в клинику, чтобы подлечить ногу. Там и случился фатальный сердечный приступ. Секретная служба, судя по всему, использовала удобный шанс сделать пациенту клиники смертельный укол, провоцирующий остановку сердца. Никаких следов. Чисто английское убийство.

Фотоколлекция, дневник и альбом

Дуглас Томпсон

PRINCE PHILIP AND THE PROFUMO SCANDAL

PRINCE PHILIP
Word drew his portrait..

THE foulest rumour which is being circulated about the Profumo Scandal has involved the Royal Family.

The name mentioned in this rumour has been Prince Philip's. The rumour is utterly unfounded.

The Daily Mirror is able today to state the facts about any association which has taken place between members of the Royal Family and Stephen Ward, the man who is now in custody accused of living wholly or in part on the earnings of prostitution.

ARTIST

Ward is an osteopath and as an osteopath he met many famous people in London society. Ward is also an artist of considerable ability. As an artist he was in contact with three members of the Royal Family and drew their portraits.

The three members of the Royal Family were:—

Prince Philip, Duke of Edinburgh;
Princess Marina;
Princess Alexandra.

Rumour is utterly unfounded

Each of the three gave a private sitting to artist Stephen Ward.

APART FROM THESE PRIVATE SITTINGS, THERE WERE NO FURTHER CONTACTS BETWEEN DR. WARD AND THE MEMBERS OF THE ROYAL FAMILY CONCERNED.

Eight days ago, the following comment was made by Mr. J. W. Self, Conservative agent for Walsall South, to Lord Packer, joint chairman of the Tory Party, at a meeting of Tory Party officers and agents in Birmingham:

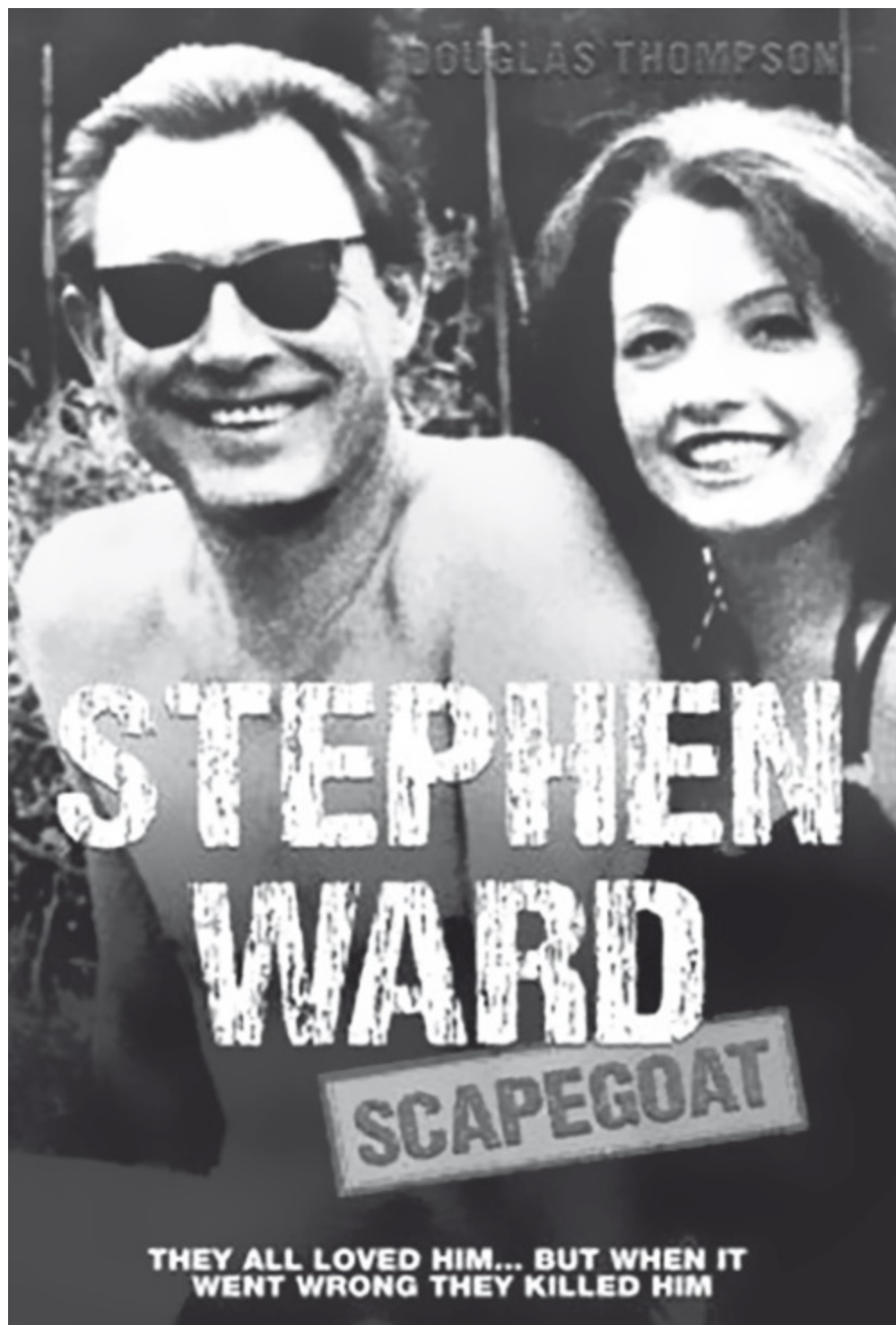
☉ There is now a rumour floating around the country that a member of the Royal Family is involved with this lady.

You see how important it is that the ☉ true facts should be put to the nation.

Today the Daily Mirror gives the true facts to the nation.

[The Daily Telegraph reports today that the Home Office has ordered that Dr. Ward is not to be allowed to identify any of his portraits of famous people which were to have been sold to raise money for his defence.]

Статья в «Дейли мейл» о роли супруга королевы в деле Профьюмо

Книга Дугласа Томпсона

Вот что поведал мне по этому поводу Энтони Блонд: «Мать поддерживала связь с братом. Они переписывались. Редко, но встречались. Она рассказывала мне о дяде, ее беспокоила судьба брата.

Мама говорила об испортившихся отношениях брата с королевской семьей. Ему фактически запретили встречаться с бывшими друзьями. Кроме того, дядя отказался передать в музей дневник и фотоальбом клуба, что ему настойчиво предлагали сделать некоторые влиятельные люди».

Бэрон заблаговременно через адвоката тайно завещал её своему другу, уже упомянутому выше доктору Стивену Уарду. Секретная служба на несколько лет потеряла след коллекции. А доктор Уард стал позднее помощником нашего разведчика Евгения Михайловича Иванова.

Уард как раз и передал коллекцию Иванову. Секретная служба Ее Величества не знала об этом, но шла по следу. Доктора Уарда отправили за решетку, пригрозили длительным тюремным сроком. Через своих осведомителей сыскари узнали, что коллекция, возможно, хранится в доме Уарда. Обыскали все углы, но ничего не нашли. Сам Уард о коллекции молчал и поплатился за это жизнью.

По версии официального следствия, причиной смерти было самоубийство – отравление барбитуратами. На самом деле имела место ловкая имитация самоубийства, профессионально исполненная британскими спецслужбами. Недавно в Лондоне известным писателем-историком Дугласом Томпсоном были опубликованы результаты частного расследования этого «мокрого дела». И раскрыта вся подоплека грязного убийства, совершенного по заказу власть имущих.

Итак, коллекция оказалась у Иванова. И что с ней произошло дальше?

Иванов вывез ее в Москву и втайне от начальства оставил себе. Почему он не отдал ее в распоряжение наших спецслужб? Ведь королевский компромат можно было применить, что называется, с пользой для дела. Вопрос не праздный. Я и сам задавал его Иванову. Мы совместно работали над книгой его воспоминаний для ее издания сначала в Англии, а потом и в России. Он утверждал, что не передал материалы Бэрона руководству разведки, потому что коллекция эта никому не была нужна (!).

Коллекция Бэрона

Руководители лондонской резидентуры ГРУ, с его слов, постоянно ставили ему на вид за то, что он занимается не своим делом. Его личных доводов и аргументов на этот счет никто и слушать не хотел. Кроме того, по утверждению Иванова, он собирался использовать коллекцию Бэрона, чтобы оказать необходимый нажим на британские спецслужбы и вынудить их освободить Уарда из заключения (например, в обмен на коллекцию).

Однако план этот Иванову реализовать не удалось. По возвращении из Лондона его отстранили от дел и отправили в Академию Генштаба.

Возможно, Иванов имел и другие виды на коллекцию, рассчитывая, скажем, на ней заработать. Сам он об этом не говорил, но думаю, что над этим задумывался. Однако и эти планы не были осуществлены.

Тайна коллекции оказалась раскрыта в начале 90-х. Очевидно, отставной разведчик проболтался о ней за очередной «рюмкой чая». Ну и поплатился за это жизнью. После нескольких попыток убрать его (сбить машиной на тротуаре) каперанг был направлен новоиспеченной женой (третьей по счету) в больницу. Затем оказался в психушке.

Тем временем в его квартире или гараже, судя по всему, нашли тайник с коллекцией. В январе 94-го Иванов неожиданно умер. Вскрытия не было. Официальный вердикт – внезапная остановка сердца. Родных у Иванова не было, жил он один. Новая жена, организовавшая поспешный брак, скорее всего, была из команды «черных риелторов». Им досталась квартира умершего на

Фрунзенской набережной Москвы (ценой в несколько сотен тысяч долларов). Ну а коллекция, скорее всего, перешла к новому владельцу.

Всплыла она, насколько мне известно, через несколько лет. В начале XXI века о ней заговорили в Лондоне. Ее анонимным хозяином был объявлен кто-то из новых русских. Думаю, за этим бизнесменом стояли наши спецслужбы, искавшие для коллекции Бэрона достойное применение. Правда, по информации из достоверных источников, этот новый русский пропал без вести.

Говорят, коллекцию для Дома Виндзоров получил от него осевший на «Острове» беглый олигарх Борис Березовский. В обмен на секретный архив БАБа с компроматом на влиятельных российских персон.

Как велись эти переговоры, я не знаю. Официальные лица в них задействованы не были, и по вполне понятным причинам. Думаю, сначала стороны высказали предложения по размену, выслушали аргументы друг друга. Затем была проведена экспертная проверка на подлинность материалов и согласованы условия сделки.

Самым сложным препятствием, возможно, оказался дефицит доверия. Вручая оригиналы документов друг другу, ни одна из сторон не могла быть уверена, что в ход когда-нибудь не пойдут их копии. Может быть, поэтому не многие верили в надежность сделки.

FREE INSIDE

COMPLETE CHRISTMAS & NEW YEAR TV & RADIO GUIDE INSIDE 5 MAGAZINE

CHRISTMAS & NEW YEAR TV

YOUR BRILLIANT AND COMPLETE 10-DAY FESTIVETV AND RADIO GUIDE

KGB: WE BUGGED ROYALS

Russians finally admit listening in during Princess's official trip

By **Will Stewart** a writer and **Camille Tomney**
 THE KGB has admitted spying on the Royal Family, the Sunday Express can reveal.
 Soviet secret agents bugged Princess Margaret's telephone and listened in on the conversations of other senior royals. Listening devices were planted in the Princess's bedrooms during an official trip

TURN TO PAGE 5

Bruce: I'm not going to retire

SEE PAGE 3

Flood chaos strikes Britain

FLOOD warnings for an area stretching from Cornwall to North Yorkshire were issued last night.
 Urgent work was under way to levy motorways and railway lines open as "exceptional weather" threatened to wreck the plans of holiday travellers.
 The Government said everything was being done to help water families at Christmas but Transport Secretary Patrick McLay said warned travellers to plan journeys well in advance.
 The Environment Agency has issued four severe flood warnings, 120 flood warnings and 100 flood alerts.

FULL STORY PAGE 8

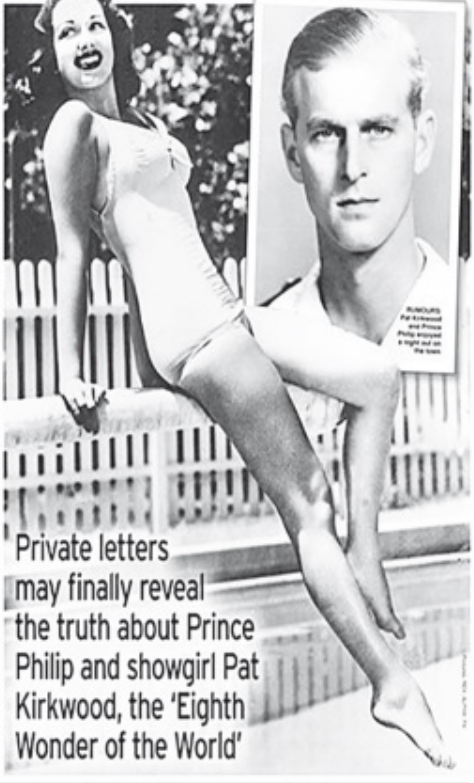
WERE THEY REALLY 'JUST FRIENDS'?

By Julie Carpenter

A REPORTER ON A JOURNALSIGHT tour in the south coast of England last week was told that the West End's biggest and most profitable show was the British Ballet Company who had been the country's first national touring company from 1945 and had toured across the British Isles since then.

The tour made it possible for the young British actress to be seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

That evening, a small group of people were gathered in a room in the south coast of England. They were there to see a performance by the British Ballet Company. The show was a success, and the young actress was seen in a way that had never been seen before.

Private letters may finally reveal the truth about Prince Philip and showgirl Pat Kirkwood, the 'Eighth Wonder of the World'

In the Second World War she was just an 18-year-old girl who had just started her career as a showgirl. She was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

The showgirl was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

She was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

WEEKS later, the British Ballet Company was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

The showgirl was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

She was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

the Prince over the fact that they were not married. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

She was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

She was seen in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before. It was a chance to see her in a way that had never been seen before.

Pat Kirkwood, the 'Eighth Wonder of the World'

Публикации британской прессы о королевском компромате

Зачем всё это было нужно Березовскому? Думаю, чтобы поправить дела в Великобритании. В 2006 году тогдашний министр внутренних дел Великобритании Джек Стро официально предупредил БАБа, что его статус политического беженца может быть пересмотрен. Лондонское кресло под Березовским зашаталось. И Борис Абрамович, судя по всему, решил укрепить свою оборону. Выдал Дому Виндзоров (конкретно принцу Майклу Кентскому) «матпомощь» на общую сумму 320 тысяч фунтов стерлингов. Как сообщали британские СМИ, на ремонт и содержание Кенсингтонского дворца. Следующим подарком мог стать королевский компромат из коллекции Бэрона.

Но что-то в этом деле явно пошло не так. И БАБ заплатил за коллекцию Бэрона жизнью. 23 марта 2013 года его нашли повешенным. Официальная версия – самоубийство.

Вот такая беспощадная к своим владельцам оказалась коллекция Бэрона.

Конца и края у этой истории пока не видно. Любопытно было бы знать, когда и у кого опять всплывет архив «Четверг-клуба».

Глава 10

Шах дому Виндзоров

В январе 1996 года корреспондент крупного лондонского еженедельника «Санди миррор» Эндрю Голден опубликовал статью, в которой утверждал, что архивные документы о личной жизни супруга британской королевы Елизаветы II герцога Эдинбургского останутся засекреченными еще на 100 лет.

По существующему в Великобритании законодательству архив королевской семьи должен оставаться в секрете в течение не более чем 30 лет. Однако из этого архива Секретной службой Ее Величества было выделено 27 отдельных файлов, по которым состоялось особое решение – держать их в тайне и вне доступа для общественности по крайней мере ближайшие 100 лет.

Что же это за материалы об обстановке в Доме Виндзоров, которые власти страны засекретили еще на столетие? – спросите вы. Большинство из них – это доклады британской контрразведки МИ-5 и Скотланд-Ярда о личной жизни супруга английской королевы герцога Эдинбургского.

Автор статьи в «Санди миррор» полагал, что эти отчеты секретных служб касаются любовных походов Филиппа. Консорт Ее Величества был настолько любвеобилен в пору своей бурной молодости и даже в годы семейной жизни, что руководство служб охраны и безопасности британской короны приняло решение о постоянном круглосуточном наблюдении за мужем королевы Елизаветы II. Делалось это из опасения утечки информации о похождениях герцога в желтую прессу и возможной последующей дискредитации государственной власти Великобритании.

Какие же тайны хранят эти отчеты секретных служб, если было принято решение засекретить их минимум на столетний период времени? Эндрю Голден считает, что речь в этих материалах идет о делах 1940–60-х годов, о фривольном «Четверг-клубе», членом которого состоял герцог Эдинбургский, о двух его закадычных друзьях, любителях острых ощущений – Бэроне Нейхуме и Майкле Паркере. Особенно о первом, работавшем до поры, то есть до

увольнения (пока, что называется, гром не грянул), официальным фотографом британской королевской семьи.

Кое-какие детали этой сопряженной со скандальными слухами дружбы между Филиппом и Бэроном временами попадали на страницы печати, но, не получая необходимого в таких случаях документального подтверждения, быстро исчезали без каких-либо видимых последствий. Решение британских властей о «вековом» засекречивании досье на принца Филиппа – герцога Эдинбургского, скорее всего, свидетельствовало о наличии на него серьезного компромата, который во избежание нежелательных последствий не должен был увидеть свет хотя бы в течение ста лет.

Нетрудно представить себе, какого рода компромат способен подвигнуть его хранителей на введение столь продолжительного запрета на допуск к архивным материалам британской королевской семьи.

И все же статья в «Санди миррор» – это всего лишь информация о решении властей и сопутствующий ему комментарий журналиста.

Семью годами позже, летом 2003 года, другая влиятельная лондонская газета «Дейли мейл» опубликовала материал Тима Лакхерста на ту же тему, но с другим подтекстом. В ней говорилось о том, что в секретных архивах КГБ хранятся документы элитного «Четверг-клуба», способные при их разглашении фатально подрвать основы британской монархии.

Автор этой статьи фактически утверждал, что компромат на британскую королевскую семью – тот самый, видимо, что несколькими годами раньше было решено засекретить на сто лет – попал (причем еще в советские времена) в руки КГБ.

Как это произошло, автор статьи не говорил, он лишь утверждал, что такая утечка имела место. А возможным ее инициатором называл доктора Стивена Уарда, главного фигуранта скандального дела Профьюмо, известного остеопата и художника. А кроме того, добавлю, друга и добровольного партнера советского разведчика Евгения Михайловича Иванова.

Что ж, в этих откровениях британских газетчиков есть немалая толика правды. Ведь архив упомянутого выше элитного «Четверг-клуба» действительно был кладезем документированного компромата на членов королевской семьи. Но дело не только в нем.

Как утверждала в одном из своих номеров в феврале 2000 года другая лондонская газета «Мэйл-он-санди», у Главного разведывательного управления Генштаба в 40-е и 50-е годы был «крот» в Секретной службе Её Величества.

Дерек и Николь Танги

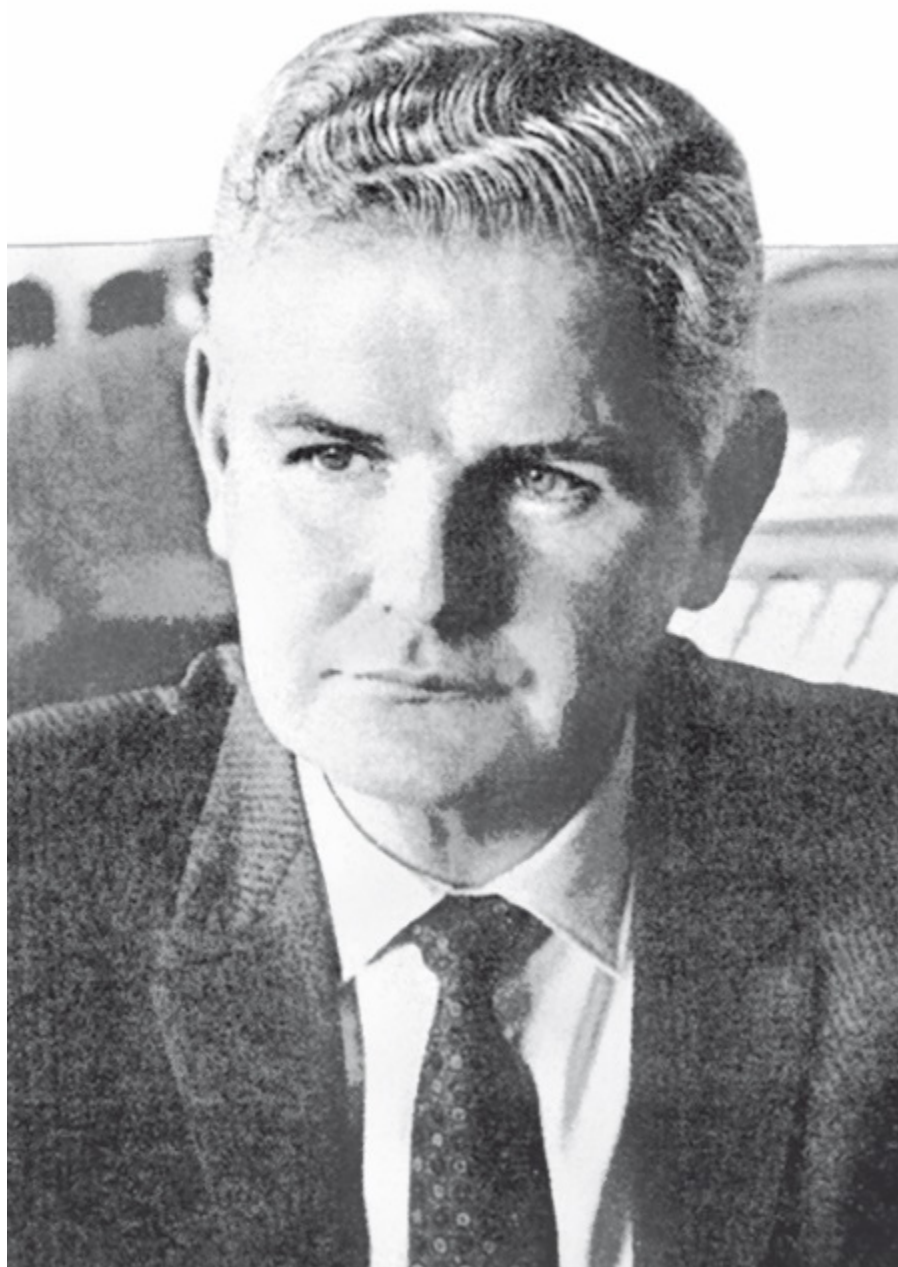
Агент этот был известен под псевдонимом «Пара» и занимался в МИ-5 тем, чем в КГБ ведало Пятое главное управление — умонастроениями интеллигенции. В английском варианте — мониторингом настроений высшего общества.

Этим агентом был офицер МИ-5 Дерек Танги. Завербован разведупром РККА он был еще до войны во время путешествия господина Танги по Советской России. Его супруга Жанна Николь также работала на ГРУ. Она занимала пост пресс-атташе фешенебельного лондонского отеля «Савой» и считалась организатором так называемого «Клуба по пятницам». Это был, так сказать, клуб-родственник «Четверг-клуба».

Нередко заседания в четверг продолжались его участниками и в пятницу. Жанна Николь была хорошо информирована о завсегдатаях клуба, в числе которых был и герцог Эдинбургский. Поставляя

информацию мужу, она работала не только на Секретную службу Её Величества, но и на Москву.

Еще одним кремлевским шпионом, по данным лондонской «Мейл», был агент, работавший под псевдонимом «Раб», – Томас Кронин.

Томас Кронин

В 50-е годы он служил сначала в Винфилд хаусе, где находилось в то время посольство США, потом у королевы Елизаветы II, а затем в Кенсингтонском дворце при принцессе Маргарите и лорде Сноудене. Во всех случаях кремлевский агент занимал должность дворецкого. С его помощью советская разведка установила «жучки» и в резиденции посла США в Риджент парке и в Кенсингтонском дворце, через забор от посольства СССР.

Другим важным дворцовым шпионом Кремля волею случая оказался и Евгений Михайлович Иванов.

Лорд Сноуден и принцесса Маргарита

Однажды Уард и Иванов коротали очередной вечер вместе на Уимпол Мьюз. Стив готовил кофе и предложил другу еще раз взглянуть на фотоколлекцию Бэрона. Евгений Михайлович в

очередной раз принялся с любопытством разглядывать альбом и клубный дневник.

За стаканом виски и чашкой кофе Уард поделился с другом воспоминаниями о совместных похождениях в компании с принцем Филиппом и его кузеном Дэвидом, маркизом Милфорд-Хэван – об их вечеринках в кабачках Сохо, о походах за город на весёлые застолья к друзьям, о посиделках в лондонских клубах для избранных. Словом, о событиях, фотографии которых украшали страницы альбома. Рассказ был увлекательным.

The KGB's spy at the Palace

Soviet intelligence files reveal the extraordinary story of how Princess Margaret's butler and top author Derek Tangye sold secrets to Moscow

By Jason Lewis in London and Kim Willsher in Moscow

THE Soviet Union spied on the British Royal Family during the height of the Cold War and even succeeded in getting an agent employed as Princess Margaret's butler, The Mail on Sunday can reveal.

They see almost Thomas Craven – codename Rab – as the key agent in an ambitious plan that led to the Royal's most serious secrets being sent to communists in Russia.

Eighty classified files in Moscow reveal how Craven, who also served a five-year stint as butler to the American Ambassador, was just one of a number of lesser espionage operatives.

Craven in Russia, can be revealed today after our first batch of intelligence in London, Moscow and Washington passed approval.

SOVIET SPY: writer Derek Tangye and his wife Joan

American Embassy in London and later from Moscow house.

A photograph taken in 1954 and published around the world reveals just how much access the spy enjoyed, based at a villa in the mountains between Whitfield House, then the US Embassy in London, and some of the most powerful men in the West, the top of the then US Embassy.

KGB officers who confirmed Craven's identity to The Mail on Sunday said: Rab was a highly valuable agent for the USSR.

In the American Embassy he worked closely with the ambassador and other senior diplomats, he had access to documents, letters, including the ambassador's personal letters, and conversations and during some of the most volatile moments related to America/Russia talks.

INSIDER: Craven attends the Queen's coronation, due to be passed elsewhere, Craven failed to get into a job at Buckingham Palace to work for her husband Princess Margaret and Anthony Armstrong-Jones, now Lord Snowdon.

On the night of 25 days at Buckingham Palace. It was what was a minor scandal of the day, he fell out with Armstrong-Jones and left the Royal household on the same day he was asked to sign the Official Secrets Act. The following year he sold a series of articles to leading newspapers. It was he claimed that he had gone because of the way the palace was run.

The Mail on Sunday, he said, was when Anthony Armstrong-Jones complained he had attended a drinking party without knocking on another

and President Nixon in London

agent operating in London but not under official cover.

The KGB, source revealed, there was some kind of misunderstanding between the two, something went wrong with their relationship, but effectively went to his credit. "You can't see the spy more".

The source insisted that behind the KGB's headquarters in Moscow was an active office of the authors at which Rab was held.

View Andrew Lewis, the former head of the KGB's top domestic branch, who all worked in the KGB's

SERVICE WITH A GALE: Butler Thomas Craven - codename Rab - passed Royal secrets to Moscow

worked for the British in through the hotel during the days provided George Brown, who returned to the couple's

Статья о дворцовых шпионах Кремля в «Мейл-он-санди»

– Но это всё цветочки по сравнению с тем, что случилось несколько лет назад, – признался затем Уард. – Герцог решил приударить за сестрой королевы принцессой Маргаритой. До поры им всё шло с рук. Пока королева не застала их, так сказать, на месте преступления в Букингемском дворце. Привычки молодости проходят небыстро. Герцог – старый сатир.

– Эта история слишком похожа на банальный анекдот, – заметил Иванов. – Мало ли сплетен распускают злые языки?!

– А как же поспешное замужество принцессы Маргариты с простолудином? – парировал его сомнения Уард. – Королева потребовала брака сестры с ее приятелем, фотографом Энтони Армстронг-Джоунсом, чтобы скрыть позор и прекратить скоротечный роман Маргариты с её мужем. Энтони на скорую руку подыскали титул лорда и подходящую к титулу фамилию – Сноуден.

Простолудин-фотограф вдруг в нарушение всех правил пришёлся Виндзорам ко двору, а полковник Таунсенд, избранник принцессы Маргариты, любимец её отца и герой войны, такой чести был лишён после стольких лет надежд и ожиданий! Как это понять?

История о любовном треугольнике в Букингемском дворце, ставшая в начале шестидесятых достоянием «жёлтой прессы», стоит того, чтобы разобраться в ней повнимательней.

Принцесса Маргарита

Питер Таунсенд

Как известно, первая любовь принцессы Маргариты к полковнику Питеру Таунсенду была разрушена отказом дома Виндзоров на их брак. Скандал разгорелся сразу после коронации. Двадцатитрёхлетняя сестра королевы была безумно влюблена в заместителя дворцового эконома, бывшего лётчика-истребителя Питера Таунсенда, который оказался старше Маргариты на 15 лет и был женат. Питера любил и ценил отец принцессы, покойный король Георг VI.

В 1952 году полковник получил развод и был назначен опекуном своих двух сыновей. В королевском окружении развод считался позорным действием. Маргариту порицали за то, что она влюбилась в человека неаристократического происхождения, да ещё и разведённого.

Таунсенда отправили с глаз долой в Брюссель на должность военно-воздушного атташе посольства Великобритании. Но влюблённые продолжали встречаться и по ту, и по эту сторону Ла-Манша.

В октябре 1955 года, когда Маргарите исполнилось 25 лет и она получила право выйти замуж с согласия королевы, принцесса отправилась на аудиенцию с сестрой просить разрешения на брак с Таунсендом. Её любовь и счастье были в руках королевы. Но Маргарита получила категорический отказ.

Сестра королевы не может сочетаться браком с разведённым мужчиной – так гласил важнейший из постулатов англиканской церкви. Елизавета II могла своим особым решением повлиять на ход дела, но не пошла на это, как утверждают, по совету супруга – герцога Эдинбургского. В результате сердце молодой принцессы было разбито.

Жизнь Маргариты круто изменилась. Чтобы заглушить причинённую ей боль, принцесса пристрастилась к алкоголю, а затем к наркотикам. Начались случайные романы, в том числе и с мужем сестры.

Чтобы остановить Маргариту, королева приняла решение немедленно выдать её замуж. Выбор пал на фотографа Энтони Армстронг-Джоунса, одного из богемных знакомых принцессы.

Фотограф оказался не только простолюдином, чьи родители развелись – его мать к тому же была еврейкой. Но королеву ничто не могло остановить, когда речь шла о благополучии ее собственного брака. Елизавета II стала первым британским монархом за 500 лет, допустившим в свою семью простолюдина.

*The Lord Chamberlain is
commanded by Her Majesty to invite
Captain 3rd Rank E. V. Ivanov M.
and Madame Ivanov
to an Afternoon Party in the Garden of Buckingham Palace
on Thursday the 21st July 1960, from 4 to 6 o'clock p.m.,
(Weather Permitting)
Morning Dress or Uniform or Lounge Suit.*

Приглашение Е.М. Ивановой с супругой на прием к Елизавете II

Это была откровенная месть сестре за ее недостойное поведение. А чтобы придать Энтони черты аристократизма, монаршей милостью ему был пожалован графский титул. Так на свет появился лорд Сноуден.

После брака Маргариты и Энтони скандальную историю о королевском любовном треугольнике стали постепенно забывать. Кое-кто и по сей день отвергает её как гнусную провокацию и ложь.

Публикации в «Мэйл-он-санди» с информацией о работе советских дворцовых шпионов в Англии предшествовала статья в другой лондонской газете – «Дейли экспресс», утверждавшая, что принцесса Маргарита в конце пятидесятых – начале шестидесятых была «под колпаком» советской разведки. Её любовные эскапады фиксировали на фото- и аудиоплёнки сотрудники советских спецслужб.

Об этом поведал британской прессе полковник КГБ Вадим Гончаров, мастер использования эндовибраторов или «пассивных жучков» для прослушки избранных объектов. С его внедрением канули

в лету километры потайных проводов, скрытые микрофоны. Достаточно было спрятать в помещении небольшую металлическую пластину, лучом приемно-передающего устройства через стену или окно активировать ее... и спокойно слушать все разговоры внутри. Скандально известным стал «жучок», поставленный нашей разведкой в деревянный американский герб, висевший в кабинете посла США в Москве.

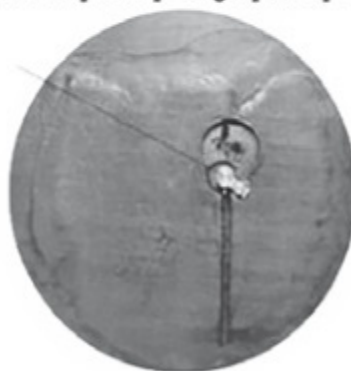
Полковник Вадим Гончаров

Герб с прослушивающим устройством

Эндовибратор

Эндовибратор внутри герба

Деревянный герб США

«Пассивный жучок» и эндовибратор

За 8 послевоенных лет в Москве сменилось четыре посла. И все эти годы чекисты, в том числе и Гончаров, слушали их секретные разговоры.

Среди многих удачных дел полковника Гончарова была прослушка пьяных загулов английской принцессы Маргариты в кабаках Европы, в частности в Копенгагене.

В начале 60-х годов под подозрение британской контрразведки как агент Кремля попал сам лорд Маунтбаттен. Наводку на него дал британский «крот», полковник польской разведки Михал Голеневский, англичанам. Мало того, ее подтвердил и другой перебежчик, майор КГБ Анатолий Голицын.

Агент «Адмирал»

Михал Голневский

Оба утверждали о каком-то высокопоставленном агенте КГБ под слишком уж откровенным псевдонимом «Адмирал». Подозрение пало на адмирала флота лорда Маунтбаттена. Он, как известно, познакомил своего племянника принца Филиппа с Лилибет, старшей дочерью короля Георга VI и будущей королевой Елизаветой II.

Из всех адмиралов королевских ВМС подозрение пало на лорда Маунтбаттена совсем не случайно. Его просоветские и антиамериканские взгляды были достаточно известны в узком кругу. На этот счет были документированные свидетельства очевидцев.

Однако следствие было быстро свернуто. Никто не хотел выносить сор из избы.

Информация спецслужбам Кремля шла не только от агентов, внедрённых в Дом Виндзоров, но и от обслуживающего персонала королевской семьи. Москва, в частности, получала конфиденциальную информацию от личного врача принцессы Маргариты доктора Кэй Кирнан и других знакомых сестры королевы и сотрудников «Ройал хаусхолд» – управления делами Дома Виндзоров.

Старт дворцовым операциям советской разведки дал в конце 30-х годов не кто иной, как «отец всех народов» Иосиф Сталин. Толчком этому стало предательство британского короля Эдварда VIII, ставшего, по данным нашей лондонской резидентуры, на сторону Третьего Рейха. Факт его работы в качестве шпиона Гитлера Дом Виндзоров успешно скрывал вплоть до XXI века. Пока американцы не рассекретили архивные материалы ФБР на этот счет.

Из них, в частности, следовало, что Виндзор выдал Берлину в мае 1940 года подробную дислокацию франко-британских войск на западной границе Германии. Вследствие чего вермахт ударил по Франции там, где войск не было, – севернее линии Мажино, через Бельгию.

Энтони Блант и Елизавета II

В результате Франция капитулировала всего через три недели. А британские войска вынуждены были спешно ретироваться с континента к себе домой. Предательство Виндзора решительно изменило начальный ход Второй мировой войны в пользу Германии.

Первым успешным дворцовым шпионом Сталина в Англии был троюродный брат королевы Елизаветы II, любимчик её отца Георга VI – Энтони Блант, он же агент Кремля «Тони», – один из членов знаменитой «Кембриджской пятерки».

Важным новым источником информации о Доме Виндзоров в начале 60-х годов стал Евгений Иванов. Он был знаком и с королевой Елизаветой II, и с её супругом – герцогом Эдинбургским. Этим контактам содействовали не только служебные возможности и талант военного дипломата, но и помощь его друга, королевского художника и остеопата Стивена Уарда.

С лордом Сноуденом и с принцессой Маргаритой Иванов познакомился ещё до их свадьбы. Затем был приглашён на церемонию их бракосочетания в соборе Святого Павла.

Билет-приглашение Е.И. Иванову на Хенлейнскую регату

Евгений Михайлович провёл немало времени в их компании в фотомастерской Энтони, на королевских скачках в Аскоте и на Хенлейнской регате. К первоначально полученной информации добавились новые факты.

В молодости Иванов увлекался греблей. Лорд Сноуден, как выяснилось, тоже. Он плавал рулевым, очевидно из-за своего малого веса и роста: мужчинам такой комплекции, как правило, в гребле достается роль коксвена.

На Хенлейнскую королевскую регату в те годы обычно приезжала одна из лучших советских восьмерок, что давало Иванову повод лишний раз встретиться и с принцессой Маргаритой, и с лордом

Сноуденом во время соревнований, которые они никогда не пропускали.

После регаты Евгений Михайлович обычно бывал гостем их катера, и они совершали на нём прогулки по реке.

На квартире доктора Уарда Иванов нередко делился с другом рассказами о беседах с лордом Сноуденом и принцессой Маргаритой. В ответ он слышал новые рассказы о скандальной жизни королевской семьи. Придворный художник и знаменитый остеопат был о ней неплохо осведомлен.

Так постепенно Иванов становился носителем семейных тайн Букингемского дворца. И дополнял своими сведениями информацию, получаемую Центром из других источников, в частности от агентов «Раб» и «Пара», а также от других дворцовых шпионов, завербованных советской разведкой в высших эшелонах власти Великобритании.

Глава 11

Немыслимый Винни

“I cannot forecast to you the action of Russia. It is a riddle, wrapped in a mystery, inside an enigma; but perhaps there is a key. That key is Russian national interest.”

«Я не могу предсказать действия России. Это загадка, завернутая в тайну и помещенная внутри головоломки, но, возможно, есть ключ. Этот ключ – русский национальный интерес».

Winston Churchill / Уинстон Черчилль

Пришла теплая летняя лондонская суббота. И Евгений со Стивом договорились вместе отправиться после обеда в Кливден.

Уард позвонил за час до предполагавшегося отъезда и неожиданно заявил:

– Юджин, я задержусь. У меня вызов. Отказаться не могу. Мой давний пациент. Понимаешь?

– Отчего же не понять? Поехали к нему вместе, – предложил Евгений, – чтобы мне тебя здесь не ждать.

Днем раньше Иванов отдал свою машину на профилактику в автосервис, и Стив, зная об этом, ещё накануне предложил ему поехать в Кливден на его «Ягуаре».

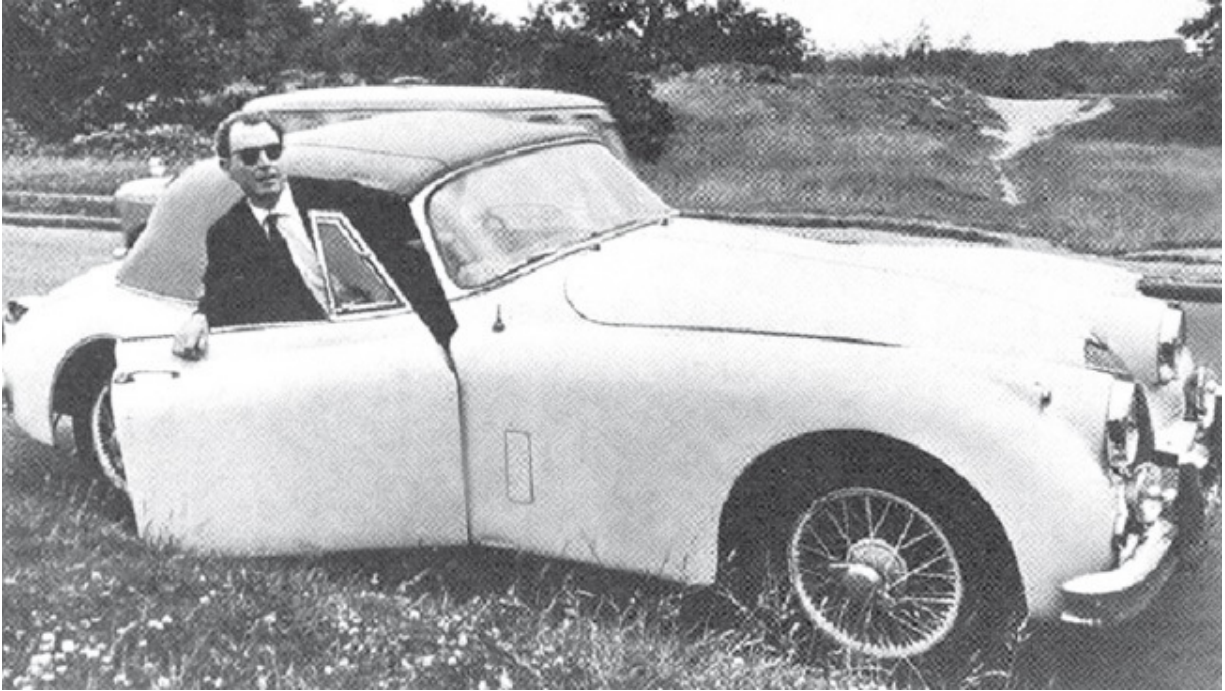
– Хорошо, – сказал он, – я заеду за тобой через четверть часа.

Вскоре Иванов уже сидел рядом с Уардом в беззаветно любимом англичанином белом кабриолете марки «Ягуар». Эту машину Стив почти что боготворил. Следил за ней и ухаживал, как за любимой женщиной. Автомобили были ещё одной страстью англичанина. Белоснежный красавец-кабриолет, словно на крыльях, нёсся по

опустевшим улицам выходного Лондона.

Евгений Иванов

Стивен Уард и его «Ягуар»

– Куда едем? – спросил Иванов у Уарда, вынимая из кармана пачку американских сигарет «Уинстон», которые он предпочитал всем другим.

– К нему и едем, – ухмыльнулся в ответ Стивен, щёлкнув пальцем по пачке сигарет.

Не догадаться, о ком шла речь, было невозможно.

– Вот это да! – воскликнул Иванов. – Неужели к самому сэру Уинстону едем?

Стив лишь многозначительно кивнул в ответ головой.

– Старик у меня в пациентах уже лет пять или шесть, – пояснил он. – Бедняга спиной мается. Да и вообще он здорово сдал: плохо видит, плохо слышит, с трудом ходит... Немудрено после двух инсультов да в 85 лет. Вот я к нему и наезжаю по вызовам время от времени. Как сегодня.

Сэр Уинстон Черчилль – неувядаемая легенда, одна из ключевых фигур мировой истории. Почти полвека он определял политику Великобритании. И по праву значится в числе наиболее выдающихся англичан. Прежде чем продолжить рассказ, позволю себе уделить внимание этой удивительной фигуре.

Он появился на свет в 1874 году, за два месяца до срока. Леди Черчилль перетанцевала тогда на балу в родовом замке герцогов Мальборо и едва успела добежать до гардеробной комнаты. Малыш оказался рыжим и голосистым. Его назвали Уинстоном, а по-домашнему – Винни.

В клане Мальборо за несколько столетий смешались разные судьбы. Были среди них норманнские воины из стана Вильгельма Завоевателя. Были морские грабители из числа пиратов сэра Френсиса Дрейка. Были даже родственники президента США Рузвельта. Уинстону предстояло стать первым премьер-министром Великобритании в роду герцогов Мальборо.

Учился Винни в Харроу – элитной лондонской школе с 300-летней историей. Здесь (как и положено по британской системе воспитания) пороли не только его, будущего руководителя страны, но и многих других «неучей» вроде лорда Байрона.

Потом в его жизни было военное училище Сандхёрст. И служба в армии. Сначала на Кубе, где он на всю жизнь пристрастился к курению сигар. Потом военные кампании в Индии и Южной Африке, где он попал в плен к бурам и должен был быть расстрелян. Но бежал.

Четвертой его войной стала Первая мировая. Ее он начал как морской министр, но подал в отставку и отправился на фронт командовать гренадерами. После демобилизации Черчилль стал одним из лидеров консервативной партии. Занимал один за другим целую череду министерских постов: военного министра и министра авиации, министра финансов и внутренних дел, министра по делам Содружества...

Свою пятую и самую главную войну – Вторую мировую – он встретил на посту премьер-министра Великобритании. И привел Англию к Победе.

Перед войной у него дома появился попугай «Чарли». Черчилль выучил его ругаться, матеря фюрера. Говорят, «Чарли» до сих пор жив. Ему почти 110 лет. Он обитает в оранжерее в графстве Сюррей. И по-прежнему смущает посетителей, ругаясь голосом Черчилля: «Гитлер! ...твою мать!»

Проиграв выборы в год великой Победы над фашизмом, Черчилль ушел в тень на долгих 6 лет. Но в 51-м после победы тори на выборах снова возглавил правительство страны. Это было его последнее

четырёхлетие на Даунинг-стрит, 10. В 1955 году он ушел в отставку. Здоровье не позволяло ему работать так, как хотелось. Но он все так же курил и пил, как всегда. «Пять-шесть сигар в день, три-четыре стакана виски и никакой физкультуры!» – с этим лозунгом он прожил всю свою сознательную жизнь.

Последние 10 лет он проводил либо в своей лондонской квартире, либо в загородном имении или на любимой французской Ривьере, где отдыхал на яхте «Кристина» греческого миллиардера Аристотеля Онассиса. И постоянно навещался в казино. Рулетку Черчилль обожал. Зато ее ненавидела его супруга Клемми.

Винни женился поздно – в 33 года. Он и его жена Клементина были абсолютно разными людьми. Может быть, именно поэтому они счастливо прожили друг с другом всю жизнь. Клемми была единственным человеком, который мог совладать с буйным характером Черчилля. Плодом их любви стали дети. Первой в 1909 году родилась Диана, через 2 года – Рандольф, затем – Сара и Мэриголд.

Иванов встретился с Черчиллем за четыре года до его смерти. В 1962-м в своем любимом «Казино де Пари» сэр Уинстон упал и сломал бедро. Лежа на больничной койке, он написал сценарий собственных похорон. «Я хочу, чтобы меня хоронили как простого солдата», – заявил он в своем завещании.

В начале 1965 года Черчилль простудился и слег. 24 января все газеты мира сообщили о его смерти. Завещание премьера было исполнено. Его похоронили как солдата, великого солдата. С королевскими почестями...

– Мне, наверно, лучше будет подождать тебя в машине, – сказал Евгений Михайлович, когда «Ягуар» Уарда остановился у трехэтажного краснокирпичного особняка Черчиллей на Гайд-парк Плейс.

Иванов обязан был это предложить хотя бы потому, что вовсе не желал показаться бесцеремонным. Но в душе его в тот момент соперничали друг с другом два желания. С одной стороны, ему ужасно хотелось попасть в гости. С другой – он не мог ставить Стива в неловкое положение, прося взять его с собой в дом для знакомства с сэром Уинстоном Черчиллем.

– Какого черта! – самоуверенно заявил Стивен Уард, почувствовав нерешительность Иванова. – Пошли вместе. В доме меня и

подождёшь.

– Ну, в таком случае не грех прихватить с собой и бутылочку универсального лекарства для твоего больного, – оживился на радостях Евгений Михайлович и достал из своей дорожной сумки припасённую на вечер бутылку старого армянского коньяка. – Мне кто-то рассказывал, что Черчилль, попробовав его у Сталина, стал неравнодушен к этому напитку.

– Никогда не забуду, как я первый раз оказался в этом доме, – заметил Иванову Стивен Уард, когда друзья вошли в просторную прихожую дома на Гайд-парк Плейс. – Лакей, некий мистер Гринстрит, проводил меня тогда в спальню сэра Уинстона. А тот... о ужас! Встретил меня без штанов, сидя на кровати и потягивая сигару. Он поднялся мне навстречу, выставляя напоказ все свои достоинства, и заявил: «Даже не пытайтесь убедить меня бросить курить. Леди Черчилль наверняка просила вас об этом. Это бесполезно. Я никогда не расстанусь с сигарами. Разве что только после смерти».

О сэре Уинстоне в России, да и в других странах, наверное, существуют самые различные, порой противоречивые суждения. Но что бы где ни говорили о выдающемся английском политическом деятеле, – а легенды о нём будут жить в веках, – для миллионов русских и, в частности, для Иванова он всегда был великим премьером, в союзе с которым в годы тяжелейшей войны Советский Союз одолел гитлеровскую Германию. Равно как и опасным противником, автором идеи железного занавеса.

Кроме того, для советского военного разведчика не остались незамеченными и те эпизоды карьеры великого премьера, о которых было мало известно непосвящённым. Иванов знал, например, что именно сэр Уинстон был родоначальником военно-морской авиации в мире. В начале XX века, сразу после первого полета аэроплана 17 декабря 1903 года, Черчилль обратился к родоначальникам авиации братьям Уилберту и Орвиллу Райт с предложением начать разработку и создание авианосного флота. Так с его легкой руки уже в Первую мировую войну Великобритания и США опробовали в деле свои первые авианосцы.

Для советской разведки не было секретом и то, что именно сэр Уинстон стал движущей силой создания атомной бомбы. После знаменитого меморандума двух учёных Бирмингемского университета

Рудольфа Пайерлса и Отто Фиша в марте 1940 года о возможном создании «супербомбы» Черчилль настоял на учреждении специального так называемого Комитета Мод. По личному поручению Черчилля специалисты комитета должны были изучить возможность создания атомной бомбы. Через год на поставленный сэром Уинстоном вопрос учёные дали положительный ответ. И британский премьер убедил Президента США Франклина Делано Рузвельта взяться за это дело. Так на свет появился проект Манхэттен, а через четыре года и первая атомная бомба.

Да, сэр Уинстон был противником той системы, которую представлял и отстаивал Иванов. Но это был достойный и сильный идеологический противник. Одна его крылатая фраза постоянно была на слуху. Он как-то сказал о России, что это «загадка, завернутая в тайну».

Действительно, имея дело с непредсказуемой, противоречивой и коварной внешней политикой Иосифа Сталина, нетрудно было и о России начать судить как о «загадке в квадрате». Только никакой особой таинственности в ней нет – ни в стране, ни в народе. Загадку же задали всему миру те, кто решил в 17-м году переворотом в Петрограде построить на земле воплощение своей книжной мечты. Этот проект не мог не пугать и не отталкивать своей жестокостью.

Черчилль всем своим существом противился большевистскому насилию, не понимая долготерпения и всепрощения русских. В этом, видимо, для него и заключалась загадка необъяснимого русского характера.

– Кто это с тобой, Стив? – услышали гости голос хозяина дома. – Извинись за меня, я не одет. И проходи в спальню. Мне опять поясница покоя не дает. Попробуй мне чем-нибудь помочь. У меня приглашение на вечер, и такое, что отказать никак нельзя. А я едва двигаюсь, да и то со скрипом.

Уард велел Иванову остаться в гостиной, а сам отправился обслуживать захворавшего хозяина дома.

Евгений остался один. Кто-то из прислуги заглянул на минуту в комнату и, выяснив, что именно гость хотел бы выпить, принёс виски с содовой. Иванов с любопытством разглядывал гостиную. Ряды старых книг на полках, массивные картины, антикварная мебель. На столике с краю – раскрытая коробка кубинских сигар в алюминиевых пеналах.

Шотландский виски и армянский коньяк в баре. Значит, правильно рассказывали: старик действительно любит этот дар Араратской долины.

В соседнем кабинете, куда Иванов осторожно заглянул, на столике у окна и на секретере лежали бумаги. Он подошёл к столу. На нём лежал целый ворох писем и материалов, которые, очевидно, направлялись сэру Уинстону для ознакомления, а возможно, и для консультации с ним. Здесь были справки по финансовым и экономическим вопросам, доклады по политическим проблемам, личная переписка...

Гость поймал себя на простой, но преступной мысли: эти бумаги могли бы представить для Центра немалый интерес, и никто не мешает украсть их. Здесь их такое множество, что отсутствие двух или трёх материалов вряд ли кто и заметит.

Особый интерес у него вызвало письмо одного из военных чинов, в котором излагались совершенно новые подходы к европейской политике НАТО. Речь шла о проработке концепции «передовых рубежей», в ту пору Иванову ещё мало известной.

Эта концепция предполагала оснащение бундесвера ядерным оружием наземного базирования. Такой шаг должен был, по всей видимости, сыграть роль сдерживающего фактора для потенциального агрессора, то есть для СССР. Подробной информации в письме не было. Но и та, что попала на глаза Иванова, представляла определённый интерес. Он постарался запомнить все основные положения письма, чтобы суметь восстановить их позже в памяти.

– Ну, показывай мне своего русского, – раздался хриплый голос из глубины дома и скрип открывающейся двери.

Евгений быстро вернулся в гостиную. Знаменитый толстяк предстал перед ним во всей своей грузной красоте, отмеченной печатью восьми десятков лет насыщенной событиями жизни.

– Больной чувствует себя лучше, – не без гордости за содеянное заявил Стивен, – и я разрешаю ему рюмку бренди.

Иванов понял, что это было сигналом для него, и тут же отрекомендовал принесенную им в подарок бутылку армянского коньяка. После того как на Ялтинской конференции Сталин предложил Уинстону Черчиллю рюмочку армянского коньяка, британский премьер-министр оценил отменные вкусовые качества напитка и стал его поклонником.

Это был абсолютно новый тогда 50-градусный коньяк «Двин» 10-летней выдержки. Его еще не было в продаже. Первую партию отправили в Кремль. В серию «Двин» запустили лишь годом позже, после Победы. И Черчилль стал регулярно получать его от Сталина.

Вскоре, однако, коньяк премьеру разонравился. В своем письме Сталину Черчилль заметил с сожалением, что «Двин» потерял свой былой вкус. Он даже намекал на то, что хозяин Кремля, возможно, перестал уважать проигравшего выборы премьера. Стали разбираться. Выяснилось, что мастер, который готовил коньяк, на заводе больше не работает. Он был арестован и сослан в Сибирь. Сталин велел вернуть его на работу. Маркара Седракяна восстановили в прежней должности, вернули партбилет и даже позднее присвоили звание Героя социалистического труда. Мастер быстро вернул своему коньяку утраченный им было вкус. Черчилль оценил возвращенное качество напитка и, как поговаривают, регулярно выпивал ни много ни мало целую бутылку «Двина» в день.

Не берусь судить, что в этой истории правда, а что ложь, но, может быть, так оно и было...

Сэр Уинстон взглянул на этикетку принесенного Ивановым армянского коньяка и медленно выговорил:

– Ю-би-ле-ни.

– Возраст – 10 лет, крепость – 43 градуса, – пояснил Иванов. – Это первый коньяк мастера Седракяна, автора вашего любимого «Двина». Он его выпустил еще в 1937 году.

Хозяин дома одобрительно кивнул и велел разлить благородный напиток по бокалам. Гости выпили за здоровье сэра Уинстона, который тут же закурил свою «Гавану».

– Ваш коньяк действительно неплохой. Вы, русские, настоящие мастера поражать нас своими талантами. Но поймите меня и не обижайтесь, – заявил старик, затянувшись ароматной сигарой, – вы для нас варвары. Не в дурном смысле, а в подлинном: так в древнем мире все были варварами по отношению к грекам и римлянам. А мы их наследники. Англосаксы – представители классической культуры. Мы лучше других в мире выражаем два великих начала: ясность и чувство меры. У других народов, в том числе и у русского, они затуманились. Иначе вы не стали бы выкорчевывать на своей земле свои же традиции. Поэтому в душе я и считаю вас варварами.

Сэр Уинстон налил себе еще коньяку в уже осушенный бокал.

– У России тот же путь, – продолжал хозяин дома, – что и у Европы, или никакого пути. Любой британец вам подтвердит, что Лев Толстой, Фёдор Достоевский, Антон Чехов – величайшие писатели. Мы чувствуем в них, а значит, и в России, своих единомышленников. Трагедия в том, что революция столкнула Россию с её исторического пути. И превратила в нашего врага.

Старик поднёс к лицу фужер с коньяком, вдохнул аромат напитка, оценивая его букет, и продолжал, сделав глоток.

– Россия болеет дурной болезнью, и болезнь эта страшно заразительна. Я не смог вам помочь одолеть её. Но другим, я уверен, повезёт больше. И не сердитесь, господин Иванов, на меня за мою откровенность. На стариков грех сердиться.

Черчилль допил коньяк и затянулся сигарой. В русском госте тем временем начинали бушевать нешуточные страсти.

Легко сказать – не сердиться. Коммуниста Иванова заявление хозяина дома просто взбесило. Уард, знавший о горячности друга и, видимо, почувствовавший приближавшийся взрыв гнева, не стал испытывать судьбу и поспешил увести Женю из дома Черчилля. И слава богу, так как советский офицер был вполне готов доказать сэру Уинстону, что в определении варваров тот не преувеличивал.

По дороге в Кливден Иванов долго не мог успокоиться от нанесённого, как он полагал, ему и его народу оскорбления. Стив терпеливо слушал его гневные тирады и не перечил, дожидаясь момента, когда этот взбалмошный русский, его друг, наконец не успокоится.

Ждать пришлось до самого Кливдена.

Много позднее, вспоминая слова сэра Уинстона, Иванов признавал, что старик-то, по сути дела, был прав, называя русских варварами, а события 17-го года – национальной трагедией России. Тогда, в начале 60-х, этих взглядов он не разделял и разделять не мог. Долголетнее и настойчивое промывание мозгов полностью очистило его сознание от зачатков каких бы то ни было сомнений. Верный ленинец и преданный Родине офицер, Иванов был уверен в своей коммунистической правоте. Назидательная проповедь главного идеолога империализма сэра Уинстона Черчилля лишь укрепляла его в этой уверенности.

Успокоившись после услышанного и взяв себя в руки, он в тот вечер попытался сохранить в памяти текст прочитанного им письма с информацией о новой европейской стратегии НАТО. Антикоммунистические тирады старика Черчилля вскоре вовсе перестали его волновать...

Почти через шесть десятилетий после окончания Второй мировой был рассекречен самый «выдающийся» план Черчилля. Вплоть до нынешнего столетия документы по нему хранились за семью печатями. Теперь их рассекретили. Этот план срывает с отпрыска герцогского дома Мальборо маску добропорядочности.

В сорок пятом, сразу после взятия Берлина, британский премьер и его военное командование приступили к разработке тайной операции под кодовым названием «Немыслимое».

Этот план подразумевал нападение на советские войска в Европе. Атаку по всему европейскому фронту от Балтийского до Черного моря должны были начать вооруженные силы США, Великобритании, а также Германии и Польши.

Удар был запланирован на 1 июля 1945 года.

Затем дату перенесли. Западу было важно участие Красной армии в войне с Японией. Удар по СССР отложили, чтобы уже в декабре того же года утвердить новый план операции «Тоталити» – ядерного удара по 20 советским городам и промышленным центрам.

Так «представители классической культуры – англосаксы» собирались разобраться с нашей страной – «варварами», своими союзниками в войне.

Глава 12

Клептоман от разведки

Каждый сентябрь Евгений Иванов в редкий для него свободный час ездил по грибы в небольшой по российским меркам английский лесок под названием Эшер коммон, что милях в пятнадцати от Лондона, если ехать по дороге номер три.

В сентябре, учитывая профессиональную составляющую, ему приходилось собирать не только английские грибочки в лесах под Лондоном, но и информацию об экспонатах международной авиационной выставки в Фарнборо.

Несколько дней работы выставки оказывались, пожалуй, для советской разведки одними из самых напряженных в году. Ибо каждая экспозиция в Фарнборо означала проведение очередной операции Центра и резидентуры по направлению научно-технической разведки.

Главных ролей в этих операциях помощнику военно-морского атташе посольства СССР в Великобритании Евгению Михайловичу Иванову не поручали. Начальство, видимо, полагало, что у него были и другие не менее важные дела, поэтому без особой необходимости его персону на авиасалонах в Фарнборо не занимали.

Это Иванова немного корбило. Чувствуя его неудовлетворенность, кто-нибудь из высших чинов резидентуры, дабы не расстраивать разведчика, непременно выговаривал ему примерно следующее:

– Да что от тебя толку на авиасалоне? Ведь за тобой же «хвост» на километр из ребят английской контрразведки!

«Хвост» действительно был всегда, благодарение лорду Норману Деннингу и сэру Роджеру Холлису, руководителям британской контрразведки.

– Да что я, от «хвоста» не уйду? – горячился уязвленный таким отношением начальства Иванов.

Но неизменно получал в ответ от руководства все ту же решительную отповедь:

– Занимайся, Евгений Михайлович, порученным тебе делом – собирай на авиасалоне информацию, беседуй с фирмачами, своевременно докладывай, если что любопытное сможешь узнать.

Историю Фарнборо почему-то ведут с 1918 года. Это неверно. После Первой мировой войны авиавыставки проводили в павильоне лондонской «Олимпии» на Кенсингтон-хай-стрит. В 1932 году салон переехал в город Хендон, затем переехал в Радлетт: там были аэродромы для проведения демонстрационных полетов. И только в послевоенном 1948-м авиашоу переехало в Фарнборо.

На один из салонов в Фарнборо в сентябре 1961 года приехал Андрей Николаевич Туполев, корифей советского авиастроения. Напомню, что академик и трижды герой Туполев сконструировал за свою карьеру более 100 типов самолетов, 70 (!) из которых выпускались серийно. На них было установлено 78 мировых рекордов скорости, дальности, потолка полета и т. д.

Той осенью ему шел уже семьдесят четвертый год. Время, как говорится, брало свое. Лошадиным здоровьем Туполев уже похвастаться не мог. Но в деле Андрей Николаевич был по-прежнему чрезвычайно энергичен, бодр и целеустремлен, так что мог дать сто очков вперед любому молодому руководителю.

Туполев был кумиром Иванова. Евгений Михайлович знал, что этот гений-самородок уже в 11 лет, будучи слушателем воздухоплавательного кружка, ведомого великим русским ученым Николаем Евгеньевичем Жуковским, создал свой первый самолет – глиссер с пропеллером, а затем и аэросани.

После смерти Жуковского Туполев становится душой созданного его учителем Центрального аэрогидродинамического института – ЦАГИ, где были построены первые получившие всемирную известность самолеты Туполева, начиная со знаменитого «АНТ-3», созданного еще в далеком 1925 году.

Почти каждый год выпускал затем Андрей Николаевич все новые и новые самолеты: двухмоторный бомбардировщик «ТБ-1», тяжелый четырехмоторный «ТБ-3», средний двухмоторный «СБ», самолет-гигант с восемью моторами «Максим Горький», легендарный самолет Валерия Чкалова «АНТ-25», совершивший в 1936 году беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс в Америку.

Кроме общеизвестных фактов, Иванов знал и о тех эпизодах из биографии Туполева, которые были мало кому знакомы и о которых не принято было упоминать вслух. В частности, о том, что Андрей

Николаевич, как и тысячи его соотечественников, в конце тридцатых годов попал под каток сталинских репрессий.

В 1937 году его сначала обвинили в создании вредительской организации, передававшей чертежи самолетов французской разведке, затем ему стали «шить» руководство «русской фашистской партией» и работу на германскую разведку...

После таких обвинений «агент двух западных разведок» не должен был выйти живым из тюремных застенков. Но ему повезло.

После ареста и тюремного заключения последовал ГУЛАГ и «шарага». Та самая знаменитая «шарага» – ЦКБ под номером 29, что располагалась в Москве на берегу Яузы, где встретились и подружились великие советские ученые-конструкторы Андрей Туполев, Сергей Королев, Роберто Бартини, Владимир Петляков – создатели лучших образцов отечественной авиационной и ракетной техники.

«Освободила» Туполева Великая Отечественная война. А точнее – острая потребность фронта в новых добротных боевых самолетах. Решением Сталина талантливый авиаконструктор был вызволен из заключения и вскоре создал для фронта свой новый самолет – двухмоторный бомбардировщик «Ту-2», ставший любимцем советских военных летчиков.

Люди гражданские лучше знают Туполева как создателя серии пассажирских самолетов марки «Ту», начиная с первого в мире реактивного пассажирского авиалайнера «Ту-104».

Ну а людям военным Андрей Николаевич известен как генерал-полковник, запустивший в серийное производство после войны несколько поколений советских средних и тяжелых бомбардировщиков, в том числе и стратегических ракетноносцев.

Достаточно вспомнить хотя бы старину-трудягу «Ту-16», который окрестили на Западе «Бэдджером», или «Барсуком». Или стремительный красавец «Ту-22М», нареченный натовцами «Бэкфайр» – «Обратный огонь». Или «Беар» – «Медведь» – долгожитель «Ту-95», служащий отечественным ВКС уже более полувека. Или, наконец, созданный после смерти Туполева сверхзвуковой супербомбер «Ту-160», который на американском жаргоне именуют «Блекджек» – «Черный валет».

Все эти прекрасные боевые машины – знаменитое прошлое и настоящее отечественной военной авиации – есть не что иное, как плод труда замечательного русского авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева.

Накануне приезда в Лондон Туполев запустил свой последний на то время сверхсекретный проект – стратегический бомбардировщик-атомолет. За свою недолгую жизнь этот атомолет совершит всего сорок взлетов и посадок, но из его экипажей выживут лишь единицы.

Андрей Николаевич, естественно, был не в восторге от этого проекта. Но Старая площадь настояла на необходимости создания советского аналога американскому атомолету «NB-36».

КБ Туполева в кратчайшие сроки решило поставленную перед ним задачу. В фюзеляж «Ту-95» был поставлен ядерный реактор с прямоточным двигателем. Советский ответ Дяде Сэму был дан. Только радости он никому не принес. Ни на американском «NB-36», ни на советском атомолете экипажи не имели достаточной защиты от проникающей радиации.

В начале 60-х годов прошлого века на авиавыставки в Великобританию ни атомолетов, ни иных военных разработок СССР не привозил, демонстрируя тем самым приоритетность для Советского Союза гражданской авиации и мирного строительства. Боевую авиатехнику в Фарнборо советский авиапром не показывал до 1984 года. С 1988 года на авиасалоны в Англию начали прибывать первые военные машины, поначалу «МиГи» и «Сушки». Продажи советского оружия стали приносить многомиллиардные доходы, а салон в Фарнборо помогал зарабатывать деньги.

Тогда же советское руководство предпочитало демонстрировать свои аэрокосмические достижения на выставках во французском Ле Бурже. Отношения Москвы и Парижа всегда были более близкими и партнерскими, чем с Лондоном.

В Ле Бурже, например, в том году Советский Союз представлял сразу несколько новых гражданских самолетов и вертолетов. Гвоздем программы стал огромный межконтинентальный лайнер «Ту-114», тоже новое детище Туполева.

Тогда еще мало кто знал, что это был всего лишь переделанный вариант первого советского стратегического бомбардировщика «Ту-95», в кратчайшие сроки созданного Туполевым по заданию

Хрущева для возможной доставки атомной бомбы через океан. Бомбардировщик мог летать на расстояние до 12 тысяч километров без дозаправки в воздухе и имел прекрасный по тем временам потолок полета – до 18 тысяч метров. Его же мирный аналог производил впечатление скорее своими габаритами, чем потребительскими качествами. Зато «Ту-114» мог без посадки доставить Никиту Хрущева из Москвы в Вашингтон и обратно.

Справедливости ради надо сказать, что из тех, кто непосредственно занимался военной авиацией в СССР, далеко не все признавали заслуги Туполева. Кое-кто считал, что и по его вине тоже были остановлены некоторые весьма перспективные проекты талантливых авиаконструкторов, соперничавших с туполевской фирмой. В первую очередь в виду имели, конечно же, такого суперконструктора, как Владимир Михайлович Мясищев.

Это он всего за два года создал первый советский сверхзвуковой стратегический бомбардировщик «ЗМ». Не секрет, что его новую, революционную во многом машину «М-50», ставшую на крыло уже в 1959 году, зарубил Туполев.

Он сумел убедить Хрущева, что дорогостоящее производство еще одного типа стратегического бомбардировщика (помимо туполевского «Медведя») страна пока не потянет. Хрущев, и без того не жаловавший авиацию вниманием, охотно согласился с мнением своего любимца. Первый в СССР реактивный стратегический бомбардировщик с полностью автоматизированной системой управления «М-50», самолет, во многом опередивший время, был отправлен в музей.

Заслуг Андрея Николаевича перед советским авиастроением этот факт, однако, не умаляет.

Туполева в Фарнборо было поручено сопровождать Евгению Иванову, хотя к знаменитому авиаконструктору и без него было приставлено двое дородных молодцев, приехавших с ним из Москвы.

В день открытия авиасалона Иванов рано утром заехал к Туполеву в гостиницу. Советская делегация остановилась неподалеку от посольства на Лейнстер Гарденс Террас в «Кингс Корт отеле».

«Деда», как за глаза величали Туполева его коллеги по работе, Евгений Михайлович застал в ресторане за завтраком. Традиционная английская трапеза – овсянка, яичница с беконом, гренки, стакан апельсинового сока и чашка черного кофе.

– И что все так ругают английскую кухню? – спросил Иванова Туполев, предложив ему чашечку кофе. – Вполне сносный завтрак. Вкусный и сытный.

Накануне днем Евгений Михайлович встретил советскую делегацию во главе с Туполевым в аэропорту. Затем была встреча в нашем посольстве. Прогулка по Гайд-парку. Лондон очень понравился Андрею Николаевичу.

– Вы не забыли? Сегодня вечером после визита в Фарнборо вы обещали мне экскурсию по Лондону.

Иванов заверил высокого гостя, что знакомство с полюбившимся ему городом обязательно будет продолжено. Ну а пока гостей из Москвы ждал авиасалон на аэродроме Фарнборо, летно-испытательном центре британских королевских военно-воздушных сил, находившемся в 50 километрах от Лондона.

Это местечко на севере от городка Алдершот, что в графстве Хэмпшир, знаменито тем, что его усадьбу Фарнборо Хилл в середине XIX века занимал Наполеон III, племянник Наполеона Бонапарта.

Как известно, после мятежного восстания в Булони Наполеон III со всей своей семьей бежал из Франции и скрывался с 1846 по 1848 год в Англии. Когда революционные страсти на родине улеглись, он триумфально вернулся в Париж и был провозглашен императором Франции.

Однако мало кто знает, что и Наполеон III, и его супруга императрица Евгения, и даже их сын покоятся ныне не у себя на родине во Франции, а в часовне римско-католического монастыря, построенного Евгенией в Фарнборо. Быть похороненным в земле Хэмпшира – такова была последняя воля французского монарха, сохранившего до конца своих дней любовь к гостеприимным местам своего вынужденного английского изгнания.

Впрочем, конечно, посещение наполеоновского мавзолея никак не входило в планы пребывания Туполева в Англии.

Проверив, не забыли ли гости пригласительные билеты Британского общества авиаконструкторов, Иванов рассадил соотечественников по машинам. Делегация отправилась в дорогу.

Примерно через час пути небольшой кортеж подъехал прямо к выставочному павильону Фарнборо. Расположенный на склоне небольшого холма, он примыкал прямо к взлетной дорожке военного

аэродрома. Внутри павильона находились лишь модели самолетов и сравнительно небольшие агрегаты, в том числе и двигатели. Сами самолеты стояли на бетонной дорожке аэродрома. К ним был свободный доступ.

Андрей Николаевич особенно тщательно изучал представленные на открывшемся авиасалоне новые английские реактивные транспортно-пассажирские лайнеры «ДХ-125», «Бристоль Британия» и «Виккерс-110» авиастроительных фирм «Де Хэвилленд» и «Виккерс». Новинки своих британских конкурентов в мирном авиастроении Туполев оценил по достоинству. Они ему понравились. «Дед» отдал справедливость их техническим характеристикам и созданному для пассажиров комфорту в салонах авиалайнеров.

На некотором отдалении от мирных образцов авиации красовалась экспериментальная модель самолета, созданного для британских королевских ВВС. Это был истребитель вертикального взлета и посадки «Шорт», вызывавший особый интерес у специалистов. Западная пресса называла его «гвоздем» авиационного шоу в Фарнборо.

Туполев задержался у этого самолета-революционера. Внимательно осмотрел его. Поднялся и заглянул в кабину. Бесхвостый, с треугольным крылом и неубирающимся шасси, «Шорт» сочетал в себе современные скорости авиации со способностью, как у вертолета, висеть в воздухе.

Помимо обычных органов управления, действующих в горизонтальном полете, у этого самолета имелись еще и газовые рули – небольшие газовые сопла, расположенные по концам крыла, а также в носовой и хвостовой части фюзеляжа. С их помощью летчик управлял самолетом при вертикальном подъеме и висении.

«Шорт» был предшественником знаменитого «Харриера», который появился в королевских военно-воздушных силах Великобритании через несколько лет, чтобы остаться в боевом строю вплоть до XXI века.

Представленные на взлетной полосе аэродрома другие образцы военной авиационной техники – американские истребители марки «Фантом», английские «Буканиры» и французские «Миражи» – «Дед» осматривал без особого интереса. Традиционная истребительная авиация его мало интересовала.

Туполев, безусловно, знал, что в этой области авиастроения к 1961 году Советский Союз вышел в мировые лидеры и практически ни в чем не уступал западному авиастроению, превосходя его по ряду важнейших показателей.

Так, например, запущенный в СССР в конце 50-х годов в серию конструкторским бюро Артема Ивановича Микояна истребитель «МиГ-21» установил к тому времени уже все возможные мировые рекорды скорости и высоты (а всего эти рекорды были биты им 17 раз).

Установленный на этом самолете реактивный двигатель, созданный опытно-конструкторским бюро генерального конструктора С.К. Туманского, по габаритам, массе и удельной тяге не имел себе равных в мире.

Этот самолет-долгожитель выпускался в Советском Союзе в течение 28 лет и имел 20 модификаций. Рекорд скорости, установленный летчиком-испытателем миговской школы Героем Советского Союза Георгием Мосоловым, вырос тогда до 2400 километров в час. А потолок высоты для самолетов-истребителей, освоенный тем же воздушным асом и его двадцать первым «МиГом», – 34 716 метров – не побит и в XXI веке.

Но так было не всегда. Долгие годы наша наука и техника плелись в хвосте в деле разработки и производства реактивной авиации.

Отцом турбореактивной авиации, как известно, считается английский изобретатель Фрэнк Уиттл. В 1928 году он разработал первый проект реактивного двигателя, оснащенного газовой турбиной. Наши историки, впрочем, готовы оспорить это первенство. Они считают, что первая схема турбореактивного двигателя была разработана еще в 1909 году русским инженером Герасимовым. Может быть, и так. Идеями Россия всегда была богата.

Только вот реализовать идеи Герасимова-Уиттла первым смог немецкий изобретатель Ханс-Йоахим Пабст фон Охайн. В канун Второй мировой войны его «HE-178» совершил первый успешный полет. Однако в 1942 году в серию был запущен не «Хенкель» фон Охайна, а «ME-262» («Мессершмит»), двигатель которого оказался более надежным.

Наудачу союзников по антигитлеровской коалиции за годы войны на заводах Германии было выпущено лишь 1300 таких самолетов. Они

были настоящей бедой для винтовой авиации противника. Этот реактивный «мессер» развивал скорость до 845 км/ч.

Что касается советских разработчиков реактивных двигателей, то они долгие годы двигались в неверном направлении. В 30-е годы в КБ конструктора Н.Н. Поликарпова разрабатывались прямоточные воздушно-реактивные двигатели. Первый такой двигатель был поставлен на истребитель «И-15» в 1939 году, но оказался недееспособным. Параллельно в КБ конструктора Л.С. Душкина шли работы над жидкостным реактивным двигателем. В 1940 году его поставили на истребитель «БИ», но и с этим двигателем дело не пошло.

Прорыв произошел лишь после войны в КБ А.И. Микояна. Именно в нем был создан и в 1946 году поднялся в небо первый советский реактивный истребитель «МиГ-9» с первым отечественным турбореактивным двигателем «РД-20».

Но вернемся в 1961 год. Надо отметить, что за месяц до авиасалона в Фарнборо на воздушном параде в подмосковном Тушино советские ВВС неожиданно для многих специалистов показали в деле свои новейшие разработки. Эффект был потрясающий.

Натовские аналитики полагали, что все усилия и ресурсы в СССР направлены на развитие ракетной техники, а авиация остается в загоне. Увиденное на параде в Тушино глубоко впечатлило западных военных специалистов новизной научных разработок и высоким техническим уровнем советской военной авиации.

На авиасалоне в Фарнборо у подопечного Евгения Иванова пытался взять интервью научный обозреватель лондонской «Дейли мейл» Стивенсон Пью. Андрей Николаевич Туполев от дачи интервью уклонился, сославшись на занятость.

На такое интервью по действовавшим тогда порядкам ему требовалось разрешение Президиума ЦК КПСС. Оперативно получить его в Лондоне было, мягко говоря, проблематично.

Редакторы «Дейли мейл» и других лондонских газет пытались настаивать. Поток официальных писем в советское посольство из самых разнообразных и весьма солидных инстанций, а также настойчивые телефонные звонки в гостиницу, где располагалась советская делегация, с просьбой об интервью с Туполевым не

прекращались вплоть до самого отъезда Андрея Николаевича на родину.

Тщетно. «Дед» не хотел встречаться с представителями английской прессы без письменного благословения Кремля.

Мистер Пью был порядком огорчен. У него, очевидно, накопилось немало вопросов к господину Туполеву. Всего за месяц до авиасалона в Фарнборо Стивенсон Пью посетил Советский Союз, где присутствовал на том самом тушинском параде, который буквально ошарашил всех зарубежных гостей

Пораженный увиденным, господин Пью так написал в своей корреспонденции из Москвы: «СССР показал новые реактивные самолеты, которые обещают обеспечить ему в авиации то же самое первое место, которое он занимает в области исследования космоса...

Оглушенный ревом самолетов, я чувствовал себя какой-то букашкой. Ни на одном параде в Америке, Франции или Англии я не видел такого мастерства, как в Тушине. Парад убедил Запад, что не все свои военные усилия Россия отдает ракетной технике. Отнюдь нет».

К обеденному перерыву Туполев закончил осмотр выставленной на аэродроме авиационной техники и решил заглянуть напоследок в выставочный зал салона. Вместе с ним от взлетной полосы аэродрома Фарнборо отправилась изучать содержимое выставочного павильона и вся советская делегация.

Особо пристально «Дед» вглядывался в узлы и детали самолетов, отдельно выставленные на многочисленных стендах для обозрения. Евгений Михайлович по его поручению расспрашивал экспертов о представляемых ими моделях и агрегатах и переводил услышанное «Деду».

Вдруг «Дед» замер как вкопанный у одного из стендов. Его помощники тоже остановились, словно замороженные. Иванов протиснулся к Туполеву и слышит:

– Это же она, Андрей Николаевич, она самая, черт бы ее взял совсем! – приглушенно и страстно причитал один из помощников главного конструктора.

– У нас из-за этой детали одна авария за другой. А у них – хоть бы хны, – возбужденно выговаривал другой.

– Эх, нам бы эту детальку хотя бы на денек. «Митрич» бы разобрался, где собака зарыта, – бормотал кто-то, не отрывая глаз от

желанного экспоната.

Туполев спокойно слушал все эти словопренья, а потом выпалил свите:

– Самим соображать надо! Привыкли на чужое зариться! Совсем думать разучились!

Андрей Николаевич махнул рукой на своих помощников и отправился рассматривать следующий экспонат. Иванов же подошел к стенду, вызвавшему столь бурный всплеск эмоций, чтобы посмотреть на объект вожделенного внимания советских авиаконструкторов. Под стеклом лежала лопатка турбореактивного движка. Та самая, которая должна была, видимо, надежно работать при температуре в несколько тысяч градусов и не ломаться.

Поясню для не посвященных в технические детали конструкции турбореактивного двигателя. Его компрессор при вращении рабочего колеса увлекает воздух внутрь двигателя. Ротор компрессора состоит из нескольких рядов рабочих лопаток, расположенных по окружности. За компрессором находится камера сгорания. Сжатый воздух из компрессора попадает в камеру сгорания и разделяется на два потока. Один идет в жаровую трубу, а другой смешивается с продуктами горения и уменьшает температуру газоздушного потока до величины, определяемой жаропрочностью турбинных лопаток.

«Капиталистические» лопатки, судя по всему, были образцом послушания и роль свою выполняли отменно. Наши же, отечественные, очевидно, доставляли своим конструкторам одну лишь головную боль, упорно отказываясь работать в заданном режиме. Никчемная, казалось бы, деталька не давала взлететь большой и мощной машине...

Так вот, Евгений Михайлович решил помочь своей Родине и в этом.

Ненадолго оставив без внимания свою группу, он вернулся к стенду с лопатками и стал ждать, пока вокруг не останется ни души. Так получилось, что Иванов действительно оказался один, быстро и цепко он прошелся взглядом по всему залу. Справа, слева, сзади, кажется, не было никого. Евгений Михайлович вытащил из пиджака свой карманный армейский нож, быстро и ловко просунул его лезвие в щель между стеклом и основанием стенда. Затем, осторожно нажимая, приподнял крышку, чтобы можно было просунуть внутрь стенда

ладонь. Когда ему это удалось, он моментально вытащил турбинную лопатку, сунул ее за пазуху и зашагал прочь.

В соседнем зале Иванов нагнал команду Туполева. После расстроившего их всех визуального знакомства с лопаткой турбодвижка они вяло бродили по экспозиции. Подойдя к главному конструктору, Иванов молча отвернул полу пиджака и показал Туполеву содержимое своего вместительного внутреннего кармана.

– Не этой ли детальки, – выговорил он, – вам так сильно не хватало, Андрей Николаевич?

Туполев, увидев у своего сопровождающего за пазухой пресловутую лопатку, обомлел. Через мгновение, однако, он пришел в себя, оторвал взгляд от ворованного экспоната и воскликнул, замахав руками:

– Господи! Да как же это вы?!

Один из его помощников, вытянув шею, тоже заглянул Иванову за ворот и, глухо охнув, тут же ухватил Евгения Михайловича за руку и потащил что есть силы из зала, приговаривая:

– Пошли отсюда!.. Скорей!.. Пока всем нам здесь хозяева шею не намылили.

– А как же демонстрационные полеты? – пытался возразить членам советской делегации Иванов.

Но его никто не слушал.

Делегацию вынесло из Фарнборо в считанные секунды. Мгновение спустя «Дед» уже ехал в «Хамбер Супер Снайпе» по автострате, ведущей в Лондон.

– Женя, – торжественно обратился к Иванову немного остывший от потрясения Туполев, – это дело надо обмыть. Останови нас где-нибудь, ну, ты сам знаешь, чтобы выпить и закусить.

Убедившись, что за машиной не было «хвоста», Иванов свернул с шоссе налево. Подельники вышли у одного из тихих ресторанчиков немного в стороне от магистрали.

– Дай я тебя хоть расцелую теперь, Женечка, – выговорил растроганный Туполев и облобызал Иванова в обе щеки. – Ты даже не знаешь, дорогой мой, как ты моих охламонов выручил. Они с этими лопатками уже пятый месяц бьются как рыба об лед. А толку никакого.

– Теперь толк будет, Андрей Николаевич, – заверил его помощник. – Скопируем эту лопаточку в лучшем виде и пустим в дело. Нужный

результат я вам гарантирую, чтоб мне на этом месте провалиться, если этого не будет!

– Ты не проваливайся, а закажи нам лучше чего-нибудь выпить, чертова ты перечница, – цыкнул на него «Дед».

Помощник начал было кое-как объяснять бармену, чего от него хотят заглянувшие в ресторан иностранные посетители, но и в этом деле не преуспел. Молодой бармен за стойкой, несмотря на титанические усилия с его стороны, никак не мог понять недоступную ему речь московского инженера, явно не сумевшего в свое время освоить даже азы английского языка.

– Женечка, – попросил тогда своего сопровождающего Андрей Николаевич Туполев, – помоги ты этому неучу объясниться с официантом, не то он нас здесь до ночи продержит, упражняясь в английском.

Евгению Михайловичу пришлось вмешаться в застопорившиеся переговоры. Его соотечественник, пытавшийся найти общий язык с барменом, был в полном отчаянии от своей беспомощности.

– Я ему говорю, чтобы он нам по сто пятьдесят граммов «Смирновки» налил, а он не понимает, – с нескрываемым разочарованием в собственных лингвистических способностях оправдывался помощник Туполева. – Скажи ты этому англичанину, что нам нужно четыре раза по сто пятьдесят грамм водки.

– В Англии так спиртное не разливают, – попытался Иванов растолковать местные правила своему соотечественнику. – Здесь наливают или «сингл», или «дабл». «Сингл» – это одна унция, «дабл» – две. Две унции – это около полста грамм.

– Все ясно, Женя, – заверил его московский командированный и, показывая бармену на пустой стакан, четко скомандовал: «Дабл, дабл, дабл».

Англичанин на этот раз понял непривычный для него заказ и налил каждому из посетителей по тройной двойной порции водки «Смирнофф», которую гости тут же залпом осушили прямо у него на глазах. Бармен был поражен в самое сердце.

– А теперь геретер! – Андрей Николаевич Туполев вдруг заговорил по-французски. – За тебя, Женечка! Будь здоров!

Англичанин снова наполнил бокалы водкой. Он молча смотрел, как русские выпили и второй тройной, и взгляд его еще долго оставался

странно задумчивым.

В Лондон вся компания вернулась в прекрасном расположении духа. Туполев, вконец разгулявшийся после выпитого, обещал представить Иванова к правительственной награде.

– Женечка, дорогой, – уверял Иванова захмелевший «Дед», – твой главный шеф узнает об этом подвиге лично от меня, как только я приеду в Москву. Ивана Александровича я давно знаю, еще с войны. Он мне ни в чем не откажет. Орден получишь.

Никаких орденов Иванов, конечно, не получил. Ну да не беда. Зато авиаконструкторскому делу его воровской эксперимент действительно помог. Как Евгений Михайлович узнал уже в Москве, добытая им лопатка попала в знаменитое ОКБ Николая Дмитриевича Кузнецова, или попросту «Митрича», главного в нашей стране специалиста по авиационным и ракетным движкам. Ребята утверждали, что посылка из Фарнборо помогла значительно быстрее доработать новый авиационный двигатель.

Химики Кузнецовского ОКБ сделали компонентный анализ сплава, из которого была изготовлена добытая в Фарнборо лопатка. В ту пору турбореактивные двигатели были еще на заре своего становления. Тогда авиаконструкторы по обе стороны железного занавеса – и в СССР, и в Великобритании, и в США – в поте лица трудились над усовершенствованием формы и компонентного состава лопаток, особенно для двигателей стратегических бомбардировщиков.

Задача перед разработчиками была достаточно сложной: увеличить жаростойкость, снизить вес и обеспечить стабильность размеров лопатки при различных режимах работы двигателя. Ключом к успеху здесь считали получение оптимального рецепта сплава. Ученые и специалисты пробовали самые разнообразные комбинации возможных составляющих материалов, придумывали наиболее хитроумные технологии литья. Результаты давались с трудом.

Лопатка из Фарнборо, как потом рассказали Иванову, содержала в себе компонентные материалы, до того времени еще не опробованные советскими конструкторами. Вроде бы это были соединения хрома с углеродом в сложном многокомпонентном сплаве. Они значительно повышали жаростойкость и гарантировали сохранение стабильных габаритов лопаток турбореактивного двигателя при любых режимах работы.

Сама лопатка, то есть ее состав, конечно, не раскрывала и не могла раскрыть секретов технологии получения сплава, но и знание одного лишь его компонентного состава в те годы было для наших разработчиков бесценной подсказкой.

По поводу своих «воровских замашек» сам Евгений Михайлович предпочитал не распространяться, зато любил вспоминать легендарного русского военного разведчика XIX века – Николая Павловича Игнатъева.

– Вот это был действительно клептоман от разведки! Не то что мы, грешные.

Будучи эмиссаром русского царя в Лондоне, полковник Игнатъев в 1856 году самым нахальным образом среди бела дня ограбил Британский музей. Там тогда выставлялся строго засекреченный новейший образец патрона. Русский разведчик подошел к стенду и, забрав патрон, пулей вылетел из музея, прыгнул в пролетку, примчался в посольство и скрылся в нем.

– Каков был чудо-молодец! – не переставал восхищаться Игнатъевым Иванов.

Это восхищение в компании друзей он обычно заключал философским выводом собственного разлива:

– Нет, тут спорь не спорь, а разведка была, есть и будет не что иное, как клептомания на секреты.

Чтобы подкрепить это заключение еще одним историческим примером, напомним об «английском грехе» выдающегося советского конструктора реактивных авиационных двигателей Владимира Яковлевича Климова, создателя знаменитых реактивных двигателей «ВК-1Ф» для истребителей «МиГ-15» и «МиГ-17».

В декабре 1946 года в рамках советско-британского контракта на продажу СССР двадцати реактивных двигателей типа «Метеор IV» и «Вампир III» шести советским специалистам было разрешено посещение заводов фирмы «Роллс-Ройс», выпускавших эту продукцию.

В то время 54-летний В.Я. Климов возглавлял ОКБ знаменитого Ленинградского завода № 117. Его двигатели прослужили всю войну на машинах Петлякова, Яковлева, Лавочкина. Он был героем соцтруда еще с довоенной поры, носил погоны генерал-майора. Его включили в эту шестерку.

Генерал Климов знал, что наше реактивное авиастроение после тяжелейшей войны лишь только встает на ноги, а британцы уже не один год штампуют новые реактивные движки. Он внимательно вглядывался в оборудование завода, используемые производственные технологии, задавал вопросы, делал заметки в тетради. А когда сопровождающие нашу делегацию британцы на мгновение отвернулись от него, товарищ генерал-майор быстрым ловким движением поднял с пола металлическую стружку и сунул ее в карман. Потом состав сплава не без пользы для дела изучали литейщики и инженеры его ОКБ.

Нет, kleптoманией от разведки страдал далеко не один Евгений Михайлович Иванов...

На следующий день после поездки в Фарнборо Иванова вызвал к себе резидент.

– Ну ты даешь, Женя! – заявил он ему. – Свистнул экспонат как ни в чем не бывало. А если бы попался?

– Виноват, товарищ генерал. Черт попутал. Уж больно этим академикам лопатка для турбодвижка понадобилась. Думал, что надо помочь, – покаялся Иванов в содеянном.

– Эх, Евгений, если бы не карьера разведчика, ты наверняка бы жуликом стал, да еще и мирового класса.

– Да что я, для себя старался, что ли? – возмутился было Иванов. – Державе же хотелось послужить.

– Ну ладно, ладно. Я же шучу, Михалыч, – успокоил его резидент. – Да и мелочи все это. Вот наши ребята из ФРГ целый двигатель от нового немецкого танка вывезли. Поставили этот движок на купленную посольством яхту и приплыли на ней домой. Вот это, я понимаю, была операция!

Евгений Иванов у истребителя британских ВВС «Хантер»

– Ну что ж, можно и двигатель увезти, – с готовностью на новые подвиги заявил Иванов. – Только прикажите.

В 1992 году история 30-летней давности о краже лопатки турбореактивного двигателя из экспозиции в Фарнборо была рассказана мною в книге «Голый шпион», опубликованной тогда в Лондоне. Досужие журналисты принялись проверять достоверность изложенных в ней фактов. Газета «Санди таймс» связалась с Британской аэрокосмической компанией «BAE Systems», отвечавшей за проведение салона. Ее центральный офис находился как раз в Фарнборо.

Через некоторое время от руководства компании был получен ответ. Я узнал о нем от друзей-журналистов. В ответе говорилось, что факт пропажи лопатки турбовинтового двигателя, экспоната авиасалона в Фарнборо, в 1961 году действительно имел место. Проведенное полицейское расследование не смогло выйти на след вора и установить личность человека, совершившего это преступление. Обнаружить пропажу и вернуть экспонат фирме-изготовителю не удалось. Факт

кражи экспоната советским военным разведчиком компания
комментировать не решилась.

Глава 13

Марг-оф-Арг

В один из приездов в Лондон осенью 2000 года в моем гостиничном номере раздался телефонный звонок.

– Господин Соколов? – вежливо спросил голос в трубке. – Вас беспокоят из компании «Ди-Ти-Зет Резиденшиал». Мы готовы показать интересующий вас объект. Надо решить, когда удобнее это сделать. Завтра утром вас устроит?

Мы договорились на десять часов утра следующего дня.

Любой историк, пишущий о событиях давно минувших дней, стремится не только встретиться с героями своего расследования, но и побывать на местах событий. Ваш покорный слуга в этом плане не исключение. Поэтому, приезжая в Англию, я пытался посетить места, где жили герои дела Профьюмо.

На этот раз компания по продаже недвижимости «Ди-Ти-Зет Резиденшиал», точнее руководство ее отделения на Мэйфере, обещало мне визит по одному знаменитому лондонскому адресу. Возможно, самому скандальному из всех известных. Миллиардер Поль Гетти в свое время обозначил этот адрес так: «Лондон, номер 1».

Первый номер в Лондоне – это адрес герцогини Аргильской. Почтовый ее адрес, впрочем, пишется иначе: 48 Upper Grosvenor Street. Здесь самая обворожительная и самая развратная аристократка XX века прожила тридцать лет и три года – с 1945 по 1978 год.

Так уж получилось, что советская военная разведка на стыке 50-х и 60-х годов прошлого века неожиданно стала совладелицей ее тайны.

«Лондонский дом номер один»

Тайна эта была неразрывно связана с «лондонским домом номер один», где произошли события, поставившие под угрозу авторитет и доброе имя многих видных британских деятелей, в том числе министра обороны страны Дункана Сандса. Выдвиженца могущественного аристократического клана герцогов Мальборо, к

которому, как известно, принадлежал сам distinguished сэр Уинстон Черчилль, тесть указанного министра.

В сентябре 2000 года этот дом выставили на продажу. Представившись «новым русским» сотрудникам агентства по продаже недвижимости, можно было без особого труда попасть в него, а значит, познакомиться с домом, в котором происходили, возможно, самые удивительные события в жизни многих весьма именитых англичан.

Среди посетителей «лондонского дома номер один» и любовников герцогини Аргильской было немало известных людей. Сюда не раз заходил «дядя Дикки» – лорд Маунтбаттен, его протеже – принц Филипп, супруг королевы Елизаветы II, и любимый кузен Дэвид – маркиз Милфорд-Хеван. Сюда охотно заглядывали британский премьер-министр Энтони Иден, мультимиллиардеры Аристотель Онассис и Пол Гетти.

Хозяйка всегда была рада принимать здесь представителей артистической богемы, а также многих знаменитых жрецов любви, повес и жиголо послевоенных лет. В сексуальных удовольствиях герцогиня никак не могла себе отказать.

Ровно в десять утра я подъехал к дому номер 48 на Аппа Гроувенор стрит. Миловидная дама из агентства «Ди-Ти-Зет Резиденшиал» уже поджидала меня у входа.

– Обратите внимание на фасад здания, – начала она с места в карьер, позабыв вопреки хваленому британскому воспитанию даже поприветствовать клиента, – перед вами типичный пример архитектуры эпохи английского короля Георга I.

Герцог и герцогиня Аргилльские

Это вступление показалось мне невежливым, и я рискнул пойти на дерзость. Не проронив ни слова приветствия, я тут же издевательским тоном спросил:

– Вы считаете Георга I английским королем, мадам?

– Меня зовут мисс Бейтс, – получил я ответ от своего недовольного гида.

Мисс, будучи патриоткой своей страны, не на шутку оскорбилась, хотя и постаралась ничем не выдать своего раздражения.

– А вы что же, полагаете иначе, мистер Соколофф? – спросила она, на французский манер с двумя «эф» на конце выговаривая мою фамилию и делая акцент на первом слоге. Звучало занятно.

– Полагаю, – с показной серьезностью заметил я и пояснил. – Король, который всю свою жизнь отсутствует в стране, вряд ли может быть назван ее монархом. На худой случай – «королем в изгнании». Хотя Георга никто из страны в Германию не изгонял. Он сам, кажется, предпочел Лондону Ганновер, построенный его отцом Эрнстом.

– Ну что ж, сэр, если вам столь мила наша история, то вам будет небезынтересно узнать, что этот дом был построен в 1725 году

архитектором графом Стеар. Во владение отца герцогини Аргилльской, шотландского текстильного магната Джорджа Хея Вигэма, он перешел два столетия спустя.

Мы вошли в дом. Высокие потолки, огромные окна и мраморный пол поражали воображение.

– Дизайном интерьера дома занималась супруга английского писателя Сомерсета Моэма Сайри, – заметила мисс Бейтс. – Вы, надеюсь, не будете оспаривать его принадлежность к английской литературе?

– Как можно?! – театрально возмутился я. – В этом году ведь отмечается 35-летие его смерти. Замечательный был прозаик. Правда, мне доводилось слышать, что он шпионил против России во время Первой мировой войны. А ведь мы, кажется, были тогда союзниками. А это уже несколько иная профессия, не правда ли?

После этого замечания мисс Бейтс, видимо, окончательно убедилась в том, что имеет дело с воинствующим англофобом, и перешла на сугубо официальный тон.

– Этот дом оценен в три миллиона фунтов стерлингов, – строго выговорила она. – Если вы собираетесь его приобрести, советую поспешить. Желающих много. Через пять минут придет еще один покупатель. Поторопитесь с осмотром.

Я прошел в просторную гостиную первого этажа. Из окон открывался прекрасный вид на расположенное через дорогу здание посольства США. Неплохое местечко для наблюдения за «янки», – подумалось мне. – Почему бы нашей Службе внешней разведки через подставных лиц, конечно, не приобрести этот кусочек лондонской недвижимости? Было бы неплохо. Впрочем, бюджет СВР вряд ли потянет такое приобретение в нынешние времена...

Досужие рассуждения про себя на тему шпионажа прервал голос мисс Бейтс.

– Не желаете подняться наверх?

Массивная винтовая лестница из холла вела на верхние этажи «лондонского дома номер один». Здесь располагалась огромная по площади столовая с тем же, что и внизу, мраморным полом. В углу находился камин, украшенный деревянной резьбой (куда смотрит противопожарная служба британской столицы – было непонятно).

Французские окна столовой выходили в сад, расположенный на заднем дворе дома.

Этажом выше разместилась шикарная спальня с многочисленными встроенными в стены шкафами и поражающая своими размерами ванная комната, вся в зеркалах и голубом кафеле, обрамлявшем небольшой бассейн и ванну. В ванной комнате я задержался подольше. Именно в ней происходили скандальные события, о которых пойдет речь ниже.

– В доме есть еще три спальни, кухня, комнаты для прислуги и кладовая, – заметила напоследок мисс Бейтс, провожая меня к выходу и завершая тем самым осмотр дома.

На крыльце нас встретил очередной потенциальный покупатель недвижимости. Чтобы как-то сгладить имевший место конфликт и посодействовать выгодной продаже дома, я во всеуслышание заявил мисс Бейтс:

– Дом мне понравился. Я готов его купить за три миллиона двести тысяч фунтов стерлингов.

Произнося эти слова со значением и достоинством, я, естественно, предназначал их для сурового джентльмена, ожидавшего моего ухода, чтобы осмотреть дом. Отвернувшись от него и протянув на прощание мисс Бейтс руку, я сказал ей на ушко:

– Только контракта я не подпишу. Надеюсь, следующий ваш клиент не покупится при покупке дома.

Дотоле враждебное мне выражение лица у мисс Бейтс немедленно исчезло. Она оценила блеф «нового русского» и подарила мне скромную британскую улыбку. Мы обменялись рукопожатиями, довольные друг другом, состоявшейся встречей и незаключенной сделкой.

Возвращаясь в гостиницу, я шел мимо Гайд-парка и пытался представить себе, как могла протекать жизнь в только что увиденном мною доме одной из самых красивых женщин мира.

В тридцатые годы замечательный американский композитор Коул Портер именно ей посвятил свою знаменитую песню «You are the Top» – «Ты вершина всего».

Знал бы он, вершиной чего станет его муза, вряд ли стал расточать ей комплименты.

Как и любая женщина, герцогиня Аргилльская старалась хранить свою интимную жизнь в секрете. И возможно, ей бы это удалось. Камнем преткновения здесь стало изобретение, сделанное одним из американских отпрысков эмигрантов из России. Этим изобретением была знаменитая фотокамера «Поляроид».

Сообщу тем, кто не знал или забыл, что моментальная фотография появилась на свет с подачи американца Эдвина Лэнда (это его предки жили в России). Он первым стал производить пластический материал, поляризующий свет. Отсюда и название будущей фотокамеры – «Поляроид».

Истины ради следует заметить, что сами поляризующие свет кристаллы были открыты еще в XIX веке английским физиком Уильямом Герапатом, но они были слишком малы, чтобы их использовать. Лэнд решил эту задачу и в 1933 году основал свою компанию. Поначалу она выпускала лишь насадки на объективы да очки с поляризованными стеклами.

Вторая мировая война перевернула жизнь «Поляроид Корпорэйшн». Именно тогда она попала в поле зрения американских военных, а затем и советской разведки. Лэнд наладил выпуск ночных прицелов, перископов и уникальной для тех лет системы инфракрасного наведения снарядов. Позднее Лэнд создаст для ЦРУ и Пентагона чудокамеру, которая будет установлена на самолеты-разведчики У-2.

Но главное событие в жизни изобретателя произошло 26 ноября 1948 года в Бостоне, в центральном универмаге «Джордан Марч». В этот день в продажу поступили первые выпущенные им камеры моментальной фотосъемки «Поляроид Лэнд 95». Стоили они немалую по тем временам сумму – \$89,75. В перерасчете на нынешние деньги это было бы около 1000 американских долларов. Тем не менее, несмотря на высокую цену, покупатели в один день буквально смели с прилавков всю первую партию фотокамер.

Вскоре новая камера перекочевала за океан в Великобританию. Для своих нужд ее заказало и военное ведомство страны. Министр обороны, вышеупомянутый Дункан Сандс, одним из первых опробовал ее возможности для собственных нужд.

Правда, нужд совсем не военного, а скорее весьма интимного свойства.

На снимок, сделанный именно камерой «Поляроид Лэнд», попала картинка откровенного порнографического свойства. В центре находилась женщина, стоявшая на коленях. Из одежды на ней были лишь три нитки бусинок, похожих на жемчуг. Дама стояла на коленях перед обнаженным мужчиной и выполняла фелляцию, или минет. Это была герцогиня Аргилльская. Ее партнер был снят так, что голова его не вошла в кадр.

Занятие это, замечу между прочим, с древних времен осуждается многими религиями мира, католицизмом и буддизмом например. Ислам и иудаизм, напротив, не запрещают орального секса. В отдельных странах мира он поставлен вне закона. В Сингапуре, в частности, он карается 10 годами тюрьмы (!).

В Великобритании таких драконовских запретов на оральный секс, естественно, не существовало и не существует. Однако прелюбодеяние, то есть супружеская измена, если и не каралась тюремным заключением по британским законам, то, во всяком случае, никак не поощрялась. И этот снимок легко мог испортить жизнь изображенным на нем любовникам.

Снимок этот сделал в «лондонском доме номер один» известный киноактер Дуглас Фербэнкс – младший. За сексуальными развлечениями он сфотографировал хозяйку дома и министра обороны Дункана Сандса. Оба мужчины были ее страстными поклонниками. А она с удовольствием ублажала обоих. Вот такой, с позволения сказать, *ménage a trois*, как говорят французы, или, попросту выражаясь, секс втроем.

В тот вечер любовники нацелкали всю (не слишком объемную для первой модели) кассету фотографий – шесть снимков. Один из них он обменял на фото в стиле «ню» герцогини Мальборо у своего друга доктора Стивена Уарда, добровольного помощника Евгения Иванова.

Через них снимок с министром обороны и герцогиней попал уже в совсем другую коллекцию – набор перспективного компромата, предназначенного для нужд советской военной разведки.

Только как его использовать? Министр без головы – это не министр. Таким снимком Дункана Сандса не подцепить.

Но и упускать такой возможности было нельзя. Ведь Сандс – один из наиболее влиятельных и информированных в военной области британских политиков.

Ему прочили блестящую карьеру. Он уже отработал в правительственном кабинете сначала Энтони Идена, а затем и Гарольда Макмиллана министром по делам Содружества наций и министром авиации, отслужил больше года министром обороны. Словом, «любитель минета» благодаря революционному открытию инженера Лэнда попал «под колпак» советской разведки.

Министр обороны Великобритании Дункан Сандс

Дункан Сандс родился в Англии в 1908 году в семье отставного военного, избранного в парламент в начале века. Он получил блестящее университетское образование и пошел по стопам отца. Его деловой путь начался на дипломатическом поприще.

В 1930 году Форин офис направил его для работы в английское посольство в Берлине. Хорошо зарекомендовав себя в Германии,

молодой Дункан Сандс получил поддержку у влиятельных чинов в руководстве Тори, и его кооптировали в Национальный исполнительный комитет партии.

В 1935 году он был избран в Палату общин жителями Ламбета. Это место в Вестминстере Сандс сохранит до конца Второй мировой войны.

Поскольку из-за инвалидности медицинская комиссия признала его непригодным для службы в армии, Дункан Сандс в годы Второй мировой обратил свои усилия на организацию и оснащение всем необходимым вооруженных сил страны.

Сначала он работал финансовым секретарем в министерстве обороны, затем парламентским секретарем в министерстве поставок, где отвечал за производство вооружений. Сандс руководил развертыванием в стране так называемых «зенитных батарей Зет», призванных защитить Британию от налетов германских ракет «Фау-1» и «Фау-2». Возглавлял Институт по защите от авианалетов, позднее переименованный в Институт гражданской обороны.

Ракетное оружие на протяжении долгих лет было «коньком» Дункана Сандса. В нем он видел будущее военной мощи Великобритании. В течение ряда лет Сандс вплотную занимался вопросами разработки, производства и совершенствования ракетных вооружений. После войны главным его детищем стал проект «Блю Стрик», начатый в 1955 году.

Этот многострадальный проект ставил своей целью создание совместно с США новой суперточной и супермощной ракеты для Королевских ВВС Великобритании. Но проект этот провалился.

Британская фирма «Де Хавиланд», которая выполняла основной объем работ по проекту, уже приступила к испытаниям ракеты, когда спецы из Пентагона вдруг назвали английское детище бесперспективным, без стеснения лоббируя при этом предложение американской компании «Дуглас» по созданию ракеты «Скайболт».

Министр обороны Дункан Сандс в 1959 году был вынужден дать согласие на начало нового проекта, на этот раз совместно с «Дугласом».

Прошло еще 3 года. И американцы признали, что «Дуглас» не справился с порученным ему делом. Боеголовка «Биг Бразер»,

разработанная за океаном для ракеты «Скайболт», оказалась малоприменимой и неэкономичной в плане использования топлива.

В итоге после 8 лет напряженного труда изначальную идею похоронили, взяв в 1963 году курс на создание «Поларисов» – еще одного американского проекта, начатого компанией «Локхид-Мартин» в 1955 году. Новая ракета предназначалась не для авиации, а для военно-морского флота, имела дальность 2500 миль и несла три боеголовки.

Ракета дорабатывалась в течение несколько лет, пока в 1967 году США, наконец, не начали ее поставки Королевским ВМС Великобритании. Так американцы «наказали» своего оппонента в британском правительстве Дункана Сандса, стремившегося обеспечить Англии большую самостоятельность в военно-стратегических вопросах, а в его лице и официальный Лондон за стремление ставить свои национальные интересы выше американских.

В отличие от военного министра Джона Профьюмо, атлантиста и яркого сторонника союза с США, Дункан Сандс больше поддерживал европейскую ориентацию Великобритании. Он фактически был одним из основателей в 1947 году Европейского движения. Неоднократно избирался Председателем его Парламентского совета.

В Пентагоне его недолюбливали. Это обстоятельство, полагали в резидентуре ГРУ в Лондоне, могло сделать Сандса потенциальным союзником СССР, во всяком случае, сторонником укрепления европейской независимости от диктата США.

Сандс, по свидетельству тех, кто его хорошо знал, не был примерным семьянином, хотя с первой своей женой, Дианой Спенсер-Черчилль, он прожил 15 лет почти до самой ее смерти в 1962 году. За пару лет до этого печального события супруги развелись. От Дианы у Сандса осталось трое детей: сын и две дочери, которых очень любил их дедушка – сэр Уинстон Черчилль.

Дункан Сандс, по мнению его приятелей, был, что называется, «ходок». Женщины всегда ему нравились, да и он сам, высокий, статный, с мужественными чертами лица, пользовался успехом у представительниц прекрасного пола. Герцогиня Аргильская оказалась лишь одной из многих его любовниц.

Еще одна уместная деталь к портрету лорда Дункана Сандса: он был своим человеком в британских спецслужбах, что по роду его

профессиональной деятельности, впрочем, было совсем не удивительно. МИ-6 взяла его в оборот еще в 30-е годы. Тогда же он оказался и в фокусе внимания вездесущей советской контрразведки.

«Топтуны» из ОГПУ, как поведал мне один бывший сотрудник архивного управления КГБ, приглядывали за мистером Сандсом и его приятелем Кристофером Фуллером, когда в 1931 году друзья-товарищи прибыли в Советский Союз в качестве «туристов».

Крис Фуллер, между прочим, уже тогда носил звание подполковника британской армии. А Дункан Сандс был в этой поездке у него «на подхвате», как начинающий клерк британского Форин офиса.

Кстати замечу, что знаменитый пивной бренд «Fullers» имеет непосредственное отношение к родне подполковника и его семейной пивоварне в Чизуике. Поездка этой парочки в СССР финансировалась правительством страны, а круг ее задач определялся в британской Сикрет Интеллидженс Сервис.

Неудивительно поэтому, что ведомство Вячеслава Рудольфовича Менжинского, шефа ОГПУ в те годы, не могло оставить без внимания столь именитых гостей Страны Советов. Тем более что туристы изучали не столько достопримечательности столицы, сколько промышленные и военные объекты на Урале, в Сибири и на Кавказе.

Ваш покорный слуга поинтересовался содержанием архивных материалов ОГПУ по Сандсу и Фуллеру. Мне объяснили, что в них ничего интересного для писателя-историка нет.

– Кроме того, – господин Соколов, – с этих материалов еще не снят гриф секретности.

Словом, в доступе мне отказали.

Зато в Англии некогда секретный архив разведывательной миссии в СССР Фуллера-Сандса мне показали без лишних вопросов. Стоило лишь отправиться в городок Тробриндж, что в графстве Уилтшер, в местный Рекорд офис, то есть архивное управление. Там хранится немало записей и снимков о путешествии двух джентльменов. Путевые заметки о поездке по транссибирской магистрали, впечатления о сталинских лагерях, о строящемся металлургическом комбинате в Кузнецке... Снимки нефтяных вышек на Каспии, фотографии развалин только что снесенного в Москве Храма Христа Спасителя ...

Три альбома старых черно-белых фотографий (всего около трех сотен снимков) с видами городов центральной России, Урала и Сибири, Северного Кавказа и Закавказья. Солидный архив. Что из него оказалось полезным в те годы для МИ-6, затрудняюсь сказать.

Но вернемся к фотографии «мужчины без головы». Наша разведка была в замешательстве, получив этот снимок. Это замешательство граничило с отчаянием. Как быть? Предложить руководству идею использования этого снимка для последующего выхода на Сандса? Но эта идея хромала не на одну, а на обе ноги. Как доказать, что это именно лорд Дункан Сандс занимается сексом с герцогиней Аргилльской, что на снимке не изображен кто-то другой? Ссылки на заверения автора фотографий, Фербэнкса младшего, здесь вряд ли следовало принимать в расчет.

Спецы по компромату и вербовкам оказались в сложном положении. С одной стороны, фотография могла иметь разрушительный эффект для карьеры министра. С другой, связь Сандса с герцогиней еще надо было доказать. Как это сделать? Стоит ли делать вообще? Может быть, что-нибудь предпринять в отношении герцогини, а не ее любовника?

Что же представляла собой эта самая «Марг-оф-Арг»?

Этель Маргарита Вигем родилась в 1912 году в семье шотландского миллионера, текстильного магната, основателя «Селаниз Корпорейшн» с предприятиями в США, Канаде и Великобритании, Джорджа Хэя Вигема. Свое благосостояние и бизнес мистер Вигем получил не по наследству, а заработал собственным нелегким трудом, начав карьеру со службы в должности простого инженера и заработной платы в полтора фунта в неделю.

Первые годы своей жизни Маргарита провела с родителями в США, где получила хорошее образование. В 1930-м она переехала в Англию. Ее, красивую и богатую невесту, сватали поначалу за молодого графа Уарвика, но девушка от этого лестного предложения отказалась. И в 1933 году вышла замуж за простого американца Чарльза Суини, игрока в гольф. От него она родила двух детей – мальчика и девочку. Жизнь в семье супругов Суини складывалась удачно.

До поры.

«Марг-оф-Арг»

Году в 43-м Чарльз вдруг почувствовал странную и неожиданную перемену в поведении жены. Поменялся ее характер. Марго стала равнодушна к мужу и детям. Изменилось ее поведение. Жена стала реже бывать дома. Начались ссоры, взаимное непонимание. В конце концов супруги развелись по обоюдному согласию в 1947 году. Возможно, причиной такого поворота в жизни Маргариты стал почти фатальный для нее случай, произошедший в 1943 году в доме на Бонд-стрит.

Она собиралась домой после визита к врачу, кабинет которого был расположен на шестом этаже. Выйдя в холл, Марго остановилась у дверей, дожидаясь прихода лифта. И, не глядя, сделала шаг вперед... Кабины на этаже не оказалась, и женщина полетела вниз с высоты в 40 футов. К счастью, у самого пола она успела ухватиться рукой за стальной канат и тем самым смягчить удар от падения. И все же травмы избежать не удалось. Марго ударилась затылком о каменную стену шахты лифта. Очевидно, были повреждены нервные узлы шеи и головы, так как она на всю оставшуюся жизнь потеряла чувство обоняния и вкуса.

Но изменились не только эти два из пяти данных человеку органов чувств. В теле миссис Суини неожиданно проснулся невиданный сексуальный голод. На 31-м году жизни она заболела нимфоманией. Это, как известно, такое заболевание у женщин, которое проявляется в безудержном стремлении к половому сближению с различными партнерами. Женщина постоянно испытывает неутолимую сексуальную жажду.

Возможно, полученная при падении Марго в шахту лифта травма головы спровоцировала в ее организме серьезное психическое расстройство или гормональный сбой, которые стали причиной постоянного возбуждения. Так или иначе, миссис Суини стала женщиной с неутолимимым половым влечением. Это резко изменило ее жизнь. За разводом с первым мужем последовала серия беспорядочных связей, а затем в 1951 году – второй брак с Ианом Дугласом Кемпбеллом, герцогом Аргилльским.

Это был 11-й потомок знатного шотландского герцогского рода Аргиллов. Одиннадцатый герцог, однако, слыл беспардонным волокитой, пьяницей, картежником и скрягой. Почему Маргарита решила стать третьей женой герцога Аргилльского – не понятно. Вряд ли это сделала бы другая женщина в здравом уме, с достатком и положением в обществе. Получить титул герцогини ценой союза с таким мужчиной – вряд ли такое можно назвать разумным решением. Однако болезненное психическое состояние герцогини не могло не повлиять на ее ум и рассудок.

Герцог заметил «странности» в поведении супруги достаточно быстро. Несколько лет он терпел, отвечая жене изменой на измену.

Однако терпение, в конце концов, неизбежно лопнуло. Супруги разъехались.

Согласия в вопросах раздела имущества не было. В 1959 году начался многолетний бракоразводный процесс, в ходе которого каждая из сторон пыталась отстоять свое право на больший кусок имущественного пирога.

Когда же герцог почувствовал, что он рискует в бракоразводной схватке с Марго потерять замок своих предков в Инверарей, он решился на отчаянный шаг. В марте 1963 года суду были представлены неопровержимые доказательства безнравственного поведения герцогини Аргильской – моментальные фотографии, сделанные в ванной комнате дома на Аппа Гроувенор стрит, 48. Герцог нашел их в столе своей супруги и предъявил на всеобщее обозрение.

Судья Уитли, председательствовавший на процессе, не стал медлить с решением. Приговор огласили в мае 63-го. По этому приговору Маргарита Кемпбелл лишалась права претендовать на имущество герцога. Она была публично ославлена как беспутная женщина.

Герцог был доволен и вскоре женился в четвертый раз. Марго вернулась в свой «лондонский дом номер один». Забегая вперед, замечу, что в 1978 году она продала его и переехала в гостиницу неподалеку, где и прожила до конца своих дней.

A couple of swells: Margaret with the Duke of Argyll in 1939 and, right, as the voracious society beauty

She was a Scottish aristocrat with a string of lovers but it was the salacious snapshot of her with a mystery man that finally wrecked the marriage of the...

Duchess of Debauchery

Unusual suspects: Duncan Sandys, top; Douglas Fairbanks Jr; above, and David Hixon, below

Скандал в доме Аргиллов

Разбирательством в суде скандал вокруг моментальных снимков не закончился. Дункан Сандс, чье имя стало все чаще всплывать в материалах желтой прессы, указывавшей на министра как одного из возможных любовников герцогини Аргилльской, решил сделать ход на опережение. 20 июня 1963 года он появился на Даунинг-стрит, 10, и обратился к личному секретарю премьер-министра Гарольду Эвансу с просьбой передать председателю кабинета министров его прошение об отставке.

В тот же день перед утренним заседанием правительства Эванс сообщил Макмиллану примерно следующее:

– Сандс передал мне, что вынужден объявить о своей отставке, – голос помощника премьер-министра нервно подрагивал. – Он просил заверить вас, что не является тем человеком, который изображен на известной фотографии с герцогиней Аргильской. Мистер Сандс принял решение выйти из состава кабинета министров, дабы не компрометировать правительство страны.

Из этого заявления было ясно, что Дункан Сандс не решился сказать премьер-министру правду о своих «неподобающих связях». Но счел благоразумным своевременно подать в отставку.

Под давлением прессы Макмиллан назначил расследование. Лорд Деннинг его возглавил. Это случилось еще до знаменитого следствия по делу Профьюмо и последующего доклада Высшего третейского судьи.

В распоряжении следствия оказалось пять моментальных снимков, на обороте которых от руки было написано несколько фраз, автор которых, возможно, и был «мужчиной без головы».

Подозреваемых оказалось тоже пятеро: киноактер Дуглас Фэрбенкс – младший, дипломат барон Сигизмунд фон Браун (брат известного немецкого «ракетного гения» Вернера фон Брауна), пресс-секретарь лондонского отеля «Савой» Питер Комб, американский бизнесмен Джон Кохейн и опальный министр Дункан Сандс.

Следствию стало известно, что в его распоряжении находятся не все снимки, сделанные в доме герцогини Аргильской в тот вечер. По крайней мере одна фотография должна была находиться у доктора Стивена Уарда. Однако тот отказался предоставить этот снимок для проводившегося расследования.

Лорд Деннинг назначил графологическую экспертизу. Все пятеро подозреваемых были вызваны на допрос в Казначейство, где третейскому судье был выделен специальный кабинет для проведения расследования. При входе каждый из приглашенных должен был расписаться в журнале посетителей. Специалисты сравнили полученные почерки. Оставленная на фотографии фраза «Думая о тебе» была, по заключению экспертов, написана Дугласом Фэрбенксом – младшим. Деннинг отправил результат экспертизы в сейф. Он не хотел порочить имя известного киноактера.

В куда менее приятной экспертизе пришлось принять участие Дункану Сандсу. Его направили на медицинское обследование в

частную лондонскую клинику на Харли стрит. Врачу-специалисту предстояло сравнить характер лобковых волос на снимке у «мужчины без головы» с типом волосяного покрова внизу живота у пациента. Вывод был тот, который устраивал всех. Эксперта не пришлось долго уговаривать. Он заявил, что на снимке изображен не Дункан Сандс.

Отставной министр торжествовал. Его имя было очищено от грязи. Только вот журналисты всё не унимались.

Прошли годы. Имя «мужчины без головы» по-прежнему занимало умы репортеров. В 1987 году ушел из жизни Дункан Сандс, в 1993-м скончалась Марго, бывшая герцогиня Аргильская, в 2001-м не стало Дугласа Фэрбенкса младшего. Никто из них так и не дал прямого ответа на вопрос о «мужчине без головы».

Маргарита Кемпбелл на склоне лет дома

В августе 2001 года на 4-м канале британского телевидения в рубрике «Секретная история» была показана премьера документального фильма «Имя “мужчины без головы”, наконец, известно». Авторы картины торжественно сообщили телезрителям Великобритании, что это был министр обороны Дункан Сандс.

В качестве доказательства они сослались на заявление конфиданта Марго, некого Пола Воэна. Тот вспомнил, что однажды, отвечая на его вопрос о том, кем был ее любовник, запечатленный без головы на знаменитой скандальной фотографии, «Марг-оф-Арг» ответила ему: «Дорогуша, ну ты же знаешь, что такие фотоаппараты в то время имелись только в министерстве обороны...»

Этим, казалось, всё было сказано. Остался лишь один последний вопрос: «Куда все-таки делась шестая фотография Дункана Сандса с герцогиней Аргилльской, сделанная Фербэнксом-младшим?»

Ответ на него дал рассказ Евгения Иванова. Ведь шестой снимок достался от доктора Уарда ему. Тот самый снимок, что так озадачил нашу разведку в Лондоне, но решение об использовании которого так и не нашли.

Глава 14

Странный документ

Неожиданные отголоски дела Профьюмо продолжают давать о себе знать и в XXI веке.

26 октября 2017 года в США рассекретили 2891 документ из 3150, касающихся убийства президента Кеннеди. При этом было объявлено, что доступа к некоторой части предполагавшихся к рассекречиванию документов не будет. Поскольку президент Трамп наложил временный запрет на их публикацию.

Сам президент пояснил, что сделал это по просьбам спецслужб.

«Я приказал, чтобы завеса секретности была снята. Но некоторые ведомства попросили меня сохранить в тайне отдельные аспекты информации, поскольку она является значимой для национальной безопасности», – заявил Дональд Трамп.

На следующий день, 27 октября, я получил от своего давнего британского партнера необычное электронное письмо, озаглавленное одним словом «STRANGE» – «СТРАННО».

В письме сообщалось об одном только что рассекреченном ЦРУ США архивном документе весьма неожиданного содержания. Документ этот имел отношение к расследованию убийства президента Джона Кеннеди и делу Профьюмо.

Чем же интересен этот документ? И почему он показался странным?

Дело в том, что кто-то в Англии, оказывается, знал о предстоявшем покушении заранее и, более того, сообщил об этом прессе, только информация была засекречена.

В ответном письме я попросил своего британского друга переслать мне полную копию рассекреченного документа. Вот его дословный перевод на русский язык.

26 ноября 1963 года

Кому: Директору Федерального бюро расследования

*Тема: убийство президента Джона Кеннеди —
анонимный телефонный звонок*

1. В 9:30 утра 23 ноября 1963 года из лондонской резидентуры ЦРУ поступила шифротелеграмма, устно доложенная мистеру Сэмюелю Папичу (очевидно, одному из руководящих или дежурных офицеров ЦРУ. – Авт.).

2. Британская служба безопасности МИ-5 проинформировала ЦРУ о том, что в 18:05 (GMT) 22 ноября в Кембридже, Великобритания, имел место анонимный телефонный звонок старшему редактору газеты «Кембридж ньюс», в котором ему было настоятельно рекомендовано позвонить в посольство США в Лондоне в связи с предстоящим вскоре важнейшим событием. После этого сообщения звонивший повесил трубку.

3. После того как было получено сообщение о смерти президента Кеннеди, редактор газеты проинформировал о поступившем звонке полицию Кембриджа, а та, в свою очередь, сообщила о случившемся в МИ-5. В этом случае важно то, что, по данным британской службы безопасности, телефонный звонок поступил в редакцию газеты за 25 минут до убийства президента Кеннеди. Ранее редактор газеты подобных звонков никогда не получал. По мнению МИ-5, этот сотрудник газеты у них на хорошем счету, он вполне вменяем и лоялен и никогда не рассматривался как угроза безопасности.

4. МИ-5 отметила, что подобные анонимные звонки с поразительной точностью предсказания дальнейших событий случались в 1963 году в Великобритании неоднократно, в частности в отношении доктора Уарда.

5. Британская служба безопасности заявила о своем желании оказать любое возможное содействие американской стороне в продолжении необходимого расследования на территории Великобритании.

Странный документ – «голый», напечатанный на машинке, без каких-либо реквизитов. Но самое странное в нем это все же не форма, а содержание. Анонимный звонок то ли догадка, то ли предупреждение, то ли предвидение, то ли речь пророка. Непонятно. Но именно в этом главная интрига.

Контрразведки Англии и США не мог не озадачить вопрос: а вдруг кто-то в Великобритании знал о заговоре против Президента Кеннеди и пытался анонимным звонком о предстоящем убийстве предупредить

преступление? Не лучше было бы тогда звонить по междугородней связи в Даллас, а не в Кембридж?

Нет, предупредить о грядущем преступлении звонивший не собирался. Какую же тогда он ставил перед собой цель?

Из пункта 3 документа ясно, что анонимный телефонный звонок в редакцию газеты не был записан. И МИ-5 совместно с полицией должны были досконально проверить, был ли действительно сделан телефонный звонок такого содержания в газету в тот день и час. Отсюда и заверения службы безопасности в том, что источник в редакции пользуется доверием МИ-5, абсолютно вменяем и лоялен властям.

Если такие заверения даны, значит, уже была проведена соответствующая проверка. Не исключено также, что редактора «Кембридж ньюс» парни из МИ-5 для верности пропустили через полиграф, чтобы исключить любую вероятность лжи со стороны газетчика о принятом телефонном звонке и состоявшемся разговоре.

Если считать, что Секретная служба Ее Величества знает свое дело и по пустякам не стала бы беспокоить своих коллег из ЦРУ, то мы имеем дело с одним из тех, кто был посвящен в тайну заговора, и хотел заявить о нем.

В Лондоне этот документ наверняка прошел через руки шефа МИ-5 сэра Роджера Холлиса. Он направил его резиденту ЦРУ в Лондоне Арчибальду Рузвельту, внуку Президента США Теодора Рузвельта. В Вашингтоне он попал на стол начальника контрразведки ЦРУ Джеймса Энглтона. И тот уже направил его директору ФБР Эдгару Гуверу.

Что все они представляли из себя на тот момент? Это не случайный вопрос для понимания возникшей ситуации в спецслужбах англосаксов.

Первый персонаж, сэр Роджер Холлис, был, так сказать, «хромой уткой», шефом на грани увольнения (что вскоре и случилось). Коллеги за океаном и недруги дома обвиняли его в предательстве. Ему грозило служебное расследование, отставка и даже тюремный срок. В такой ситуации он не мог пройти мимо полученной из Кембриджа весьма странной информации и не направить ее в Лэнгли. В иных условиях он, возможно, отправил бы донесение из Кембриджа в долгий ящик. Но на тот момент он этого сделать никак не мог.

Его и так готовы были со дня на день объявить шпионом Кремля. И первым, кто это сделал, был бы как раз «бешеный пес» Джеймс Энглтон. Этот сумасшедший янки не сомневался, что Англия – это настоящий рассадник для красных шпионов. Именно здесь только за 2 года с 61-го по 63-й были раскрыты многочисленные шпионские гнезда русских.

В их числе – портлендская сеть Конона Молодого и супругов Леонтины и Морриса Коэнов (будущих Героев России). Затем с подачи Энглтона было открыто досье «Боутай» по последствиям для США скандального шпионского дела британского военного министра Джона Профьюмо, оказавшегося на крючке у советского разведчика Евгения Иванова. Его работа обрушила кабинет Гарольда Макмиллана, в лондонском Адмиралтействе был выявлен «голубой» агент красных – Уильям Вассал, личный секретарь шефа главного военно-морского ведомства страны. В сердце британской разведки были обнаружены давние «кроты», агенты Кремля – Джордж Блейк и Ким Филби. А ведь Энглтон работал с ним, был дружен, доверял ему как самому себе. Тот же шпионил на Москву 30 лет!

Агенты русских проникали повсюду! Энглтон был полон решимости найти организаторов убийства Кеннеди именно среди русской шпионской агентуры в Америке и Англии. Поэтому информация о возможном присутствии именно на Британских островах кого-то, кто был в курсе заговора против Президента Кеннеди, безусловно, могла привести бедолагу Энглтона в крайнюю степень возбуждения.

Он вел «охоту на ведьм» везде и повсюду. В этой слепой борьбе он похоронил карьеры не одного десятка ни в чем не повинных коллег по работе. Его жертвами стали руководители МИ-5 Холлис и Митчел и даже премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон.

Энглтон неслучайно направил информацию из Лондона об анонимном телефонном звонке именно шефу ФБР – Эдгару Гуверу. Он знал, что делал. Ему была необходима поддержка. Гувер же был абсолютный политический тяжеловес с максимальным влиянием.

48 лет он прослужит руководителем ведущей контрразведки западного мира. Защищая прежде всего Америку от коммунистической заразы. Именно он был главным единомышленником Энглтона в борьбе с красной угрозой.

А кроме того, Энглтон был уже в курсе того, что первой версией в деле об убийстве Кеннеди стал русский след, связанный со стрелявшим в Президента Кеннеди в Далласе Ли Харви Освальдом. Ведь тот несколько лет жил и работал в СССР, мог быть завербован Лубянкой. Затем женился, привез свою русскую жену в Америку, продолжал поддерживать связь с КГБ в Мексике, что «через дорогу» от Техаса, и был схвачен с поличным в момент покушения на Кеннеди практически на месте преступления. Все сходилось. Нужно было лишь немного подработать эту версию и раскрыть шпионскую сеть русских. А она, наверняка, тянулась в США из Великобритании. Это было слабое звено для ЦРУ в последние годы.

Что же касается Эдгара Гувера, получившего донесение Энглтона, то он прекрасно знал, что убийство президента не имело никакого отношения к шпионажу русских.

Сразу после трагедии следствие вели Секретная служба, чьи агенты охраняли Кеннеди в Далласе, и ФБР. Вице-президент Линдон Джонсон, став хозяином Белого дома, уже через неделю, 29 ноября, создал официальную Комиссию Президента по расследованию убийства, более известную по фамилии ее руководителя как «Комиссия Уоррена». А следствие полностью передал в руки ФБР. На ее выводы в основном и опиралась в своей работе Комиссия Уоррена.

Гувер же сразу сделал ставку на версию о террористе-одиночке. Благо Освальда тут же ликвидировали. Потом пошла череда других странных смертей, зачистка свидетелей, но Гувер стоял на своем: убийца – одиночка, антипрезидентского заговора не существовало. Эту версию официально озвучит Комиссия Уоррена в сентябре 1964 года. Следствие закончено – забудьте!

Есть популярная версия, что Гувер с Джонсоном сами были участниками заговора. По крайней мере, глава ФБР знал о готовящемся покушении, но не предотвратил его.

Гувер считал Кеннеди бесхребетным слабаком. Он спасовал во время Берлинского кризиса 1961 года, позволил русским возвести знаменитую Берлинскую стену. Не поддержал войсками высадку кубинских эмигрантов в заливе Свиней. Кастро разгромил их, ударив по авторитету США. Кеннеди же пошел на соглашение с Хрущевым в дни Карибского кризиса 1962 года, имея подавляющее военное превосходство над СССР. По секретному соглашению с Кремлем, в

ответ на вывоз советских ракет с Кубы убрал американские ракеты из Турции. Наконец, приказал вывести тысячи американских военных советников из Южного Вьетнама, который тогда был форпостом борьбы Запада с коммунизмом. Так что к 1963 году Кеннеди стал для Гувера, как и для других американских «ястребов», врагом нации.

Шеф ФБР видел в нем слабака и предателя Америки, поставившего себя выше беззаветно преданных родине спецслужб и вооруженных сил страны, не готового решительно противостоять красной угрозе.

Зная все о заговоре против Кеннеди, Гуверу необходимо было перевести стрелки на Москву. Чтобы снять любые подозрения с истинных заказчиков убийства президента. Ниточка к возможному русскому следу из США в Великобританию оказалась на руку многоопытному шефу ФБР.

Что же касается Энглтона, то ему нужен был союзник в лице тяжеловеса Гувера, чтобы вести свою тайную войну против русских.

Он был уверен, что участники антиамериканского заговора имели соучастников и на Британских островах. Это сближало его с Гувером. Энглтон, возможно, не исключал, что среди них нашелся кто-то, решивший заявить о себе утечкой информации о предстоящем убийстве в Техасе.

Это сейчас на Западе ни у одного из специалистов историков нет ни толики сомнения в том, что руки Москвы в убийстве Кеннеди не было и в помине. А тогда многие считали, что Освальд был подготовлен КГБ именно для ликвидации Президента США.

Был и еще один важный довод в пользу этого. Телефонные звонки, подобные тому, что поступил в редакцию «Кембридж ньюс», случались и ранее на протяжении 1962–63 годов в Великобритании. И тоже касались весьма чувствительных событий, которые загадочным образом затем происходили в реальности.

Например, работы доктора Уарда, о чем сказано в последнем пункте рассекреченного документа ЦРУ. Один из звонков еще в конце 62-го года в адрес депутата оппозиционера от лейбористов Джорджа Вигга (теневого министра обороны) указал на военного министра Джона Профьюмо как потенциальную угрозу безопасности страны.

Так оно и случилось. Через некоторое время Профьюмо публично покаялся и подал в отставку.

Доктор Уард «под колпаком»

Другой звонок касался работы доктора Уарда и опасности собранного им компромата для королевской семьи Великобритании. Следствием чего стал арест Уарда и его последующая смерть.

Все эти звонки шли от весьма информированного источника. Известный «ловец шпионов» в стане британской контрразведки МИ-5 Питер Райт считал, что эти звонки по делу Профьюмо инспирировались русскими. Москва, по его мнению, вела масштабную шпионскую игру против Британии с целью расшатать устои и взорвать ее политическую систему.

Убийство Кеннеди могло иметь под собой аналогичные корни, полагали сторонники этой версии. Многие при этом не забывали о секс-шпионаже русских. Ведь Кеннеди был без ума от слабого пола. Под рождество 1962 года он встретился на Багамских островах с английским премьером. Сидя с Макмилланом на берегу океана и любуясь стройными фигурками проходивших мимо купальщиц, президент признался: *«Вы знаете, мистер Прайм (так он называл британского премьера), если порой мне случается слишком долго обходиться без женщин, то меня терзают ужасные головные боли».*

Позже Макмиллан запишет в своем дневнике: *«Одна половина времени уходила у американского президента на супружескую*

неверность, а вторая – на рассмотрение второсортных предложений, разработанных его советниками».

Гувер считал «носителей аморального поведения» потенциальными изменниками родины. ФБР по его указанию в 1950–60-е годы даже составило досье на 14 тысяч высокопоставленных «неблагонадежных» американцев.

В него входили мужчины, занимавшиеся сексом вне брака или с проститутками, а также гомосексуалисты.

За всеми велось наблюдение. «Жучки» и камеры установили в домах многих видных политических деятелей США. «Федералы» даже снимали супружеский секс в спальне легендарного борца за права негритянского населения доктора Мартина Лютера Кинга.

В соответствии с материалами этого досье в большинстве госучреждений США при Гувере стали избавляться от служащих, отклоняющихся от нормы в своем сексуальном поведении.

Только в 1977 году под давлением общественности досье на 14 тысяч неблагонадежных в сексуальном плане высокопоставленных американцев было уничтожено. Спустя пять лет после кончины самого Гувера.

Шеф ФБР знал все о любовных похождениях Кеннеди. Дамским угодником слыл еще Кеннеди-старший, имевший бесчисленное множество любовниц. В Великую депрессию он прикупил по дешевке киностудию в Голливуде. Тогда в его постель попали многие актрисы, включая звезду «немого кино» Глорию Свенсон.

Джон пошел по стопам отца. Он носил прозвище «Жеребчик». В основном делал «это» быстро и стоя. Из-за травмы позвоночника на фронте.

Гувер собственноручно открыл в Бюро досье на молодого Кеннеди еще в годы Второй мировой. Дал указание на прослушку всех телефонных разговоров офицера военно-морской разведки США. Первый компромат – интрижка Джона с датчанкой Ингой Арвад, работавшей на германскую разведку.

В последующие годы список любовниц будущего президента США рос как на дрожжах. И в гуверовском досье появились имена звезд Голливуда Элизабет Тейлор, Ким Новак, Мэрилин Монро...

В досье Гувера попала и красавица из команды доктора Уарда, упоминавшегося в секретной депеше о загадочном телефонном звонке

– Мариэлла Новотна.

Новый компромат на братьев Кеннеди, история с которым всплыла на поверхность в 61-м, был связан и с доктором Уардом, и с его контролером из ГРУ Евгением Ивановым. А собрала его Мариэлла Новотна.

Отец девушки был двоюродным братом тогдашнего президента коммунистической Чехословакии, Первого секретаря ЦК КПЧ Антонина Новотного. Мать – шотландка. Родитель пропал после войны. Пришлось Мариэлле с юности зарабатывать своим телом.

Она вместе со своим весьма предприимчивым сутенером Гарри Алан Тауэрсом отправилась из Англии на заработки в США. У Тауэрса был широкий круг знакомых – влиятельных высокопоставленных американцев, падких на «клубничку». На них и были выставлены «медовые ловушки» в топовых гостиницах Америки.

Номера были оборудованы прослушкой и скрытой аппаратурой для фото и даже киносъемки. Тауэрс долгие годы работал на британском телевидении (канале ITN) и знал толк в такого рода технике.

Мариэлла приводила в номера состоятельных мужчин, Тауэрс снимал кино. А затем шантажировал ее клиентов. Заработок получался неплохой. Когда же на крючок попались братья Кеннеди, источник вдруг, что называется, иссяк.

Арест в США Мариэллы Новотной

Предприимчивая парочка попала в руки полиции, а затем и ФБР. На них донесли. Компромат изъяли, правда, как позже выяснилось, не весь. И оба оказались в полицейском участке. Записная книжка Тауэrsa с телефонами и адресами крупных политических мужей Америки – клиентов очаровательной Мариэллы – заставила копов обратиться в ФБР, а тех искать выход из неловкого положения.

Направить дело в суд ФБР не решалось. Ведь тогда эта грязная история попала бы в прессу. А с ней и имена distinguished американцев, в том числе самого президента и генерального прокурора, оказались бы замараны сексуальным скандалом.

Выход был один – припугнуть парочку опальных мошенников и выдворить их из США, взяв с них слово, что они будут хранить молчание, иначе...

Братья Кеннеди и Мариэлла Новотна. Любовь втроем

Так и было сделано. Гарри Тауэрс от страха поменял имя (на Питер Велбек), осел в Канаде и стал знаменитым кинорежиссером.

А вот Мариэлла не растерялась, решила идти ва-банк и продолжить опасную игру.

Встречу Иванова и Новотной по ее просьбе организовал в Спринг коттедже Стивен Уард.

– Помогите мне, кэптен, – предложила Мариэлла, – и я не останусь неблагодарной. Если вам удастся убедить чехов разрешить мне поездку в Прагу, я расскажу вам кое-что, чего вы не знаете, но будете очень рады узнать.

– Не надо говорить загадками, Мариэлла, – заметил Иванов.

– Хорошо. Я скажу вам главное, Юджин. У меня есть компромат на президента США Джона Кеннеди и его брата. Они были моими любовниками.

– Мы все читаем газеты, – многозначительно заметил Иванов. – Только не всегда верим написанному.

– У меня есть доказательства.

– Вот это уже меняет дело.

– Помогите мне, и вы получите их.

– Чем вы можете подтвердить, что доказательства у вас есть?

– Выслушайте мою историю. Я готова её рассказать. Она и даст вам ответ на ваш вопрос.

– Я весь внимание.

– Когда я была в Америке, Гарри Тауэрс, продюсер, познакомил меня с Питером Лоуфордом, известным киноактером. Он женат на сестре Джона Кеннеди Патриции. Он, Фрэнк Синатра и Дин Мартин входят в состав так называемого «клана Кеннеди». Накануне выборов президента США на одной из вечеринок Питер Лоуфорд познакомил меня с Джоном Кеннеди. Он ведь был кандидатом на этих выборах. В тот же вечер будущий президент США уложил меня в постель. А потом у меня был и групповой секс с Джоном Кеннеди. Да еще какой! Девушек было трое. Нас попросили наряжаться медсестрами. А Кеннеди был пациентом.

«Что ж, – подумал про себя Иванов, – эта история выглядит вполне вероятной. Кеннеди, как известно, нередко болеет: военное ранение постоянно даёт о себе знать. Больница для него – родное место. Так что подобный фетиш был вполне объясним».

– Затем Джон свел меня со своим братом Робертом, – продолжала Мариэлла. – Он тоже стал моим любовником...

– И все-таки как насчет доказательств? – вмешался в рассказ девушки Евгений.

– У меня они есть. Есть и снимки и пленка... Помогите мне. И они станут вашими. Но большего вам я пока не скажу.

Что за снимки обещала Мариэлла Новотна? Этот вопрос не выходил у Иванова из головы в тот памятный день. Кроме того, он не мог отделаться от чувства, что все предложения Новотной и даже сама ее просьба о содействии в получении визы – вещь надуманная и не слишком ее заботящая. Уж больно несерьезно и неубедительно выглядело все ее поведение в тот день.

Тем не менее, вернувшись в Лондон, разведчик подготовил отчет и передал его резиденту. Прочитав его донесение, тот сказал;

– Центр мы, конечно, о Новотной запросим. А пока суд да дело, не отвлекайся на Новотную. У тебя и так дел невпроворот.

Дело Новотной прояснилось позднее.

Автор этих строк познакомился с ее неопубликованными дневниками, материалами журналистских расследований в США и

Великобритании, а также свидетельствами бывших агентов ФБР и КГБ. Вот что удалось установить.

Инициатором поездки Мариэллы Новотной в США в начале 1960 года стал уже упоминавшийся выше Гарри Тауэрс. Это был 40-летний, достаточно опытный, но не слишком преуспевающий продюсер. С Новотной он познакомился на одной из вечеринок. Мистер Тауэрс заинтересовался девушкой. «Он пригласил меня на чай в Клериджиз, – записала Мариэлла в своем дневнике, – где сказал, что мог бы организовать мне выгодную работу рекламной моделью на телевидении США».

Что это был за человек, мистер Тауэрс? Без ответа на этот вопрос картина событий будет неполной.

Гарри Алан Тауэрс родился в 1920 году в Великобритании в семье театрального менеджера. Сначала родители отдали его в детскую актерскую школу «Италия Конти», затем он учился сценарному мастерству и искусству диск-жокея. В годы Второй мировой войны рядовой Тауэрс работал на радиостанции британских вооруженных сил, писал сюжеты для радиопрограмм. После демобилизации начал сотрудничать с радио Би-Би-Си. В 1950 году при финансовой поддержке матери основал собственную компанию «Тауэрс оф Лондон», которая взялась за продажу радиопрограмм.

В середине 50-х мистер Тауэрс стал заниматься приобретением американских телевизионных программ для Эй-Ти-Ви – новой британской корпорации, начавшей в 1955 году теле вещание в Лондоне по выходным дням – в субботу и воскресенье. Телевидение с каждым годом становилось все более популярным в Европе, и американская телепродукция – фильмы, сериалы, развлекательные шоу – охотно покупалась хозяевами частных телеканалов. Казалось, это был выгодный бизнес, так как он не требовал дополнительных издержек, связанных с производством собственных программ. Тауэрс рассчитывал на приличный доход. Однако первые несколько лет работы обернулись для Эй-Ти-Ви, где он получил руководящую должность, лишь огромными убытками.

Дела шли из рук вон плохо. Тауэрс оказался в отчаянном положении. Он искал любую возможность, чтобы заработать, не гнушаясь никакими средствами для достижения успеха.

Мариэлла Новотная не знала о фактическом банкротстве Тауэрса. Согласившись работать в США на Гарри Тауэрса, она попала в руки мошенника и лжеца. Никакой работы в рекламном бизнесе за океаном она, естественно, по прибытии в страну не получила.

Обратимся к протоколу нью-йоркского отделения полиции, составленному со слов миссис Новотной.

«Тауэрс привез меня в отель “Грейт Нозерн” На следующий день он пригласил в номер двух проституток и заставил меня заниматься с ними любовью. В последующие дни он приводил в гостиницу различных гостей, с которыми мне приходилось заниматься сексом. Затем он снял квартиру на Манхэттене и там заставлял меня обслуживать своих клиентов. За неделю я зарабатывала 400 долларов, 300 отдавала ему».

Нетрудно заметить, что, судя по протоколам полицейских допросов Новотной, она пыталась представить себя невинной жертвой жестокого обманщика-сутенера, заманившего ее в ловушку и заставившего работать на себя.

На самом деле Тауэрс еще при знакомстве с Мариэлой в Лондоне почувствовал, что эта молодая и авантюрная девица охотно займется сексуальным бизнесом в Америке. А он будет поставлять ей дорогих клиентов из великосветского круга своих знакомых.

Понятно, что если бы Новотной пришлось не по нраву предложение Тауэрса, она вполне могла бросить этот грязный бизнес и вернуться в Англию. Но она, судя по всему, вошла во вкус «первой древнейшей профессии» и не собиралась оставлять начатое ими дело.

О насилии со стороны Тауэрса здесь, очевидно, не могло быть и речи. Их партнерство было взаимным и добровольным.

В начале марта 1961 года помощнику окружного прокурора Уильяму Рейли позвонил по телефону один из осведомителей и сообщил адрес квартиры, в которой, по его сведениям, занимаются проституцией. Полицейская группа 18 участка Нью-Йорка была послана по указанному адресу.

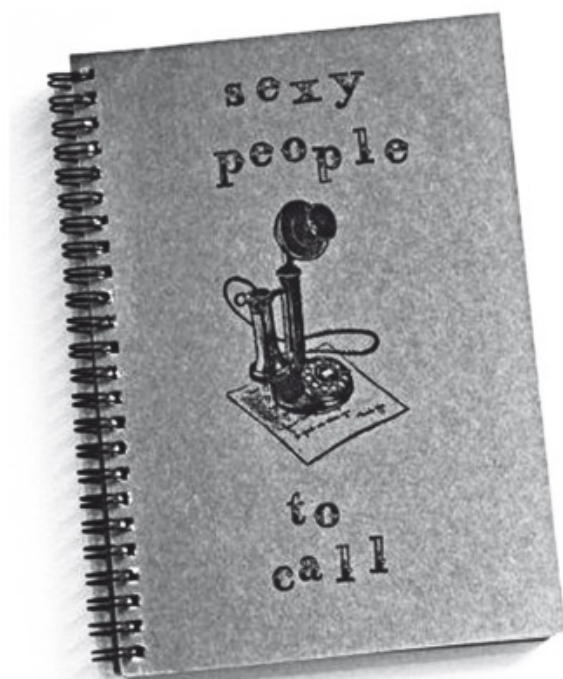
Патрульный Томас Флад, одетый в гражданское, позвонил в дверь, представился одним из клиентов. Дверь открыла полураздетая Мариэлла Новотна. Флад вошел в квартиру и предъявил свой жетон полицейского. Тауэрс спрятался в шкафу, но его без труда нашли и препроводили вместе с Мариэлой в участок.

При допросе до смерти напуганный сутенер отрицал все, даже то, что он знаком с Новотной. Не помогло. Оба были арестованы и предстали перед судом по обвинению в проституции и сутенерстве.

В ходе расследования Мариэлла предъявила полицейским адресную книгу, в которой фигурировали имена и телефоны ее клиентов, знакомых Тауэrsa. Среди них было немало весьма высокопоставленных людей – политических деятелей, бизнесменов, юристов.

Расследование приняло новый оборот.

Дело немедленно передали Федеральному бюро расследований.

Телефонная книжка Мариэллы

1979 Code of Names - 49 - 762

S. No.	Name of the Officer	Designation	Department	Contact Number
1	Mr. R. A. Crowley	S. P. Newark	Police	22 8018
2	Mr. Henry Appel	SP-5 Newark	Police	22881
3	Mr. R. J. Bando	SP-10 Newark	BD	22838
4	Mr. A. S. Gove	S. P.	SP-5	22 866
5	Mr. J. Scarce	Sub Register	Register	22718
6	Mr. App. P. Singh	Treasurer's Office	Treasurer	22752
7	Mr. Robinson Singh	SP-10 Newark	TM	22752
8	Mr. Amish	SP-10 Newark	B. I. O.	22845
9	Mr. R. J. Bando	Director, Education	Education	22872
10	Mr. Paul Patra	State Collector	Social Justice	22 803
11	Mr. W. J. Alvarez	SP-5	SP-5	22 863
12	Mr. Amish	SP-10 Newark	Industrial	22749
13	Dr. S. K. Bhat	Dir. Newark	Animal Husbandry	22838
14	Mr. A. N. Foster	S. P.	S. P. Newark	22844-128
15	Mr. U. C. Bhat	Assoc. Director	Police	22838-228
16	Mr. C. S. Bhat	Dir. Newark	Agriculture	22838
17	Dr. S. K. Bhat	Chief Medical & Health Officer	Medical & Health	22862
18	Mr. S. P. Bhat	SP-5	SP-5 Newark	22862
19	Mr. S. C. Bhat	S. P. SP-5	SP-5	22 863
20	Mr. S. S. Bhat	S. P. SP-5	SP-5	22 862
21	Mr. L. B. Bhat	S. P. SP-5	SP-5	22 863
22	Mr.	SP-10 Newark	Police	22862

Эту книгу в архиве ФБР пытались в дальнейшем получить многие журналисты. Но она, конечно же, не сохранилась.

– Ее, должно быть, уничтожили за ненадобностью, – объясняли пропажу вещдока сотрудники ФБР.

Новотную и Тауэrsa продержали в полицейском участке недолго. Их дело было кристально ясным. Состав преступления очевидным. Но, как ни странно, приговором суда оно не закончилось. Причиной тому –

и это очевидно – рассказ Мариэллы о том, что в числе ее клиентов были братья Кеннеди. Влиятельные люди в Вашингтоне, естественно, не могли допустить публичного рассмотрения в суде дела Тауэрса и Новотной. Они прекрасно понимали, что в ходе слушаний связь Мариэллы с братьями Кеннеди легко могла бы всплыть на поверхность и попасть в прессу.

Выход из положения был найден без особого труда и долгих проволочек. Обоим подсудимым дали возможность бежать из страны. Гарри Тауэрс через третьи страны отправился в Москву, Мариэлла Новотна – на океанском лайнере в Лондон.

В Москве, если верить одной из имеющихся версий, Тауэрс пытался установить деловые связи с потенциальными партнерами на центральном телевидении и киностудиях страны, предлагая собственные услуги опытного продюсера и делового партнера. Однако, судя по всему, бизнес-проекты предприимчивого британца не заинтересовали советских функционеров. Тауэрс был в отчаянии.

За британским коммивояжером в Москве присматривали парни из Второго главного управления КГБ – управления контрразведки. Практика для тех лет вполне ординарная. На легендарного генерала Олега Михайловича Грибанова, тогдашнего начальника второго главка, работало чуть ли не полстраны. Вражеский шпион не должен был пройти незамеченным на советской территории. В каждом сколь-нибудь значимом советском учреждении контрразведка имела своих «добровольных» осведомителей.

Информаторы, которым было поручено вести Тауэрса, докладывали своим кураторам, что «объект» искренне желает делать совместный многообещающий бизнес с партнерами в Советском Союзе, но его, к сожалению, не понимают.

– А ведь я мог бы быть полезен СССР не только как продюсер, – многозначительно заметил мистер Тауэрс в ходе одной из бесед в московском ресторане с важным чиновником из госкомитета по кинематографии, оказавшимся по совместительству информатором КГБ. – Я располагаю очень важными сведениями, которыми мог бы поделиться в обмен на контракт с вами.

Нетрудно представить себе, какие именно важные для СССР сведения имел в виду мистер Тауэрс – те же самые, что предлагала Евгению Иванову на встрече в Спринг коттедже Мариэлла Новотна.

Очевидно, речь шла о компромате на первых лиц США. Скорее всего, о документированном компромате. Логично было бы предположить, что Тауэрс с его опытом работы в теле- и кинобизнесе с помощью Новотной вполне мог заниматься фото- и киносъемкой ее клиентов в Нью-Йорке. В первую очередь тех из них, кто принадлежал к крупному бизнесу или высшему политическому руководству страны. Расчет был прост – продать отснятый материал их конкурентам или противникам, на худой конец – желтой прессе. Или получить выкуп от них самих в обмен на компромат. Последний вариант был связан с большим риском: скомпрометированные ими влиятельные клиенты могли и поквитаться с шантажистами. Поэтому такой ход действий был оставлен на самый крайний случай.

Трудно сказать, заинтересовало ли кого-нибудь на Лубянке предложение Гарри Тауэрса. Ни одна разведка мира, как известно, добровольно не выдает своих агентов. Так или иначе, в СССР мистер Тауэрс долго не задержался. Срок его визы вскоре истек, и он отправился в вояж по столицам других социалистических стран, возможно, предлагая аналогичные бизнес-проекты чиновникам соответствующих госучреждений в Будапеште, Софии или Варшаве.

Каких успехов на этом поприще удалось достичь Гарри Тауэрсу, трудно сказать. Но его деловая карьера вскоре, как по мановению волшебной палочки, резко пошла в гору.

Он стал получать в Голливуде один контракт за другим. Сначала его взял под свое крыло могущественный Самюэль Аркофф, хозяин крупной кинокомпании «Америкэн Интернешнл Пикчерс». И на свет божий вышли спродюсированные Таурсом ужастики с небезызвестными Кристофером Ли и Клаусом Кински.

Затем его «запустил в обойму» знаменитый дуэт из «Кэннон Филмз» – Менахем Голан и Йорум Глобус. В итоге на экранах в облике «оперного фантома» появился будущий исполнитель роли Фредди Крюгера в бесконечных «Кошмарах на улице Вязов» – Роберт Инглунд. «Кошмары» снимали уже другие кинематографисты, но первым мистера Инглунда открыл для кино Питер Велбек. Именно это имя взял себе в Голливуде Гарри Алан Тауэрс. Препятствие его почему-то не устраивало. Хотя люди сведущие прекрасно понимали почему.

Фильмы, которые в огромной количестве продюсировал Питер Велбек, не принесли ему большой славы, но заработали достаточно

денег.

Кто вдруг открыл вчерашнему неудачнику голливудские ворота к коммерческому успеху и благополучию, знает, должно быть, лишь Гарри Алан Тауэрс. Сдается, однако, что его документированные компроматы все же были кем-то выкуплены. А платой за них стал постоянный ангажемент продюсера Питера Велбека в Голливуде.

Аналогичный бизнес Новотной оказался менее успешным. Истории, проданные ею репортерам из желтой прессы, принесли Мариэлле больше проблем, чем коммерческих дивидендов. В итоге ее нашли мертвой на кухне собственной квартиры. Официальная версия гласила: отравление снотворными таблетками.

По возвращении в Москву Иванов узнал о трагической смерти Мариэллы. Было ясно, что, когда разразился скандал с делом Профьюмо, Новотна попала «под колпак» сразу двух спецслужб – британской и американской. Проведенный обыск у нее на лондонской квартире, очевидно, принес желаемый результат. Компрометирующие президента США материалы были изъяты британской контрразведкой и переданы ФБР. На время девушку оставили в покое.

Кто знает, может быть, Новотна собиралась предать гласности какие-то важные сведения. Смерть остановила эти планы.

В 1980 году «американское правосудие» добралось наконец до Гарри Тауэрса. Ему припомнили его сутенерское прошлое, вынесли приговор и чуть не отправили за решетку. Но кто-то там, наверху, весьма своевременно вмешался. Срок заключения осужденному был заменен на условный, и мистер Тауэрс благополучно продолжил свою работу в кинобизнесе.

В 2009 году он приступил к съемкам своего очередного художественного фильма. Не закончив его, он заболел и вскоре скончался в Канаде.

Так или иначе, к нынешнему столетию секс-компромат на братьев Кеннеди давно потерял свою ценность. Да и в начале 60-х годов прошлого века он не слишком волновал спецслужбы США.

Директор ФБР Эдгар Гувер, наверное, мог бы допустить «утечку» накопленного в его ведомстве компромата на президента, и Кеннеди пришлось бы тогда нелегко. Хотя, возможно, он остался бы на посту, как позже «аморальный» Клинтон. Народ любил молодого Кеннеди и

мог простить ему похождения на стороне. Но секс-скандал с президентом великой державы ударил бы по авторитету самих США.

Поэтому, думаю, Эдгар Гувер на пару с вице-президентом США Линдоном Джонсоном выбрали куда более радикальный и надежный способ устранения с политической сцены неугодного лидера. Выстрелы в Далласе 22 ноября 1963 года решили проблему раз и навсегда.

Спустя 5 лет Роберт Кеннеди решил пойти в Белый дом по стопам убиенного старшего брата. Так же успешно начал предвыборную кампанию. Обещал закончить войну во Вьетнаме, уравнивать негров в правах с белыми. Этим и подписал себе смертный приговор у «ястребов», к коим принадлежал Гувер. Вновь выстрелы «одинокого убийцы» решили проблему раз и навсегда. В том убийстве тоже много неясного до сих пор.

UNITED STATES GOVERNMENT
Memorandum
ALL INFORMATION CONTAINED HEREIN IS UNCLASSIFIED
DATE 7/1/63 BY W. C. Sullivan

TO : W. C. Sullivan
FROM : W. A. Branigan
SUBJECT: CHRISTINE KEELER; JOHN PROFUMO
INTERNAL SECURITY - RUSSIA - GREAT BRITAIN

1 - Belmont
1 - Sullivan
1 - Branigan

DATE 7/1/63

65-68218-233

[REDACTED]

UNITED STATES GOVERNMENT
Memorandum
ALL INFORMATION CONTAINED HEREIN IS UNCLASSIFIED
DATE 7/23/63 BY W. C. Sullivan

TO : W. C. Sullivan
FROM : W. A. Branigan
SUBJECT: BOITIE
INTERNAL SECURITY - R - GREAT BRITAIN

1 - Belmont
1 - Mohr
1 - Evans
1 - DeLoach
1 - Sullivan
1 - Linslow
1 - Branigan
1 - Lee

DATE 7/23/63

Boitie is code name for Christine Keeler - John Profumo case.

[REDACTED]

Boities contain no identifiable information concerning [REDACTED]

[REDACTED]

This information was that [REDACTED] lived with call girl [REDACTED] in New York and that [REDACTED] clients was John Kennedy, then presidential candidate. [REDACTED] stated that Marie Novotny, British prostitute, went to New York to take [REDACTED] place, since she was going on pre-election rounds with Kennedy.

[REDACTED]

It should be noted that Novotny did not arrive in New York until 12/14/60.

65-68218
JF:spa:jdd
(5)

194-37374-
NOT REPRODUCED
170 AUG 22 1963

SECRET

22 AUG 21 1963

CLASS & EXT. BY SP2 T/tpg/4-20-63
REASON - FCIM II, 1-2.4.2
DATE OF REVIEW... 7-23-13

AUG 27 1963

«Рассекреченное» досье ФБР «Боутай»

После гибели Роберта появилась популярная легенда о проклятии клана Кеннеди. Ее вполне могли создать в недрах ФБР и запустить в мир. Гувер был мастером на такие штучки. Конечно, доказательств участия шефа ФБР в заговоре против Кеннеди не найти.

Старина Эдгар умел заматывать следы. Почти полвека он бессменно руководил всемогущей и всезнающей спецслужбой. При восьми президентах. И никто не посмел отправить его в отставку, мол, засиделся, старик. Все были под его колпаком.

Гувер умер в мае 1972 года. После этого в США ограничили срок службы шефа ФБР десятью годами.

Когда в 1963 году в ФБР было открыто секретное досье «Боутай» и в связи с британским делом Профьюмо обозначился довольно жирный американский след, его материалы поначалу насчитывали не более 1000 страниц.

Потом счет пошел на десятки тысяч. И конца этой истории не видно до сих пор.

Досье же по делу Кеннеди своим объемом и вовсе бьет все возможные рекорды. Правда, воз и ныне там. Теперь оба эти досье, как заявлено в Вашингтоне и Лондоне, якобы рассекречены. Только это, конечно же, не так. Рассекречены лишь второстепенные материалы.

Главная ключевая информация остается за семью печатями. А вместе с ней и главные тайны XX столетия, связанные с убийством президента Кеннеди и делом Профьюмо.

Глава 15

Человек в маске

После возвращения в 1961 году Новотной из ее злополучного вояжа в Соединенные Штаты фешенебельная лондонская квартира Мариэллы и ее супруга Горация Диббена на Гайд-парк Сквер стала излюбленным местом проведения экстравагантных «секс-пати» для избранных гостей из «высшего общества».

Подобные вечеринки с секс-оргиями в качестве неперемного десерта были весьма популярны в среде лондонской богемы. Но вряд ли достопочтенные участники этих «пати» могли представить себе, что всего через полтора-два года об их тайных и весьма интимных развлечениях в малейших деталях узнает вся страна. Впрочем, кое-кому удастся уйти от огласки, в частности так называемому «Человеку в маске». Последним из оставшихся в живых «хранителем» тайны этого человека был Евгений Иванов.

Однажды декабрьским вечером 1961 года в квартире на Уимпол Мьюз раздался телефонный звонок. Трубку взяла Кристина Килер. Из дома Новотной звонил Стивен Уард.

– У Мариэллы вечеринка, – сказала, переговорив с Уардом, Кристина своей подружке Мэнди Райс-Дэвис, которая пришла ее навестить. – Стив хочет, чтобы мы приехали.

Девушки решили поехать. Вскоре они оказались у дверей квартиры Мариэллы Новотной. Кристина позвонила. Дверь открыл доктор Уард, голый, словно только что из ванны. Правда, в носках. Столь неожиданное зрелище потрясло девушек. Но то, что они увидели минутой позже, просто повергло их в шок. Подружки оказались на вечеринке, о которой желтая пресса всего мира судачит уже не один десяток лет.

С порога девушки почувствовали душный терпкий аромат дорогих духов, табака и алкоголя. Их взгляду открылась невообразимая картина. Обилием обнаженных тел просторные апартаменты Мариэллы напоминали скорее турецкую баню.

– Стив, ты не хочешь наконец снять свои дурацкие носки? – заметила хозяйка квартиры, встречая девушек.

Кристина и Мэнди прошли в гостиную. Ее окна были плотно зашторены. Из соседней комнаты раздавались звуки фортепьяно. Повсюду мелькали голые пары. Кто-то танцевал. Кто-то был занят беседой или выпивкой. Остальные совокуплялись: на кушетках и диванах, на креслах и коврах, даже на рояле...

Уард сидел за журнальным столиком, дымил сигаретой и игриво беседовал с хозяйкой квартиры, наслаждаясь окружающей обстановкой.

– Познакомься, «little baby», – Стив именно так, «малышкой», любил называть Кристину, – это Мариэлла Новотна, У нее был роман с Джей-Эф-Кей. Поговори с ней. Она могла бы тебя многому научить.

В углу комнаты зашумел моторчик кинопроектора. И на экране, устроенном возле стены, замелькали кадры порнофильма. Впрочем, на экран никто почти не смотрел. Порнодействие в реальном времени и пространстве разворачивалось, казалось, повсюду.

Гостей обслуживал немолодой уже обнаженный мужчина, из одежды на котором был лишь короткий фартук и черная маска. На груди висела плеть для наказаний и табличка с надписью: «Please beat me if I fail to satisfy», то есть «Побейте меня, если я не смогу вас удовлетворить».

Вряд ли имеет смысл подробно описывать все происходившее в тот вечер в доме Мариэллы Новотной и Горация Диббена. Тем более что это уже было во всех пикантных деталях сделано Кристиной Килер и Мэнди Райс-Дэвис в их нашумевших мемуарах, изданных еще в 60-е годы.

Большинство из приглашенных на декабрьскую вечеринку 1961 года к Мариэлле встречались у нее уже не первый раз. Новотна устраивала свои секс-пати регулярно. Случайные люди сюда не приходили. Разве что симпатичные молодые девушки вроде Кристины и Мэнди время от времени подавались старожилам «на десерт» в качестве сюрприза. Чтобы, так сказать, рассеять однообразие. Но и новички появлялись в доме Мариэллы не вдруг, а только после соответствующей проверки. Неприятности и осложнения никому из завсегдаев дома на Гайд-парк Сквер были не нужны. Основными клиентами здесь являлись солидные мужчины с положением и деньгами. Огласки и скандала они боялись пуще смерти.

Кристина и Мэнди, были настолько поражены и обескуражены увиденным в доме Мариэллы Новотной, что долго в нем задержаться не смогли. Они еще были новичками в секс-бизнесе. Стив явно поторопился с приглашением. Он это быстро понял. Через четверть часа он увез обеих девушек в свою квартиру на Уимпол Мьюз, 17, и уложил спать.

Юные старлетки оказались явно не готовы к столь откровенным сексуальным развлечениям в компании Мариэллы и ее друзей. Они почувствовали себя плохо, а оказавшись в постели, долго не могли заснуть. Впечатления от увиденного на Гайд-парк Сквер никак не давали им покоя.

Гостей Мариэллы Новотной и Хода Диббена, кроме хозяев дома, хорошо знал лишь доктор Уард, а с его подачи и Евгений Иванов.

– Стив любил показывать мне фотографии этих вечеринок, – вспоминал Иванов. – Эти снимки он получил в обмен на какие-то фотографии из своей порноколлекции от одного из участников секс-пати у Мариэллы. Имени его я не помню. Кажется, это был американец...

Со временем автору этих строк удалось установить имя этого «американца». В числе знакомых доктора Уарда и обладателей скандальных порноколлекций в Лондоне в те годы действительно был один гражданин США – мистер Бичер Мор. В ходе расследования дела Профьюмо лондонская полиция обыскала его дом в поисках злополучного компромата. Его тогда искали повсюду. Большая часть порноколлекции американца была конфискована, включая фотографии с вечеринок у Мариэллы Новотной.

– Стив охотно комментировал снимки, обмененные им у американца, – рассказывал Иванов. – Без стеснения их описывал, называл кое-какие имена. Это были достаточно известные люди. Например, в их числе оказался лорд Альберт Спенсер – дедушка леди Дианы, будущей супруги принца Чарльза, сына королевы Елизаветы II. В ту пору он, кажется, числился одним из хранителей лондонского Музея Альберта и Виктории. Другие имена, откровенно говоря, я плохо помню.

– Они вас не заинтересовали?

– Скорее нет, чем да, – ответил Иванов. – Все они были люди видные, с положением в обществе, но для разведки практического

интереса не представляли.

– Кто еще появлялся в доме Новотной на Гайд-Парк-Сквер?

– Ну, еще одного персонажа и вправду трудно было бы забыть, – вспомнил Иванов. – Это популярный в те годы американский киноартист Дуглас Фэрбенкс – младший.

Личность действительно незабываемая. Сын знаменитого отца, брошенный им в 9-летнем возрасте после начавшегося бурного романа Дугласа Фэрбенкса – старшего с Мэри Пикфорд, он сам стал звездой Голливуда. Герой-любовник на экране, он был жиголо и вояка в жизни. Муж кинодив Джоан Кроуфорд и Марлен Дитрих, Фэрбенкс-младший отважно воевал за Британию и после войны обосновался в Лондоне. Он был принят королевской семьей. Продолжал периодически сниматься в кино. Ко времени «скандала века» младшему Фэрбенксу было уже за 50, но сексуальные утехы не утратили для него своей привлекательности.

– Был в той компании и известный польский художник, – добавил Иванов, – только вот имя его я забыл.

– Феликс Топольский? – подсказал я.

– Совершенно верно.

К числу богемных гостей Мариэллы Новотной принадлежал и он. Выпускник Варшавской академии художеств, Топольский рисовал блестящие портреты своих современников: драматурга Бернарда Шоу, с которым был дружен, писателя-фантаста Герберта Уэллса, романиста-разведчика Грэма Грина, премьер-министра Гарольда Макмиллана.

В годы Второй мировой Феликс был официальным военным художником Британской и Польской армии, работал на фронтах Европы и Азии, был ранен. После окончания войны получил английское гражданство. Дважды был женат, но быстро разводился. Написал немало экспрессионистских полотен, которые выставлены теперь в Галерее Тейт в Лондоне. Его работы можно встретить и в Букингемском дворце. В коридоре, ведущем к Стейтс румз, нетрудно найти расписанные им по королевскому заказу стены. Сексуальные забавы были важной частью его богемной жизни.

К служителям искусства принадлежал и другой завсегдатай вечеринок у Мариэллы – сэр Уильям Эмбрис-Вильямс, секретарь художественного совета Национальной галереи.

Супруг Новотной Ход Диббен, помимо того, что он владел клубом «Черная овца» на Мэйфере, занимался сделками с художественным антиквариатом. Сэр Уильям был полезным консультантом в этом деле. Лучше него в Лондоне мало кто мог правильно оценить реальную стоимость того или иного произведения искусства.

Военные годы службы Хода Диббена в королевских ВВС свели и подружили его со многими известными летчиками. В их числе был еще один неперемный гость вечеринок на Гайд-парк Сквер – граф Манфред Чернин. Герой Второй мировой войны, граф командовал эскадрильей королевских ВВС в знаменитой «Битве за Британию». Позднее им заинтересовалась разведка, и он стал секретным агентом Управления специальных операций. Этот 48-летний чех, посещая секс-патиз своей землячки, что называется, «пустился во все тяжкие» на закате своей жизни, как будто знал, что его дни уже сочтены. Граф Чернин умер в 1962 году.

Мариэлла Новотна и Гораций (Ход) Диббен

Еще одним именитым участником сексуальных застолий в доме Новотной был майор Рональд Стратт, он же 4-й барон Белпер. Лорд Белпер принадлежал к именитому семейству Страттов из графства Дербишир, получившему баронский титул еще в 1856 году. Рональд

окончил привилегированную школу в Харроу и элитную Военную академию в Сандхерсте. Войну завершил в звании майора и с заслуженными боевыми наградами за доблесть в бою в частях Коулдстрим Гардс. Лорд Белпер, как и большинство гостей Мариэллы, был не первой молодости и в разводе. Тайные сексуальные утехи со старлетками в апартаментах мадам Новотной были для барона любимым развлечением.

Список гостей Мариэллы и Горация можно было бы и продолжить. Но есть ли в этом смысл? Как справедливо заметил Евгений Иванов, большинство участников секс-патиз у Мариэллы Новотной не представляли особого интереса для советской разведки. Зато они до сих пор привлекают к себе внимание любознательных журналистов, не потерявших и сейчас, в XXI веке, остроты вкуса к скандальным событиям почти полувековой давности.

Чтобы убедиться в справедливости этих слов, загляните на один из сайтов в Интернете – «The Latest». Его открыл в 2006 году известный британский темнокожий журналист Марк Вадсворт. Редактор «Блэк Медиа Джорнал» и руководитель так называемой «блэк секшн» лейбористской партии Великобритании, этот популярный в стране репортер и обозреватель ряда печатных изданий и эфирных программ на ТВ и радио создал в «мировой паутине» сайт, главным мотивом которого стал лозунг «Гражданская журналистика – для всех».

Составители сайта в одном из первых своих материалов пообещали «крупное вознаграждение» за имя «Человека в маске» – этого наиболее загадочного персонажа сексуальных застолий в доме Мариэллы Новотной.

Это имя до сих пор, как я уже упоминал выше, остается неизвестным. Его не стали разглашать в ходе следствия по делу Профьюмо ни Стивен Уард, ни Гораций Диббен, ни сама Новотна. Никого из них уже нет в живых. Значит, тайна останется нераскрытой?

Чтобы не допустить этого, веб-сайт, созданный Марком Водсвортом и компанией «The Latest Ltd», выступил с призывом снять наконец гриф секретности с застарелой тайны, обнародовать имя этого человека. Автор этих строк откликнулся на призыв. При этом помог сэкономить новому и весьма полезному для читателей Интернета веб-сайту немалые деньги, бесплатно сообщив Марку Водсворту имя

«Человека в маске».

Марк Водсворт

Кого только за истекшие полвека не называли носителем той злополучной маски: и бывшего министра транспорта при правительстве Гарольда Макмиллана Эрнста Марплса, и даже самого хозяина Кливденского имения – лорда Астора. Но это были лишь досужие попытки угадать неизвестное имя. Посвященные в тайну «Человека в маске» не хотели называть его. Почему? Сказать трудно. Возможно, Ход Диббен, Мариэлла Новотна и Стивен Уард, несмотря на патологическую любовь каждого из них предавать огласке чужие

тайны, всё же не хотели ставить под удар и травмировать этого человека. Может быть, они по-своему любили или жалели его?

Евгений Иванов еще в 1962 году узнал имя «Человека в маске», но и он до поры не хотел обнародовать его. Однажды за беседой у меня дома он все же сделал это, согласился назвать мне имя «Человека в маске», но с одним непременным условием.

– Ты расскажешь об этом человеке только после моей смерти, – потребовал от меня Иванов.

Со времени той беседы прошел не один десяток лет. Ушел из жизни капитан 1 ранга Евгений Михайлович Иванов. Волею судьбы выполнено условие отставного разведчика, и я могу раскрыть тайну.

«Человек в маске» – это Энтони Асквит. Имя в Великобритании хорошо известное. Отпрыск знаменитого рода Асквитов. Отец Энтони, граф Герберт Асквит, в начале XX века был лидером Либеральной партии страны и премьер-министром Великобритании.

Он, впрочем, не снискал себе ни политической славы, ни благодарности соотечественников. Ибо приложил немало усилий к тому, чтобы свергнуть страну, да и всю Европу в пучину Первой мировой войны. Кроме того, именно Энтони Асквит отдал приказ о кровавом подавлении Ирландского национального восстания, принесшем немало бед и несчастий на ирландскую землю.

Мать Энтони – Марго, дочь сэра Чарльза Теннанта и сестра лорда Гленконнера, никогда не занималась политикой. Она предпочитала ей литературу и искусство.

Мальчик унаследовал от своих родителей не мужское, а женское начало. Хотя детство его прошло в стенах знаменитого дома на Даунинг-стрит, 10, в окружении министров и членов парламента, юный Энтони мечтал скорее о карьере пианиста или композитора, чем политического деятеля. Он брал уроки музыки, но музыкантом так и не стал. Еще в юношеском возрасте Энтони отказался от этой детской мечты, трезво оценив свои скромные способности в деле сочинения музыки и ее исполнения.

В детстве юный Асквит заработал прозвище «Puffin», что на русский язык переводится как «топорик». В России длинноносых, скорее всего, стали бы называть «Буратино». Но в Англии иной словооборот. «Паффином», то есть «топориком», его будут называть и

в пятнадцать лет, и в 35, и даже в 65, когда будут провожать в последний путь.

Другую детскую страсть мальчика, увлечение новым искусством – кинематографией, лишь зарождавшейся тогда в мире, Энтони Асквит сохранит на всю жизнь. Он станет знаменитым кинорежиссером. Теперь мы хорошо знаем и помним многие из его лент, такие, например, как «Путь к звездам», «Пигмалион», «Как важно быть серьезным», «Миллионерша», «Желтый Роллс-Ройс»...

Для современного молодого поколения, впрочем, фильмы Энтони Асквита вряд ли представят значительный интерес. Зато уверен, нынешним любителям кино будет небезынтересен тот факт, что родная сестра Асквита, леди Виолетта Бонам Картер, является бабушкой кинозвезды уже XXI века – главной героини популярного во всем мире телесериала «Секс в большом городе», очаровательной и забавной Сары Джессики Паркер.

Закончив в начале 20-х Винчестер и Бэллиол, колледжи в Оксфорде, и получив степень бакалавра классических наук, как этого требовали родители, Энтони без промедления отправился в Голливуд, чтобы осуществить свою мечту – собственными глазами увидеть, как рождается кино. В течение шести месяцев он жил в одном доме с Мэри Пикфорд и Дугласом Фэрбенксом – старшим, общался с Чарли Чаплином. Дни и ночи проводил на съемочных площадках под крылом тогдашних мастеров кинорежиссуры.

Затем молодой Асквит вернулся в Лондон и устроился на работу в местную кинокомпанию. Ему дали должность подавальщика чая. Достопочтенный отец семейства, граф Герберт Асквит, рассматривал все эти похождения сына как забавные приключения. Но Энтони не унывал. Надо же с чего-то начинать – убеждал он себя и своих родных. Через шесть месяцев он написал собственный киносценарий и помог снять по нему свой первый фильм «Звезды кино». Новичка повысили в должности и подняли ему оклад. Природный интеллект, чувство юмора и любовь к избранной профессии сделали свое дело.

За сорок лет своей творческой карьеры «Паффин» выпустил немало фильмов, в которых снялись такие звезды мирового кинематографа, как Лоренс Оливье, Ингрид Бергман, Ширли Маклейн, Рекс Харрисон, Элизабет Тейлор, Ричард Бартон, Софи Лорен, Дэвид Нивен и многие другие.

По мнению тех, кто его знал, это был самый эксцентричный из всех деятелей британского кино. Худощавый, низкорослый, с мягким характером и приятными манерами, он повсюду появлялся неуклюже одетым в голубое, будто подчеркивая тем самым свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Он не был женат, считался аскетом и вел замкнутый образ жизни.

Несмотря на свою принадлежность к графскому роду, Энтони Асквит стал профсоюзным активистом, отстаивал права рабочих британской киноиндустрии, добиваясь для них у владельцев компаний достойной заработной платы и социальных гарантий. И этим добрым делом он остался в памяти многих тружеников кинематографического цеха.

– Это был настоящий тред-юнионист от кино, – рассказывал мне легендарный Питер Устинов во время одного из своих приездов в Москву в середине 90-х. – Лучшего Председателя Союза британских кинотехников у нас уже никогда не будет.

А ведь после смерти Энтони Асквита минуло уже почти полвека. Но его вспоминают и сейчас, отмечая удивительную доброту, умение сострадать и помогать людям.

Может быть, именно искреннее внимание к проблемам и заботам простых людей завоевало Энтони Асквиту симпатии и тех немногих друзей, кто его близко знал. Думаю, «Паффина» по-своему любили и жалели и доктор Уард и Мариэлла Новотна.

Кто знает, возможно, именно из-за левых взглядов Энтони Асквита, ставшего выше своих классовых интересов, эти два весьма разговорчивых персонажа «скандала века» – Уард и Новотна – так и не стали выдавать имя Асквита на растерзание желтой прессы.

Свои сексуальные проблемы «Паффин» прятал за маской человека-инкогнито. Но, чего греха таить, его неудержимо тянул мир запретных развлечений и утех. Это был тайный мир низменных страстей, которые всю жизнь обуревали его и которые ему приходилось скрывать от чужих любопытствующих глаз.

Как только грянул скандал с делом Профьюмо, стоимость компромата, которым располагали Мариэлла Новотна и Ход Диббен, резко упала в цене. Свидетельства участников скандала полились со страниц желтой прессы как из рога изобилия. Не высказывался только ленивый. Мемуары сначала написала Кристина Килер, затем ее

примеру последовала и Мэнди Райс-Дэвис. Вслед за ними Мариэлла едва успела продать часть своего компромата газетчикам.

В итоге был публично ославлен лорд Астор, покровитель Стивена Уарда и участник садомазохистских развлечений с Мариэллерой, которые та сняла на фото пленку. Публичной порке были подвергнуты многие министры в правительстве Макмиллана, пользовавшиеся услугами девиц по вызову из команды доктора Уарда. Все они подали в отставку. Затем были дискредитированы многие высокопоставленные друзья Мариэллы, участники ее секс-патиз на Гайд-парк Сквер. Скандала удалось избежать лишь заокеанскому любовнику Новотной, но только потому, что его жизнь вскоре трагически оборвалась. 22 ноября 1963 года в Мемфисе был хладнокровно застрелен президент США Джон Ф. Кеннеди.

В итоге уже к осени 1963 года документальный компромат мадам Новотной стал попросту мало кому нужен, во всяком случае за деньги. Кому, действительно, придет в голову дискредитировать убитого президента или посрамленного на весь свет политика?

Кроме того, спецслужбы и США, и Великобритании периодически обыскивали те квартиры, где жила или останавливалась Мариэлла Новотна. Допрашивались ее друзья и знакомые. Изымались все сколько-нибудь подозрительные фото- и киноматериалы, а также любые другие документы, связывавшие мадам Новотну с влиятельными фигурами двух стран. Вряд ли после таких рейдов у Мариэллы могли сохраниться какие-либо материалы, представляющие опасность для «сильных мира сего».

Не стоит недооценивать и элементарное запугивание, которым не брезговали спецслужбы в отношении Новотной и Диббена. Они оба наверняка понимали, что попали в переплет, из которого был единственный выход. Он назывался обет молчания. Гораций Диббен хранил его как зеницу ока. Что касается Мариэллы, то молчать эта словоохотливая авантюристка просто не умела. Она продолжала давать многочисленные интервью. Но, делая это, похоже, имела в виду, что упоминать имена «сильных мира сего» в своих воспоминаниях себе дороже.

После скандальных событий 1963 года в распоряжении Мариэллы осталась, возможно, последняя из тайн, связанных с ее бурной деятельностью – имя «Человека в маске». За сведения об этом

человеке желтая пресса предлагала немалые деньги. Но «Паффина» уже не было на свете. И порочить имя друга она не захотела

До сих пор непонятно, умерла ли Новотна естественной смертью или ей помогли отправиться на тот свет. Вполне возможно, что кое-кто из тех, кому молчание Мариэллы было необходимо как воздух, решил ускорить ее смерть, дабы не рисковать своей репутацией в ожидании возможных откровений. Кто знает?

Глава 16

Карибский разлом

В ночь на 28 октября 1962 года Иванов гнал свою машину по опустевшему шоссе в Лондон, злой как никогда и униженный до последней крайности. Свою ярость он срывал на шести цилиндрах «Хамбер Супер Снайпа», выжимая из них максимум возможного, вдавив до пола педаль газа.

Радио каждую четверть часа передавало сообщение о том, что советские корабли, шедшие на Кубу, повернули вспять, а Хрущёв выступил с заявлением, в котором дал согласие на вывод советских ракет с острова. Иванов выключил радиоприемник, чтобы не слышать этого.

– Наши корабли шли и всегда будут идти туда, куда захотят, – убеждал он ещё пару часов назад лорда Астора в его имении в Кливдене. – Держу пари с любым из присутствующих, – самоуверенно и разгоряченно предлагал Иванов, – что советские суда ни за что не изменят своего курса.

Гости кливденского имения Астров в тот вечер не знали, как обернется дело. Весь мир замер в напряжённом ожидании. Войны, казалось, было не избежать. Но опасность всё же отступила, сделав события октября 1962 года достоянием истории.

Карибский кризис возник не сразу. После провала американской операции вторжения в заливе Свиней весной 1961 года обстановка вокруг Кубы всё более обострялась. ЦРУ и Пентагон разработали план под кодовым названием «Мангуста». Он был направлен на подрыв и свержение режима Фиделя Кастро.

В апреле 1962 года во время очередного доклада в Кремле министра обороны СССР Малиновского Хрущёв перебил маршала и неожиданно спросил:

– Родион Яковлевич, а что, если запустить в штаны американцам нашего ежа?

Малиновский замолчал, не зная, что ответить. Хрущёв тогда пояснил, что он имеет в виду.

– Нельзя ли поставить наши ракетные системы на Кубу? Мы пока сильно отстаём от США по боеголовкам – раз в пятнадцать, кажется. Быстро это отставание не ликвидируешь. В то же время ракеты у самого порога США резко изменили бы ситуацию.

Министр обороны заметил, что в таком случае речь идёт не столько о военном, сколько о политическом решении.

На заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая 1962 года политическое решение было принято. Инициативу Хрущёва единодушно поддержало высшее политическое руководство Советского Союза. Было признано целесообразным создать мощный ракетно-ядерный плацдарм у самых дверей Соединенных Штатов – на Кубе.

Операция получила кодовое наименование «Анадырь».

Реализация этого плана началась безотлагательно в обстановке максимальной секретности. В общей сложности на Кубу должен был быть переброшен 50-тысячный военный контингент. В его составе была 51-я ракетная дивизия, в которую входило пять полков с установками ракет средней дальности действия: три с 24 ракетами Р-14 дальностью до 1700 км и два полка с 16 ракетами Р-12 дальностью до 3500 км. Каждая из ракет оснащалась ядерной боеголовкой мощностью в одну мегатонну.

Не менее значительной была ядерная нагрузка подводного флота, выдвигавшегося, согласно операции «Анадырь», к берегам Флориды. Семь из одиннадцати подводных лодок, направленных туда, несли каждая по три ракеты Р-13 мощностью в одну мегатонну каждая.

Ядерную составляющую имели даже два дивизиона ФКР – фронтовых крылатых ракет с дальностью действия до 160 км и боеголовками до двенадцати килотонн каждая.

Не менее внушительно выглядели авиация и надводный флот, направлявшиеся к Кубе. Они включали в себя сорок два легких бомбардировщика Ил-28, звено истребителей МиГ-21, а также два крейсера, четыре эсминца и двенадцать катеров типа «Комар» с ракетами Р-15. Плюс два танковых батальона, оснащённых самыми современными на то время танками Т-55, и несколько батарей ПВО.

В случае возможного конфликта это была внушительная сила. И главное – почти вся территория США находилась в зоне достижения советских ядерных ракет.

Хрущёв надеялся, что Кеннеди проглотит, как он говорил, «горькую пилюлю», когда узнает о советских ракетах. Ведь сами американцы уже разместили свои аналогичные по дальности ракеты в Англии, Италии и Турции, а турецкая территория не дальше от границ Советского Союза, чем Куба от США. Хрущёв не без основания полагал, что Советский Союз имеет такое же право, как и Соединённые Штаты, разместить свои ракеты в другой стране с согласия её правительства, особенно если речь идёт о защите этого государства от иностранного вторжения.

В июне в Москву прибыл с визитом министр обороны Кубы Рауль Кастро. Вместе с маршалом Малиновским они парафировали секретный договор о размещении на Кубе советских ракет.

К октябрю 1962 года большая часть советской группировки уже была на Кубе. Причём последние ядерные боеголовки были доставлены на остров уже в разгар Карибского кризиса 24 октября. Пять советских сухогрузов – «Александровск», «Альметьевск», «Николаев», «Дубна» и «Дивногорск» – доставили дополнительно к уже размещённым двадцать четыре ядерные боеголовки для ракет Р-12 и Р-14, а также сорок четыре боеголовки для крылатых ракет ФКР. Так на Кубе оказался целый ядерный арсенал.

Хрущёв понимал, что играет с огнём. Его мучили сомнения. Он потребовал от Лубянки точного прогноза дальнейшего развития событий. Мнение лучших аналитиков советской разведки Хрущёва не устраивало. И тогда консультантом Кремля снова стал уникальный парапсихолог Вольф Григорьевич Мессинг. Он уже много лет сотрудничал с КГБ и ГРУ. Вопрос, поставленный придворному пророку, требовал однозначного ответа: «Будет ли война?»

Два десятилетия до того великий прорицатель уже держал ответ перед кремлёвскими правителями. Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, его вызвал к себе сам Сталин и спросил:

– Кто и когда победит в войне?

Ответ Вольфа Мессинга, как показала дальнейшая история, был предельно точен:

– Война закончится в мае 45-го победой СССР, – сказал он.

В дни Карибского кризиса кремлёвский прорицатель был снова верен себе и дал не менее точный прогноз.

– Войны не будет, – заключил он.

Хрущёва успокоили слова пророка.

Операция «Анадырь» держалась в такой глубокой тайне, что даже руководители министерств и ведомств страны, послы СССР и резиденты советской разведки за рубежом, в том числе и в США, были в полном неведении по этому поводу.

– Я понятия никакого не имел о доставке наших ядерных ракет на Кубу, – вспоминал позднее Иванов. – Да что я?! Насколько мне известно, об этой операции не знал никто в советском посольстве в Лондоне: ни резидент ГРУ, ни резидент КГБ, ни сам посол.

И без того напряжённая ситуация резко изменилась 14 октября. Американские самолёты-разведчики У-2 засекли и сфотографировали на Кубе стартовые площадки советских ракет.

Через три дня грянул Карибский кризис. В понедельник вечером 22 октября Джон Кеннеди выступил по телевидению с обращением к народу. Он объявил об установлении «карантина на все виды наступательного оружия, перевозимого на Кубу». Президент заявил, что для прекращения наращивания на Кубе советского ракетно-ядерного потенциала он вводит блокаду острова, что уже отдан приказ военно-морским силам США останавливать все суда, направляющиеся на Кубу, и досматривать их, а в случае обнаружения оружия отправлять их обратно.

Кеннеди подчеркнул, что вооруженные силы страны приведены в состояние боевой готовности. Он сообщил также, что США внесли в Совет Безопасности ООН проект резолюции, требующей, чтобы СССР демонтировал пусковые установки своих ракет и вывез их с Кубы. Президент отметил в заключение, что блокада – это лишь первый шаг и что он отдал распоряжение Пентагону проводить дальнейшие военные приготовления.

В соответствии с заявлением американского президента вокруг Кубы было образовано кольцо блокады, которое составили около ста боевых кораблей, несколько авианосцев и подводных лодок ВМФ США. Кроме того, Пентагон начал спешно готовить армию вторжения на Кубу – более трёхсот тысяч пехотинцев и десантников, усиленных ударной авиацией и флотом.

Вслед за заявлением о блокаде Кубы президент США направил личное письмо Хрущёву. «Я должен вам заявить, что мы полны решимости устранить угрозу безопасности нашему полушарию, –

подчеркнул он в своём послании. – Выражаю надежду, что советское правительство воздержится от любых акций, могущих лишь углубить этот опасный кризис».

Фактически Кеннеди требовал от Хрущёва вывезти советские ракеты с Кубы без каких-либо условий. В противном случае США были готовы начать войну.

Хрущёв не предвидел столь внезапной и резкой реакции со стороны президента США. Расчёт советского лидера на то, что Кеннеди «проглотит горькую пилюлю», не оправдался. Вашингтон не захотел мириться с советскими ракетами у себя под боком.

Накануне своего выступления по телевидению Джон Кеннеди направил в Лондон с секретной миссией человека из созданной им «кризисной группы». Это был бывший государственный секретарь Дин Ачесон. Он прилетел в Лондон вместе с бывшим резидентом американской разведки в Лондоне Шерманом Кентом и сотрудником Белого дома по связям с ЦРУ Честером Купером. Их сопровождали трое охранников с внушительным атташе-кейсом. В нём были фотографии советских ракетных установок на Кубе, сделанные с самолёта-разведчика У-2 неделю назад.

Послу США в Лондоне сэру Дэвиду Брюсу надлежало на следующий день проинформировать премьер-министра Англии Гарольда Макмиллана о полученной ЦРУ информации относительно военных приготовлений русских. Честеру Куперу, в свою очередь, предстояла встреча с шефом британской разведки МИ-6 Диком Уайтом на ту же тему.

Президента США не могла не беспокоить возможная реакция Англии на события вокруг Кубы. Год назад во время Берлинского кризиса Макмиллан советовал Кеннеди проявить максимальную сдержанность в отношении русских. Если британский премьер и теперь будет сторонником полумер, – полагал американский президент, – то Хрущёв сможет воспринять это как признак излишней осторожности и неготовности к решительным мерам в отстаивании своих интересов. Кеннеди не хотел этого.

Накануне в Вашингтоне английский посол Дэвид Ормсби-Гор, давний друг президента США и доверенное лицо английского премьер-министра, за обедом в Белом доме заверил Кеннеди, что Макмиллан поддержит жёсткую линию США в отношении русских.

Но американский президент хотел это знать наверняка от самого премьер-министра.

Утром 22 октября Гарольд Макмиллан принял Дэвида Брюса и Честера Купера в своём кабинете на Даунинг-стрит, 10. Он внимательно изучил личное послание президента США и фотоснимки советских ракетных установок на Кубе, привезённые в Лондон Динотом Ачесоном. Позднее Купер вспоминал о той встрече: «Реакция Макмиллана на представленные фотографии была любопытной. Внимательно изучив их, он сказал, скорее для себя, чем для нас, указав пальцем на ракетные установки русских: “Теперь американцы поймут, с чем нам в Англии приходится жить уже не один год”. Затем, смущенный этим замечанием, которое могло быть неверно истолковано, он поспешил заверить нас, что наличие ракет на Кубе его очень беспокоит и что он, естественно, окажет Соединённым Штатам всю необходимую помощь и поддержку».

Тем не менее в своём ответном послании президенту США Макмиллан снова отметил тот факт, что «европейцы уже долгие годы живут в непосредственной близости от ядерного оружия противника, и привыкли к этому». Он подчеркнул, что Великобритания окажет максимальную поддержку Совету безопасности ООН в разрешении возникшего кризиса. В то же время английский премьер выразил несогласие с предложением руководства НАТО привести вооруженные силы Великобритании в состояние повышенной боевой готовности.

Позиция Лондона была предельно ясна. Англия оставалась союзником США, но не стремилась быть вовлечённой в конфликт с русскими.

В тот же день премьер-министр собрал заседание британского правительства. Он проинформировал членов кабинета о последних событиях и переговорах с американцами. На следующий день, пригласив к себе лидеров оппозиции – Хью Гейтскелла, Джорджа Брауна и Гарольда Вильсона – Макмиллан познакомил и их с конфиденциальными документами, полученными из Вашингтона.

Лейбористам они явно не понравились.

– Кто сказал, что эти ракеты – наступательные? – недовольно заметил Гейтскелл. – Я не думаю, что наша партия поддержит жёсткие меры американцев.

Вечером Макмиллану по «скремблеру», то есть американской «вертушке», позвонил Кеннеди. Говорил в основном президент США. Английский премьер высказывался редко и кратко. Он главным образом слушал, отвечая своему собеседнику одобрительными репликами. Кеннеди был в целом удовлетворён состоявшимся разговором, но без труда понял, что безоговорочной поддержки от Лондона любым жёстким мерам США ему ждать не приходится.

Переговоры в Лондоне провели и руководители разведок США и Великобритании. В лондонской штаб-квартире МИ-6 на Бродвее, 54, долго беседовали Дик Уайт и Честер Купер. Главной темой, естественно, был Карибский кризис.

Ход напряжённой дискуссии был прерван помощником «Си». Войдя в кабинет шефа, он положил ему на стол срочную шифровку от московского резидента СИС. Неожиданная новость ошеломила переговорщиков. Из шифровки следовало, что советская контрразведка арестовала ценнейшего из послевоенных агентов МИ-6 и ЦРУ – полковника Олега Пеньковского.

Как выяснится позже, КГБ медлил с арестом несколько месяцев, чтобы установить все контакты предателя. Но 22 октября шеф второго главка КГБ генерал Грибанов отдал долгожданный приказ.

Пеньковский предоставил в распоряжение Вашингтона и Лондона поистине бесценную информацию о советском ракетно-ядерном щите. Из этой информации следовало, что шести тысячам американских ядерных боеголовок Советский Союз в ту пору мог противопоставить лишь триста. Преимущество США было подавляющим. Распространявшаяся Хрущёвым во время его поездок за рубеж информация о том, что в СССР «ракеты делают как сосиски», оказалась дутой. Пеньковский помог руководству США вскрыть слабые стороны советской обороны, уверовать в своё военное превосходство над СССР и безбоязненно действовать в ходе Карибского кризиса с позиции силы.

Как станет ясно из рассекреченных затем архивных материалов, Пеньковский получил от ЦРУ и МИ-6 два кодированных телефонных сигнала, которые он должен был использовать при необходимости срочного уведомления своих хозяев. Один означал непосредственную угрозу ареста, другой – угрозу войны вследствие подготовки советского ядерного удара. Пеньковский накануне провала

почувствовал угрозу неминуемого ареста. Но, вместо того чтобы передать соответствующий сигнал, он сделал в московскую резидентуру ЦРУ другой телефонный звонок, сообщая американцам об угрозе ядерного нападения на США со стороны СССР.

Если верить воспоминаниям бывших сотрудников ЦРУ, то на стол Ди-Си-Ай Джона Алекса Маккоуна в Лэнгли легла лишь шифровка об аресте в Москве их агента Олега Пеньковского. Кто-то из замов директора ЦРУ взял на себя ответственность утаить от высшего руководства последний сигнал провалившегося агента. Этот человек в Лэнгли, очевидно, понял, что Пеньковский, видимо, решил, что если уж ему погибать, то лучше погибать со всем миром, и не стал распространять запущенную Пеньковским в эфир ложную тревогу. Нетрудно представить себе реакцию американских ястребов в окружении президента Кеннеди, если бы шифровка из Москвы не застряла в одном из кабинетов Лэнгли, а дошла до них.

Во вторник 23 октября Хрущёв направил ответное личное письмо американскому президенту. Меры, объявленные Вашингтоном, характеризовались в нём как агрессивные. Советский лидер называл их вмешательством во внутренние дела СССР и Кубы, нарушением права суверенного государства на оборону от агрессора. В заключение Хрущёвым выражалась надежда на отмену Соединёнными Штатами объявленных мер во избежание «катастрофических последствий для всего мира».

В тот же день вышло официальное заявление советского правительства по этому вопросу, распространённое информационными агентствами по всему миру. В нём повторялись аргументы, изложенные Хрущёвым в его конфиденциальном послании президенту США.

Всю неделю, предшествовавшую Карибскому кризису, в советском посольстве в Лондоне нарастала напряжённость. Дипломаты и разведчики были готовы действовать, понимая, что промедление в сложившейся ситуации смерти подобно.

– Я без конца тормозил начальство беспокойными и назойливыми вопросами, – вспоминал Иванов. – Что делать, как действовать, что предпринять?! Ведь ждать дольше было нельзя. Но инструкций из Москвы по поводу введённого Соединёнными Штатами «карантина» не поступало. Вообще не было никаких указаний и ориентировок.

И резидент ГРУ Анатолий Павлов, и исполняющий обязанности резидента КГБ Николай Литвинов, и временный поверенный в делах СССР в Великобритании Виталий Логинов оказались в те дни в непрестом положении. После заявления советского правительства дело наконец сдвинулось с мёртвой точки. Сотрудники посольства получили «добро» на работу, срочность и важность которой были беспрецедентны. Ведь судьба мира в те октябрьские дни буквально висела на волоске.

В среду 23 октября Логинов встретился с министром иностранных дел Великобритании лордом Хьюмом. Главный мотив встречи прослеживался без труда – не допустить ядерной войны вследствие Карибского кризиса. Он был понят английской стороной как пожелание русских их британским коллегам оказать соответствующее давление на своих заокеанских партнёров и склонить их к мирным переговорам. Кроме общих слов и ничего не значащих заверений от лорда Хьюма Виталий Логинов на этой встрече не услышал ничего.

В среду утром Иванов позвонил доктору Уарду, и они встретились в его квартире на Уимпол Мьюз. Стивен был чрезвычайно взволнован и обеспокоен сложившейся ситуацией вокруг Кубы. После беседы с Ивановым у него утвердилось мнение, что Советский Союз и США со всеми их ядерными ракетами взяли курс на лобовое столкновение и только чудо может спасти их самих и весь мир от уничтожения.

Советский разведчик, дабы склонить Уарда к сотрудничеству с ним, как мог, подогревал опасения своего английского друга.

– В тот день я сказал Уарду, что на карту поставлена судьба мира, – вспоминал позднее Евгений Иванов. – Видимо, я выглядел не на шутку озабоченным. Стивен, как мне показалось, осознал всю важность момента и предложил мне свою помощь.

План, разработанный Ивановым и Уардом во время их встречи 23 октября, был весьма амбициозен. Он включал сбор из доступных источников информации об английской и американской позиции по кубинскому вопросу. Кроме того, он подразумевал пропаганду идеи о необходимости согласия Уайт-холла на проведение в Лондоне мирной конференции на высшем уровне по разрешению возникшего кризиса. При этом основой для возможной договорённости должно было стать утверждение принципа равной безопасности для СССР, США, Кубы и Западной Европы.

Надо сказать, что никто ни Иванова, ни Уарда не уполномочивал вести такого рода переговоры. На согласование и одобрение начальством этой инициативы у Иванова не было времени. Советский разведчик и его помощник действовали на собственный страх и риск. Они были убеждены, что их инициатива пойдёт на пользу делу.

– На самом деле Карибский кризис меня не смущал, – рассказывал Иванов. – Я был уверен, что дело неизбежно закончится миром. Вашингтон не рискнёт развязывать ядерную войну, даже имея военное превосходство над нами. Ракетный шантаж, задуманный Хрущёвым, мне нравился. Это была неплохая идея – запугать американцев нашими ракетами на Кубе и в обмен на их демонтаж избавиться от «Юпитеров» возле наших границ и получить гарантии безопасности для кубинцев.

Гарольд Макмиллан

Алек Дуглас Хьюм

Годфри Николсон

Доктор Уард был рад взять на себя роль посредника в урегулировании острого международного кризиса и немедленно приступил к работе. Первым делом он связался по телефону с британским МИДом и направил предложения советской стороны о необходимости проведения мирной конференции помощнику государственного секретаря сэру Гарольду Кассия.

Вслед за этим Иванов связался со своим бывшим партнёром по совместной работе в дни Берлинского кризиса сэром Годфри Николсоном. Тот немедленно дал согласие на встречу с ним. Отчёт о состоявшейся беседе с Ивановым сэр Годфри немедленно направил сэру Хью Стивенсону, руководителю Объединённого комитета по разведке.

В тот же день Уард связался по телефону с лордом Астором, который охотно согласился принять участие в мирной инициативе Евгения Иванова и безотлагательно переговорить с влиятельными людьми из британского МИДа.

В своих записках Стивен Уард позднее напишет о тех беспокойных днях:

– Нашей главной целью был премьер-министр страны. Через лорда Астора наше предложение о созыве мирной конференции должен был поддержать Гарольд Макмиллан.

Личным другом английского премьера по совместной учёбе в Итоне и Оксфорде был лорд Эрран. Уард его хорошо знал и связался с ним по телефону. Тот согласился принять Иванова у себя дома в Пимлико хаус неподалеку от Лондона.

После двухчасовой беседы с советским разведчиком лорд Эрран подготовил меморандум, немедленно попавший на рабочий стол премьер-министра страны. К пятнице 26 октября и Гарольд Макмиллан и сэр Алек Дуглас Хьюм имели исчерпывающую информацию об инициативе Иванова.

– Что вы говорили своим высокопоставленным собеседникам в дни Карибского кризиса? – спросил я.

– Говорил об опасности разрастания конфликта, – рассказывал Иванов. – Старался дать понять своим оппонентам, что американское вторжение на Кубу может привести к ответным действиям со стороны Советского Союза в Европе. Утверждал, что британский, французский и американский гарнизоны в Западном Берлине будут смяты советскими войсками за несколько часов, что натовский флот в норвежских фиордах будет блокирован... В общем, пытался припугнуть англичан. Мы со Стивом даже установили время, к которому ждали официального ответа от Великобритании – 16 часов 30 минут 27 октября.

Доктор Уард тем временем пытался убедить своих многочисленных высокопоставленных друзей, что Иванов действует по прямому указанию из Москвы. Он убеждал их, что ответ английской стороны будет известен в Кремле через 20 минут после его получения в Лондоне. Он утверждал, что Хрущёв немедленно примет предложение Англии о проведении мирной конференции и предпримет необходимые шаги для снижения конфронтации вокруг Кубы.

До конца недели инициатива Иванова была передана в ходе конфиденциальных встреч ряду влиятельных британских политиков, в частности председателю партии Тори и лидеру консервативного большинства в парламенте страны Иану Маклеоду, а также одному из руководителей оппозиции, будущему лидеру лейбористов Гарольду Вильсону.

Для «обработки» нужных людей доктор Уард «поднял по тревоге» свою команду девушек. Они немедленно взялись за дело. Полученные ими от клиентов сведения по заданной теме немедленно переправлялись Иванову. Свидания американцам и британцам назначались не только девушками Уарда, но и им самим.

Стив успевал, казалось, повсюду. Несмотря на огромную занятость посла Соединённых Штатов в те дни, доктору Уарду удалось добиться встреч и с сэром Дэвидом Брюсом, и с его помощником Альфредом Уэллсом. Ответы собеседников Стива по Карибскому вопросу доводились до сведения Иванова. В качестве посыльных, доставлявших информацию в советское посольство, Стив снова использовал своих девушек.

Мариэлла Новотна написала позднее в своих неопубликованных мемуарах, что устроила по поручению Уарда в дни Карибского кризиса секс-вечеринку для членов британского парламента. Её участникам было предложено изображать парламентские слушания по ситуации на Кубе, пока Мариэлла и другие девушки обслуживали клиентов.

– Стоя рядом с камином у вороха разбросанной одежды, – писала Новотна, – почтенный джентльмен, представлявший партию тори, держал слово перед другими парламентариями по Карибскому вопросу. Тем временем Сюзи, сидя на ковре, занималась с ним оральным сексом. Оратор был так увлечён своей речью, что почти не реагировал на усилия девушки. После оргазма он прервался лишь на мгновение, чтобы наполнить бокал, и, осушив его, продолжил своё выступление.

Действия тандема Иванов – Уард в дни Карибского кризиса не могли не быть замечены британскими спецслужбами. Для многих специалистов из Леконфилд хаус и Бродвея, 54, становилось всё более очевидным, что доктор Уард работает на русских. Кое-кто даже утверждал, что он – завербованный Ивановым агент.

Что касается реакции британского МИДа на предложения Иванова о созыве мирной конференции в Лондоне, то, пока события вокруг Кубы развивались мирно, без открытых военных действий с той или другой стороны, английские дипломаты не спешили приветствовать инициативу советского разведчика.

Министр иностранных дел Великобритании лорд Хьюм в своих воспоминаниях характеризовал дипломатические манёвры Иванова как «классический советский приём».

– Я думаю, – писал он, – что Советский Союз ставил перед собой две цели. Во-первых, вбить клин между США и Англией. Во-вторых, испытать наше тщеславие и решимость.

На самом деле Иванов в дни Карибского кризиса вовсе не ставил перед собой задачи подорвать атлантическое единство Лондона и Вашингтона. Не стремился он и подыграть англичанам в их стремлении выступить в качестве миротворцев.

– Вопросы мира и войны тогда решались в Москве и Вашингтоне, – рассказывал Иванов, – а не в Лондоне. Я это прекрасно понимал. Моё предложение о мирной конференции готовилось на случай, если Карибский кризис перерастёт в вооруженный конфликт. Обмен ядерными ударами я исключал из сценария возможного развития событий. Но военное столкновение было вполне реально. Вот на случай такого конфликта и готовилось предложение о мирной конференции в Лондоне.

В Москве вся информация по Карибскому кризису стекалась на Лубянку. Специальная группа во главе с Председателем КГБ Семичастным круглосуточно получала и обрабатывала разведывательную информацию, поступающую в Центр по каналам МИДа, ГРУ и КГБ.

– Я просматривал всю информацию, – рассказывал мне позднее Владимир Ефимович, – и отбирал самое главное из потока сообщений. Важнейшие материалы попадали в синюю папку и докладывались ежедневно Хрущёву. Костяк этих материалов, естественно, составляли шифровки резидентов КГБ и ГРУ, а также наших послов в США и на Кубе.

– Какое из донесений вам тогда запомнилось более всего? – поинтересовался я у бывшего Председателя КГБ.

– То, что поступило в пятницу 26 октября, – ответил мне Семичастный. – Это была шифровка ГРУ. В ней говорилось, что в американских вооружённых силах введён второй уровень боевой готовности. Первый, как известно, означал войну. Сообщалось также, что всем госпиталям страны отдан приказ готовиться к приёму раненых. Кроме того, командующий нашей группировкой на Кубе генерал Плиев докладывал, что, по его данным, военно-воздушные силы США нанесут упреждающий удар по острову 27 октября. Эти сообщения не могли не врезаться в память. От них веяло войной.

В течение всех дней кризиса Хрущёв и Политбюро заседали в Москве практически непрерывно. Американские журналисты писали, что и в Белом доме, и в Кремле окна светятся ночи напролёт. Узнав об этом из обзоров прессы, Хрущёв перенёс заседания Политбюро из Кремля за город, на дачу в Ново-Огарёво, куда американским репортёрам было не добраться.

А в кливденском особняке 27 октября собрался триумвират: три лорда – Астор, Эрран и Пакенхам. Позднее к ним присоединился также сэр Годфри Николсон. Все, перемежая беседу за столом закуской и выпивкой, с нервным интересом поглядывали на экран телевизора. С нетерпением ждали вечерний выпуск новостей.

Обстановка вокруг Кубы была накалена до предела. Американские средства ПВО заступили на боевое дежурство по всему восточному побережью США. В воздухе круглосуточно барражировали стратегические бомбардировщики американских ВВС с термоядерными бомбами на борту. Вокруг Кубы сжалось кольцо военно-морской армады Соединенных Штатов Америки. Вооруженные силы Советского Союза и других стран Варшавского пакта также были приведены в состояние боевой готовности.

Накануне Иванов объехал на машине своего болгарского коллеги Николая Ивановича Кливлева основные базы американских и британских ВВС на острове. Лётчики беспечно попивали пиво в барах и флиртовали с местными девушками. Ничего тревожного, никакой повышенной боеготовности советский разведчик не обнаружил, о чём и сообщил резиденту.

Ничем не потревоженная обстановка на Британских островах явно не увязывалась в представлении советского военного разведчика с тем,

что творилось на тот момент по другую сторону Атлантики, вокруг Кубы и в резко осложнившихся советско-американских отношениях.

Карибская авантюра Хрущёва, похоже, мало кому доставляла удовольствие. Военные сетовали на то, что к их советам руководство страны не прислушивается. ГРУ и Генштаб предупреждали Хрущёва, что было бы наивным полагать, что транспортировка громоздких ракетных установок на Кубу может остаться незамеченной для американской разведки.

Дипломаты возмущались тем, что договоренность Хрущёва с Кастро о поставках ракетного оружия на Кубу держалась в секрете не только от чужих, но и от своих. Каково же было им юлить и выкручиваться, уходя от прямого ответа на вопрос о присутствии советских ракет на Кубе, снимки стартовых площадок которых американский представитель в ООН Эдлай Стивенсон представил в качестве вещественного доказательства на заседании Совета Безопасности.

Партийные аппаратчики возмущались диктаторскими замашками Хрущёва, не желавшего даже ставить их в известность о своих сомнительных и весьма рискованных планах. Их беспокоили перспективы нарастающего разлада с Мао и милитаризация Германии. Конфронтация с Соединенными Штатами в этих условиях казалась абсолютно неуместной и совсем небезопасной.

Впрочем, далеко не все были недовольны авантюрной политикой Никиты Сергеевича. Некоторые бесшабашные головы были искренне ею увлечены. В их числе в ту пору оказался и Евгений Иванов. Крылатая фраза Хрущёва «испугали ежа голой задницей» была тогда его любимым лозунгом. Как и советскому лидеру, нашему военному разведчику всё было нипочем.

– Главное, – утверждал Иванов, – это уверенность в собственных силах и нахальство. Пусть американцам будет неповадно окружать нас военными базами. Мы поставим ядерные ракеты прямо у них под брюхом. Знай наших! Никакая система раннего предупреждения не спасет их от удара ракет, подлётное время которых будет всего три-четыре минуты. Пусть-ка они после этого воспротивятся выводу своих ядерных ракет из Турции.

Иванов рассчитывал на успех операции «Анадырь».

– Премьер-министр Гарольд Макмиллан мог бы сделать важный шаг к достижению мира, выступи он с инициативой о созыве лондонской

мирной конференции для разрешения Карибского кризиса, – пытался убедить он англичан. – Хрущёв будет готов принять ваше предложение. Мир в опасности. В ваших руках возможность его спасти.

В ответ на это ему вежливо обещали подумать. Но согласия на свою инициативу от англичан он так и не получил. Впрочем, не он один. Тогдашний временный поверенный в делах СССР в Лондоне Виталий Логинов дважды пытался склонить сэра Алека Дугласа Хьюма к всё той же посреднической миссии.

Эта миссия могла быть востребованной лишь в случае вооруженного конфликта между СССР и США, но его, к счастью, удалось избежать. Англичане не хотели устраивать никаких демаршей без ведома и согласия Вашингтона. А Белый дом и без каких бы то ни было посреднических усилий в Лондоне вёл трудный непрерывный диалог с Кремлем, который принёс в конце концов результаты.

Официальный диалог шёл через советского посла в Вашингтоне Анатолия Добрынина, а неофициальный – через резидента КГБ в Вашингтоне генерала Александра Феклисова. Войдя в контакт с братом американского президента Робертом Кеннеди и установив с ним доверительные отношения, вашингтонская резидентура КГБ через специально установленный канал прямой связи обеспечила непосредственный выход премьера Хрущёва на президента США.

Но Феклисов действовал уже, что называется, на «вспаханном поле». Целину же осваивал в самый ответственный период Карибского кризиса незаслуженно забытый руководством страны Георгий Никитович Большаков – рядовой офицер резидентуры ГРУ в Вашингтоне.

Именно он сделал то, за что другие получили впоследствии и ордена и звезды на погон. Он, несмотря на недальновидный, ошибочный запрет резидента, все же установил тайный канал связи с братьями Кеннеди. Сделал это вопреки руководству вашингтонской резидентуры ГРУ, нарушив приказ и тем самым обрекая себя на неизбежную опалу.

Большаков в Америке, как и Иванов в Англии, словно близнецы-братья, действовали вопреки уставу, на свой страх и риск. Но с одной благородной целью – служения Родине в самый драматический момент ее истории. Они были уверены в своей правоте, поэтому и шли наперекор начальству. И оба добились поставленных целей.

О действии этой «горячей линии» Большакова – Феклисова Иванову рассказали, когда он уже вернулся в Москву. Тогда же от своих друзей из Генштаба он узнал и о том, насколько близки мы были к началу военных действий друг против друга. Даже когда Кеннеди получил от Хрущёва послание, в котором советский премьер соглашался вывести с острова все ракеты, если Соединенные Штаты Америки дадут гарантии невмешательства во внутренние дела Кубы, и, казалось, мирное разрешение конфликта было обеспечено, война чуть было не взорвала эти хрупкие шансы на мир.

Утром 27 октября советской ракетой «земля-воздух» над Кубой был сбит американский разведывательный самолет У-2. Пилотировавший его майор Андерсон стал первой жертвой блокады. Этот случай всколыхнул Пентагон. Генералы требовали от президента США нанести по «комми» ответный удар. Джон Кеннеди с огромным трудом сдерживал их натиск.

По «горячей линии» Феклисова – Кеннеди в Кремль 27 октября было передано полное тревоги послание американского президента. «На меня, – писал он, – оказывается сильное давление. Так может начаться война». Получив это сообщение из Вашингтона, Хрущёв был всерьёз напуган. Он немедленно в ночь на 28-е приказал советским кораблям взять курс на родину. Ракеты и ядерные боеголовки к ним также возвращались домой. Часы войны были повернуты вспять и начали отсчитывать первые минуты мира.

В ту ночь на 28-е, вместо того чтобы радоваться благополучному разрешению конфликта, Иванов был вне себя от ярости. Он чувствовал себя униженным и оскорблённым. Так обмануться в руководителе собственной страны! Хрущёв уступил американцам! Испугался! Приказал нашим ребятам отступить! Эти горькие мысли не давали ему покоя.

На чём свет стоит он клял не только своих, но и правительство Гарольда Макмиллана, которое, сделав ставку на силу Вашингтона, тоже выиграло игру. Евгений Михайлович был уверен, что Советский Союз оказался в проигрыше и американцам, и англичанам. Такое унижение Иванову было трудно перенести.

Вернувшись из Кливдена в Лондон уже под утро, он заехал в посольство. Никто из его работников в ту памятную ночь не ложился спать. Утром военный атташат в полном составе был ещё на ногах.

Ребята в предельном напряжении проработали круглые сутки, не покидая своих служебных кабинетов.

Увидев Иванова, генерал Павлов уставшим голосом проговорил:

– Отправляйся отдыхать. Женя. Никаких докладов от тебя мне сегодня уже не нужно. Сам знаешь, чем дело обернулось.

Дома он выпил стакан водки, чтобы заглушить чувство стыда и унижения, и повалился спать.

Надо сказать, что не только для Евгения Иванова, но и для многих других офицеров Советской Армии октябрь 62-го года стал символом проклятья. Он выпукло и ярко показал нашу слабость перед военной мощью Соединенных Штатов. Вот почему именно с Карибского кризиса берёт свое начало широкомасштабная программа наращивания советских ядерных и ракетных вооружений.

Карибский кризис обошёлся Никите Сергеевичу Хрущёву потерей кремлевского трона. Очень скоро Леониду Ильичу Брежневу без особого труда удастся сколотить группу заговорщиков и, убрав самодовольного первого секретаря в 1964 году на октябрьском пленуме ЦК КПСС со всех руководящих постов, взять бразды правления страной в свои руки.

Военно-промышленный комплекс и партократия, новым лидером которой стал Брежнев, немедленно возьмут курс на достижение стратегического паритета между СССР и США. Радужные планы Хрущева догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла будут положены под сукно. Гонка вооружений получит невиданный новый импульс.

Десять лет спустя, добившись наконец военно-стратегического паритета с США, амбициозная советская партократия продолжит изнурительную гонку, теперь уже за достижение военного превосходства над Соединенными Штатами. Это ввергнет в конце 80-х годов измотанную постоянными лишениями страну в жесточайший экономический кризис. Он приведёт к крушению коммунистических режимов в Европе, к мучительной агонии тоталитарной системы и в конце концов – к распаду некогда могущественного Советского Союза.

Под утро 28 октября Иванов наконец заснул у себя на квартире. Устав за неделю, он спал и не знал ещё, что, хотя минувшей ночью успешно разрешился один серьёзный кризис, к сожалению, возник и другой.

Поздним вечером 27-го в лондонском Сохо, в «Клубе полуночников», произошла стычка между двумя темнокожими любовниками Кристины Килер. Её новый ухажёр из Вест-Индии Джон Эджекомб затеял драку с бывшим поклонником девушки Алоисом Гордоном по прозвищу «Счастливчик». Джонни ножом рассёк «Счастливчику» лицо. В больнице ему наложат семнадцать швов. После кровавой драки в баре возникнет паника. Чтобы не быть схваченной полицией, Кристина успеет сбежать с места происшествия на такси.

Глава 17

Скандал

Без форс-мажора в жизни, увы, не обойтись. Тайный арест советской контрразведкой 22 октября 1962 года в Москве, в самый разгар Карибского кризиса, полковника ГРУ Олега Пеньковского, работавшего на британскую и американскую разведки, смешал карты не только хозяевам предателя, но и московскому Центру.

Пришлось срочно отзывать домой сотни засвеченных «кротом» агентов ГРУ и КГБ.

Под раздачу попала и лондонская резидентура советской военной разведки, в частности ее руководитель, генерал Анатолий Павлов, и капитан 2 ранга Евгений Иванов – однокашники Пеньковского по Академии Советской армии.

На родину из Англии Иванов возвратился с тяжелым сердцем. Предчувствие беды не покидало его.

После отъезда Иванова из Лондона в Великобритании разгорался нешуточный скандал. С каждым новым днём его потенциал нарастал, приближаясь к критической массе. Запал политического скандала поджег безудержный любовник Кристины Килер, молодой негр из Ямайки Джонни Эджекомб.

Кристина познакомилась с ним в 1961 году на вечеринке в Клубе полуночников. Джонни был неплохим музыкантом и нередко выступал в различных ночных клубах. К декабрю шестьдесят второго их любовная интрижка неожиданно превратилась в серьезную проблему. Кристина пыталась избавиться от назойливого ухажера, но тот был страстно влюблён в неё и не мог бросить девушку, которая свела его с ума. Он преследовал её повсюду.

– Я очень упорный парень, мистер Соколов, – объяснял мне мотивы своего поведения три десятилетия спустя Джонни Эджекомб.

Отвечая на мои вопросы, он был не менее темпераментен и энергичен, чем в свои молодые годы.

– Если девчонка шла танцевать со мной в ночном клубе, – вспоминал он, – то ей уже было от меня не отвертеться. Я предложил Кристине переехать ко мне на квартиру в Шеффилд Террас.

Но в ту пору девушке было не до новых любовных приключений. Хватало проблем и со старыми. Ее прежний поклонник Гордон по прозвищу «Лаки», «Счастливчик», нигде не давал ей прохода.

– Она была им до смерти напугана, – рассказывал Джонни Эджекомб. – От волнения все ногти на ее пальцах были изгрызены до основания. Я понял, что девчонка в беде, её преследовали. Это были гангстеры, парни из банды «Лаки» Гордона. За 25 фунтов Кристина купила себе небольшой пистолет и отдала его мне, чтобы я ее мог защитить. А сама вдруг исчезла, сбежала от меня. Я ничего не мог понять. Мне всего лишь хотелось вернуть ее.

14 декабря 1962 года наступил момент истины. Джонни позвонил Кристине по телефону на квартиру доктора Уарда. Стив был на работе, а Кристина проводила время с подружкой Мэнди Райс-Дэвис. Назревала ссора.

– Не звони мне больше! – решительно потребовала Кристина и бросила трубку телефона.

Джонни не желал ничего слушать. Горячая южная кровь ударила в голову. Ему нужна была Кристина. Во что бы то ни стало. Сейчас, немедленно!

Он сунул в карман купленный ею пистолет, взял такси и отправился к дому на Уимпол Мьюз.

В час дня в кабинете доктора Уарда на Девоншир стрит раздался телефонный звонок. Звонила не на шутку напуганная происходившим Мэнди.

Дом доктора Уарда на Уимпол Мьюз, 17

– Джонни ломится к нам в дом, – дрожащим от волнения голосом кричала она в телефонную трубку. – Он сейчас стреляет по входной двери. Что нам делать?!

Уард немедленно вызвал полицию. Килер не стала выходить из дома к ревнивому любовнику. Джонни не мог прорваться к ней, так как входная дверь была наглухо заперта. Разрядив в дверь всю обойму из «Вэджера», он поспешил скрыться с места преступления. Лондонская полиция, впрочем, в тот же день нашла и арестовала его. Кристину и Мэнди пригласили в полицейский участок для дачи свидетельских показаний.

Тем временем вездесущие газетчики уже слетелись на место происшествия к дому номер семнадцать на Уимпол Мьюз, чтобы собрать материалы о случившейся перестрелке. Лондон не Нью-Йорк.

Стрельба на улицах здесь случается нечасто. Интерес к загадочному инциденту был нешуточный.

Телевидение вело прямой репортаж с места событий. Кристина и Мэнди попали в выпуски последних новостей. В бульварной прессе вечером того же дня появились первые заметки о перестрелке на Уимпол Мьюз. Репортеры желтой прессы пытались во что бы то ни стало разобраться в неясных пока для них причинах покушения молодого негра на жизнь белой девушки.

Джонни Эджикомб

Доктор Уард посоветовал Кристине и Мэнди хотя бы на время поменять адрес.

– Вам нужно отсидеться в тихом месте, – убеждал он их, – пока страсти не улягутся.

Девушки, до смерти перепуганные стрельбой и неожиданным интересом к их персонам, безропотно согласились с предложением Стивена Уарда и немедленно переехали жить на квартиру к своей знакомой на Грейт Камберленд Плейс. Тихой жизни на новом месте у них, впрочем, не получилось.

Неутомимые газетчики с помощью «неподкупной» полиции начали постепенно, но уверенно раскручивать историю с загадочными выстрелами. Протоколы допросов в полицейском участке, не

бесплатно конечно, были показаны наиболее настойчивым репортёрам. В них было достаточно информации, чтобы начать потенциально скандальное расследование и заработать на нём деньги. Журналисты начали охоту за девушками с Уимпол Мьюз.

Весьма скоро одна из подружек Кристины Килер выдала дотошным репортёрам место её нахождения. По этому адресу через своих знакомых Кристина стала получать приглашения на деловые встречи. Они были организованы газетчиками. Не прошло и нескольких дней, как поступили первые деловые предложения о сотрудничестве – сначала от «Санди пикториал», а затем и от «Ньюс оф зе уорлд». Это были в те годы самые популярные лондонские еженедельники, издававшиеся миллионными тиражами.

– Расскажите нам вашу историю, всего несколько слов, – уговаривали девушку падкие до сенсаций журналисты, – и тысяча фунтов у вас в кармане.

Поначалу Кристина Килер не поддавалась. Её пугали возможные последствия собственных откровений. Газетчикам пришлось уговаривать девушку целый месяц. За это время предлагаемая за интервью цена выросла вдвое. Оказавшись в тот момент на мели, без достаточных денег, мисс Килер наконец согласилась продать свою историю жёлтой прессе.

И вот 22 января 1963 года еженедельник «Санди пикториал» опубликовал наконец сенсационные откровения никому дотоле неизвестной девчонки Кристины Килер, в одночасье ставшей знаменитостью.

Героиня повествования с помощью редакторов еженедельника красочно и в деталях рассказала о своих отношениях с министром обороны Джоном Профьюмо и русским военным дипломатом Евгением Ивановым.

– Если бы Евгений Иванов скрытно поместил магнитофон и кинокамеру в мою спальню, – излагала Кристина Килер свои суждения в «Санди пикториал», – то военный министр оказался бы жертвой самого страшного шантажа – шантажа со стороны шпиона. Джон Профьюмо располагает таким знанием военных секретов западного мира, что стал бы самым ценным агентом для русских, которого они когда-либо имели.

Кристина начала рассказывать...

Бомба взорвалась. И взрывная волна скандала начала свой всеокрушающий путь. Поползли многочисленные слухи. Начали распространяться сплетни.

– Кристина Килер – любовница высших государственных чинов Великобритании, призванных хранить наши военные секреты, – звучало в эфире британских радио и телепрограмм. – Она, возможно, работала на русских.

Но Кристине этого шума было мало. Она продолжала выкачивать деньги из жёлтой прессы, продавая свои истории и получая взамен не только гонорар, но и растущую популярность. С подачи газетчиков Килер медленно, но верно становилась знаменитостью, причем не только британской. История её любовных приключений начала свой путь по страницам мировой печати.

Давая затем показания в полицейском участке по делу о перестрелке на Уимпол Мьюз, Кристина Килер безапелляционно заявила, что главным действующим лицом случившегося является не кто иной, как доктор Стивен Уард.

– Это он поставлял девчонок вроде меня джентльменам из высшего общества, – заявила она полицейским, чтобы посчитаться с Уардом, запрещавшим ей публичные выступления.

29 января вышла вторая статья в «Санди пикториал» с рассказом о докторе Стивене Уарде, его высокопоставленных клиентах из высшего общества и девушках по вызову, которыми он снабжал сильных мира сего. Потрясённая публика постепенно начинала вникать в разворачивавшуюся историю.

Лондонская полиция еще больше разжигала и без того стремительно нараставший скандал. Она начала уголовное расследование против доктора Уарда. Придворного остеопата обвиняли в сутенерстве и содержании борделя.

Тем временем после двух публикаций в ведущем лондонском еженедельнике Кристиной Килер заинтересовалось руководство издательства «Санди пикториал». Ей предложили написать книгу о событиях, в которые она оказалась вовлечена.

Узнав об этом, Джон Профьюмо через своих адвокатов попытался договориться с Кристиной не публиковать эту книгу. Переговоры проходили неподготовленно, в дикой спешке. После недолгих торгов стороны сошлись наконец на том, что круглой суммы в пять тысяч фунтов стерлингов будет достаточно, чтобы убедить мисс Килер не выпускать книгу и немедленно уехать из Англии в Соединенные Штаты Америки.

5 февраля адвокат Кристины отправился получать обещанные стороной Профьюмо деньги, но ему было выдано лишь 450 фунтов на мелкие расходы. Судя по всему, военный министр в последний момент пожадничал. «Скупой платит дважды» – гласит известная поговорка. Скоро Профьюмо убедится в её справедливости на собственном горьком опыте.

После неудачной попытки вымогательства денег у военного министра Кристина Килер приступает к подготовке своей книги совместно с редакторами из «Санди пикториал». Ей обещают весьма значительный по тем временам гонорар в двадцать тысяч фунтов стерлингов. Бешеные деньги кружат ей голову.

Тем временем в марте шестьдесят третьего первые громкие раскаты начавшегося скандала докатываются до Вестминстера. Публикации в желтой прессе о связях одного из депутатов британского парламента с девушкой для развлечений и русским шпионом вызывают бурю негодования в стенах Вестминстерского дворца. Особенно в стане лейбористов. Следует официальный запрос с их стороны

правительству Гарольда Макмиллана. После изложения распространяемых прессой сведений в запросе был поставлен вполне конкретный вопрос: «Верно ли, что distinguished военный министр участвовал в сборищах, происходивших в замке Кливден, и свел там близкое знакомство с девицей весьма сомнительной репутации?»

Официальный ответ депутата от партии тори Джона Профьюмо последовал незамедлительно. Distinguished министр с негодованием отверг сам факт близких отношений с Кристиной Килер. «Моя жена и я, – говорилось в заявлении военного министра, – познакомились с мисс Килер на вечеринке в Кливдене в июле 1961 года. Среди других приглашённых на ней были доктор Стивен Уард и господин Иванов, атташе русского посольства... В течение 1961 года я ещё с полдюжины раз встречался с мисс Килер, когда навещал доктора Уарда у него на квартире, чтобы повидаться с ним и другими друзьями. С мисс Килер у меня были чисто дружеские отношения».

Авторитет депутата Джона Профьюмо и престиж должности военного министра Великобритании были достаточно высоки, чтобы усомниться в правдивости его официального разъяснения парламенту. В тот же день Профьюмо был принят премьер-министром Гарольдом Макмилланом. Кроме того, поддержку тайному советнику Её Величества оказал и Дом Виндзоров: королева-мать также поспешила принять у себя военного министра, выказав тем самым ему своё несомненное доверие и неизменное уважение.

Угроза самых худших последствий скандала, казалось, была предотвращена. Но это была лишь иллюзия. Манёвр министра с лжесвидетельством в парламенте не предотвратил, а лишь отсрочил ненадолго его падение.

Министр внутренних дел Генри Брук знал из секретных докладов спецслужб, что Джон Профьюмо лжет. Он также был в курсе полученной МИ-5 из окружения доктора Уарда информации о хранящейся у него дома порноколлекции Бэрона и дневника «Четверг-клуба» с компроматом на британскую верхушку. Этот компромат спецслужбы страны безуспешно пытались найти и изъять с начала 50-х годов. А он оказался у их осведомителя!

Опасаясь, что крупный политический скандал поставит под угрозу сами устои британского общества, он разрабатывает план действий, за реализацией которого обращается к руководству лондонской полиции.

Главная цель – поиск пресловутой порноколлекции. Лучшим ищейкам Скотланд-Ярда поручено разыскать коллекцию Бэрона. Все известные коллекционеры порно были взяты в оборот. Обыски и изъятия накрыли весь Лондон, всех любителей «клубнички». Не остались в стороне даже богатые и знатные хозяева порноколлекций, в частности маркиз Милфорд-Хэвен. Какие-то порноснимки сыскари Скотланд-Ярда нашли в Спринг коттедже Стивена Уарда в Кливдене. Но самой коллекции Бэрона и след простыл.

Тогда Генри Брук принимает решение перевести стрелки часов на самого доктора Уарда, чтобы под угрозой судебной расправы заставить его отдать коллекцию.

Уард попал в серьезную переделку. К концу 1962 года его позиции в высшем обществе были серьёзно подорваны. Влиятельные друзья начали обходить Уарда стороной. «Сотрудничество» с МИ-5 и МИ-6, прикрывавших своего «друга» от возможных неприятностей, ушло в прошлое. Очевидные дружеские связи Уарда с Ивановым к концу шестидесяти второго года убедили парней из «пятёрки» и «шестёрки», что их «агент» морочит им голову. Спасительный зонтик прикрытия над ним был убран.

Силы лондонской полиции и контрразведки были подняты по тревоге. Цель операции – поиск и изъятие документального компромата на крупных политических деятелей страны.

Все тайные осведомители получили соответствующие поручения от своих кураторов. Искомый результат не заставил себя долго ждать.

В самой королевской семье вскоре нашелся по крайней мере один увлеченный коллекционер порнографии – маркиз Дэвид Милфорд-Хэвен, кузен и близкий друг супруга английской королевы Елизаветы II Филиппа. Специалисты по истории эротического искусства и порнографии утверждали, что маркиз унаследовал от своих предков одну из наиболее богатых коллекций порнографии в мире. Она включала в себя семь объемных фолиантов, украшенных на титульном листе фамильным гербом рода Милфорд-Хэвенов.

После рейда парней из МИ-5 на дома и квартиры маркиза альбомы его порноколлекции немедленно перекочевали в хранилища Британского музея. Фотографии, «не представлявшие художественной и исторической ценности», были изъяты и уничтожены британской контрразведкой.

Усердно поработав со своими источниками, правая рука МИ-5 – специальный отдел Скотланд-Ярда – установил, что среди больших любителей порнографии в лондонском высшем обществе числился популярный в те годы американский киноартист Дуглас Фэрбенкс – младший

Персонажами его порноснимков тогда стала не только «Марг-оф-Арг», как он называл герцогиню Аргильскую, но и министр обороны Великобритании Дункан Сандс, зять Уинстона Черчилля. Эти снимки Фэрбенкс-младший хранил в своей любимой порноколлекции, о которой знал лишь узкий круг самых доверенных лиц. Они и выдали информацию о пристрастии кинозвезды полицейским. От вселенского позора этого фаната секса спасли связи в Букингемском дворце. Королева-мать была его яркой поклонницей.

Под повальные обыски Скотланд-Ярда попал и еще один коллекционер порно – американский миллионер Бичер Мор, приятель Стивена Уарда. Полицейский наезд так напугал янки, что он немедленно составил дарственную и передал всю свою богатую коллекцию эротики Британскому музею. А что было делать? Парни из грозного спецотдела вполне серьезно обещали усадить супругу коллекционера за решетку по обвинению в содержании притона, если мистер Мор не захочет добровольно сотрудничать с органами. Он захотел. Еще одна часть опасного компромата была изъята и, таким образом, нейтрализована. Начальство британской контрразведки начало было потирать руки. Но работе не было видно конца.

Еще одной жертвой преследований стал один из приятелей Стива Уарда и Евгения Иванова Питер Рахман, крупный лондонский криминальный авторитет. МИ-5 стало известно о его съемках скрытой кинокамерой свиданий людей из высшего общества с девицами легкого поведения в доме Рахмана на Брайнстон Мьюз. Компромат в коллекции подпольного миллионера угрожал доброму имени многих влиятельных людей. И Питер Рахман... скорострительно скончался от сердечного приступа. Денег у него на счетах не нашли. Ценностей – тоже. Пропала и коллекция порнофильмов, которую тайно снимал и собирал опальный миллионер. Скотланд-Ярд и МИ-5 сделали свое дело профессионально.

Шел неустанный поиск порноколлекции Бэрона – Уарда. Обыски в доме Стивена, его рабочем кабинете, на квартирах его друзей и

знакомых, впрочем, не приносили желаемого результата. МИ-5 выручил приятель Уарда Варвик Чарльтон. Он знал об одном из тайников друга в кливденском Спринг коттедже, извлек оттуда порноснимки и передал их в Леконфилд хаус на Керзон-стрит.

Но радость сыскарей была преждевременной. На порнофотографиях не нашлось людей из высшего общества. Это оказались совсем не те снимки, которые искала контрразведка. Коллекцию Бэрона Нэйхума, унаследованную после смерти фотографа доктором Уардом, МИ-5 и Скотланд-Ярд так и не нашли.

Полиции поручается сбор, а точнее говоря, фабрикация «доказательств вины» остеопата. Кроме того, угрозой тюремного заключения министр внутренних дел надеется заставить самого доктора Уарда замолчать. А материалами обвинения – дискредитировать его и отвести интерес публики от Профьюмо и компромата на королевскую семью.

Скотланд-Ярд начинает негласное расследование и организует круглосуточное наблюдение за Уардом и его квартирой. В срочном порядке готовятся материалы обвинения его в сутенерстве.

Казалось, план Брука может сработать, но министр внутренних дел не принял в расчет теневого министра обороны от лейбористов Джорджа Вигга.

Он начал собственное расследование. Встретился со всеми действующими лицами назревавшего скандала. Связался со Скотланд-Ярдом и Секретной службой Её Величества, чтобы получить от них необходимую информацию. Сделал ряд депутатских запросов, в том числе непосредственно в адрес военного министра. Дал серию интервью ведущим газетам страны, выступил по телевидению Би-Би-Си в программе «Панорама».

А когда Джон Профьюмо в ответ на его запрос выступил в Вестминстере с заявлением о том, что в его связях с Кристиной Килер «не было ничего предосудительного», полковник нанёс смертельный удар.

THE END OF THE AFFAIR

SIMON HOGGART talks to Christine Keeler about her second autobiography.

CHRISTINE Keeler is now 41, and has just published her second autobiography. She and a girlfriend wrote the first in 1968 and, she says, it cheered her up enormously to have put down her own version of events. But it wasn't truthful. 'I thought it was quite right for me not to be honest. I said that I'd never been to bed with a man for money; it was a pack of lies, in other words. It was a whitewash on myself.'

She says that the new book, 'Nothing But...' (New English Library, £1.50) is entirely truthful. She took an advance copy to her parents. 'They've taken it all very well indeed, they've been marvellous. I told them I was going on TV a few weeks ago,

she is and, she says, accept her. She still has her astonishing bourgeois figure.

She is also charming, well-spoken and fairly collected, though she smokes a lot, nervously. She says that she has been happy for the past ten years, ever since she left her second husband, Anthony Platt. They had a son called Seymour, who is now eleven and lives with his mother. Her older son, Jimmy, who is 16, lives with her parents.

'I've never been in love, ever. I had a tremendous ego, so my affairs were just ego and lust, rather than love, which is a matter of give and take. Even my husbands were ego trips. I married my first husband just to prove to myself that I was

Christine Keeler as she is today and (right) emerging from the Old Bailey, July '63

Заголовки газет – Профьюмо с позором уходит

Вскоре полковник Вигг предоставил в распоряжение общественности доказательство преднамеренной лжи военного министра в парламенте – интимное письмо, написанное Кристиной своему любовнику Джону Профьюмо. Как это письмо оказалось у Вигга – отдельный вопрос. Сам полковник не смог назвать имя своего благодетеля. Однако многие заподозрили здесь «руку Москвы».

Так или иначе, военный министр был ославлен на весь свет. Он в тот момент с женой отдыхал в Венеции. Там он получает срочную телеграмму с просьбой немедленно вернуться в Лондон. Ведь ложь министра в парламенте оказалась разоблачённой. Оппозиция публично предъявила неопровержимые доказательства связи Профьюмо с Кристиной Килер – их личную переписку, а также заявления свидетелей.

5 июня Джон Профьюмо складывает с себя полномочия министра. Он пишет Гарольду Макмиллану прошение об отставке. «Дорогой премьер-министр, – говорится в письме, – я утверждал, что у меня не было компрометирующих меня связей... К сожалению, должен признать, что это была неправда...»

Военный министр с позором уходит в отставку. Он потрясен. На блистательной и многообещающей карьере Профьюмо поставлен жирный крест. Валери Хобсон, несмотря на известие об измене мужа, поддерживает его в трудную минуту.

Через три дня, 8 июня 1963 года, лондонская полиция арестовывает доктора Уарда по обвинению в сутенёрстве и отправляет его в тюрьму. Газеты начинают печатать отрывки из готовой к печати книги Кристины Килер.

22 июня доктор Уард встречается со своими обвинителями на так называемом «процессе века» в здании Лондонского уголовного суда Олд-Бейли. Он отправлен на скамью подсудимых, и с ним обращаются как с обычным уголовником.

По указанию министра внутренних дел Генри Брука лондонская полиция провела работу со 140 свидетелями обвинения. В ряде случаев нужные показания выбивались под угрозами и давлением. В конце концов, «доказательства» были добыты. Доктору Уарду вменялись обвинения в сутенёрстве, жизни на аморальные доходы, в содержании борделя и проведении незаконных аборт. Некоторые из представленных следствием сфабрикованных свидетельств позорно провалились на судебном процессе.

– Старший инспектор Герберт и сержант Бэрроу угрожали отобрать у меня ребёнка и поместить его в приют, если я не дам показаний против Стивена Уарда, – не побоялась заявить на суде одна из свидетельниц обвинения Ронна Рикардо.

Были и другие отказы «обработанных» свидетелей от своих показаний. Но обвинение упорно стояло на своём. Прокурор сэра Гриффитс-Джоунс потребовал максимальной меры наказания для обвиняемого – 35 лет тюрьмы.

Назревала расправа.

Суд присяжных пытался придать процессу над Уардом некое подобие достоинства. Судья Маршалл скрупулезно следил за тем, чтобы все условности английского судопроизводства были соблюдены. Но сути дела это не меняло.

Доктор Уард обратился к друзьям за помощью. Но никто больше не хотел его даже знать. Лорд Астор публично отвернулся от него, остальные последовали его примеру, не желая иметь дело с подследственным. Кристина Килер и другие дали в суде убийственные показания, обвиняя Стивена Уарда во всех возможных грехах. Судебный процесс превратился в позорный спектакль.

– Надо кого-нибудь принести в жертву, – сказал Стивен Уард приятелю, выходя из Олд-Бейли после очередного заседания суда. – Когда система хочет крови, она ее получает.

Смерть Стивена Уарда.

На следующий день 30 июля 1963 года в состоянии комы его отвозят в больницу Святого Стефана, где, не приходя в сознание, через 72 часа доктор Стивен Уард умирает от отравления барбитуратами. Официальный вердикт – самоубийство.

Суд в Олд-Бейли продолжается без него. Обвинительный приговор выносится уже мертвому Стивену Уарду...

Скандал дискредитировал правительство Гарольда Макмиллана. Чтобы отвести от себя очевидные обвинения, премьер-министр объявил о начале официального расследования всех обстоятельств дела Профьюмо. Оно было поручено лорду Томасу Деннингу, Верховному апелляционному судье страны. Пресса характеризовала его как человека строгих моральных устоев, преисполненного принципов неподкупности и объективности. В народе же по поводу работы комиссии лорда Деннинга говорили так: «Лорд лорду глаз не выколет».

Выводы комиссии лорда Деннинга были легко предсказуемы. Виновным во всех смертных грехах оказался лишь доктор Уард, совративший, в числе многих, и военного министра, почтенного Джона Профьюмо.

Но никакая комиссия не в состоянии была одурачить население всей страны. Разразившийся политический скандал окончательно дискредитировал консервативное правительство Гарольда Макмиллана. Премьер-министр был вынужден объявить об ухудшении состояния здоровья и досрочно сложил с себя полномочия. В конце концов, ему было уже семьдесят три.

Он прожил, однако, еще долгих 22 года, скончавшись в 1986-м в возрасте 95 лет. Его «жизнь после смерти», как сам Гарольд Макмиллан назвал годы, последовавшие за отставкой, прошла весьма достойно и размеренно, без всплесков и потрясений. Бывший премьер-министр устал от суеты своей бурной политической карьеры и хотел лишь покоя. Тщеславием он не страдал, поэтому отказался от предложенного ему Елизаветой II почётного графского титула и Ордена Подвязки, согласившись лишь принять в 1975 году одну единственную награду – Орден за Заслуги.

«Жизнь после смерти» опального министра Джона Профьюмо оказалась ещё более продолжительной. Он дожил до третьего тысячелетия. После «скандала века», увековечившего его имя, потомок итальянских баронов с головой ушёл в благотворительность, то ли замаливая тем самым свои грехи, то ли следуя родовому девизу своих предков, гласящему: «Достоинство и Работа».

Сразу же после вынужденной отставки он стал безвозмездно, по три дня в неделю трудиться в социальном центре при Таунби холл, что в восточном Лондоне, помогая бездомным и нищим, наркоманам и алкоголикам. Изо дня в день, из года в год он разносил подносы с едой и мыл посуду.

В 1975 году королевский Дом Виндзоров, всё так же благоволивший к Профьюмо, удостоил его высокой государственной награды за его общественно полезные дела. Отставной военный министр стал Командором Ордена Британской империи, получив эту награду из рук королевы.

В 1982 году «ударник благотворительного руда», опальный министр Джон Профьюмо, продал за шесть миллионов фунтов стерлингов свою

долю в принадлежавшем ему страховом обществе «Провидент Лайф» какой-то швейцарской компании и окончательно отошёл от страхового бизнеса.

Его очаровательная супруга, бывшая кинозвезда Валери Хобсон, поддерживавшая мужа в тяжелые времена, когда скандал утих, присоединилась к увлечению мужа благотворительной деятельностью. Она стала активисткой британского общества помощи больным лепрой. Более того, Валери Хобсон оказалась инициатором популярной в стране кампании «Ринг Апил» («Сдай кольцо») по сбору драгоценностей среди богатых и знатных людей Великобритании в фонд помощи людям, страдающим проказой. Эту работу она продолжала вплоть до своей смерти в 1999 году.

«Железная леди» Маргарет Тэтчер, пригласившая на свой 80-летний юбилей в 2005 году Джона Профьюмо, позируя перед многочисленными фоторепортёрами, стоя в обнимку с героем «скандала века», сочла необходимым поддержать своего коллегу, ветерана консервативной партии Великобритании.

– Джон Профьюмо – один из наших национальных героев, – заявила она. – Он прожил хорошую и достойную жизнь... Пришло время забыть эту историю с Кристиной Килер.

После юбилея «железной леди» ее «национальный герой» прожил недолго. Джон Профьюмо скончался в марте 2006-го на девяносто втором году жизни.

Летом того же года на прилавки книжных магазинов Лондона вышла книга его сына Дэвида Профьюмо под заголовком «Низвержение правительства». 290 страниц воспоминаний пятидесятилетнего автора о своей семье. Я с интересом прочел эту книгу. В ней немало любопытных рассказов и деталей из жизни знаменитой семьи. Автор дает характеристики своего отца и матери, порой весьма откровенные.

Думаю, Профьюмо-младший внес заметные коррективы в образ «национального героя», который рисовала в последние годы жизни отставного военного министра пресса консервативной партии и некоторые ее лидеры.

Дэвиду было 7 лет отроду, когда грянул скандал с его отцом. Мать тогда следующим образом объяснила своему малолетнему сыну

причину продажи их лондонского дома на Честер террас и отъезда семьи в загородное имение в графстве Хертфордшир. Она сказала:

– Папочка решил оставить политику. Он сказал неправду в палате общин, и теперь у нас будут каникулы за городом. Как замечательно, не правда ли?

«Каникулы» затянулись на всю оставшуюся жизнь.

О «папочке» Валерии Хобсон была невысокого мнения. Итальянский барон изменял ей направо и налево.

– Он абсолютно помешан на сексе, – говорила бывшая кинодива о своем муже, имея в виду, что он готов погнаться за любой юбкой.

Кто бы спорил?

Профьюмо-младший рассказывает в своей книге о том, что его отец и в 90 лет каждый божий день начинал с чтения... нет, не угадали, не лондонской «Таймс», как положено джентльмену и эсквайру, а журнала «Пентхаус» с фотографиями обнаженных див и откровенными рассказами о сексуальных похождениях современных денди.

Разбирая после смерти отца его рабочий стол, Дэвид Профьюмо нашел в нем россыпи ручек с фотографиями голых дам и сценами половых актов. Вот уже воистину говорят: охота пуще неволи.

Вернемся, однако, в шестидесятые.

Дело опального военного министра изменило ход истории. После вынужденной отставки Гарольда Макмиллана новые парламентские выборы в 1964 году выиграла лейбористы и их новый лидер – Гарольд Вильсон. А это был не менее крутой поворот в политической жизни страны, чем тот, что произошел в жизни опального министра Джона Профьюмо. Началась новая эра в истории Великобритании.

Стремительное восхождение мистера Вильсона сначала на пост лидера лейбористской партии, а затем и руководителя страны некоторые известные историки годы спустя связали с «рукой Москвы». Обвинения эти появились не сразу, а лишь ближе к концу двенадцатилетнего срока пребывания лейбористов и их лидера у власти. И испортили немало крови как лейбористам, так и их премьеру.

Первыми войну Гарольду Вильсону объявили американцы, а точнее Центральное разведывательное управление США. Вскоре ЦРУ поддержала и британская контрразведка МИ-5. Премьер-министр

Великобритании был публично объявлен «агентом Кремля», завербованным советской разведкой.

Вспомнили, между прочим, что он еще в 1946 году, будучи министром торговли Великобритании в лейбористском правительстве Клемента Эттли, продал Советскому Союзу сверхзвуковые истребители, которых в СССР тогда не было. И стал вследствие этого любимчиком «дяди Джо» – Иосифа Сталина.

Припомнили также время учёбы Гарольда Вильсона в Оксфорде, где тот явно симпатизировал коммунистам. Взяли на карандаш и его частые деловые поездки в Москву в пятидесятые годы. Его постоянные контакты с кремлёвским руководством.

Кстати пришлась и история о размолвке между Никитой Хрущёвым и лидерами лейбористской партии Великобритании Хью Гейтскеллом и Джорджем Брауном. Она произошла в апреле 56-го во время официального визита Хрущева и Булганина в Англию на приёме в честь советской делегации. Никита Сергеевич тогда отказался пожать руку обоим лидерам лейбористов, публично обозвав их ренегатами и предателями английского рабочего класса. Зато охотно общался с Гарольдом Вильсоном.

Русские намеренно расчищали путь наверх своему любимчику – утверждали «ловцы шпионов» по обе стороны океана. Кремль расправился с Гейтскеллом, чтобы лидером партии стал Вильсон. В январе 1963 года после посещения советского посольства в Лондоне, где его угощали пирожными, старина Хью действительно заболел и скоропостижно умер от заражения каким-то малоизвестным вирусом. Затем неожиданно подал в отставку его заместитель по партии Джордж Браун. Бедняга был пристрастен к выпивке и как-то попался в пьяном виде перед камерами папарацци. Снимки в желтой прессе поставили крест на его политической карьере.

Не менее стремительно впоследствии разразился пресловутый скандал с делом военного министра Профьюмо, сваливший с трона и Гарольда Макмиллана и весь кабинет тори. В числе клиентов команды девушек доктора Уарда оказалась добрая половина правительства тори – шесть ведущих министров, начиная с Селвина Ллойда, заправлявшего финансовыми делами, и кончая министром транспорта Эрнстом Марплсом.

В итоге дорога для ставленника Сталина и Хрущева, как полагали аналитики из ЦРУ и МИ-5, была расчищена. Вильсон стал сначала лидером лейбористской партии, а затем и всей страны. Круг замкнулся. Операция Кремля по продвижению своего агента влияния на пост премьер-министра Великобритании была успешно завершена. В течение долгих лет этот вывод не уставали повторять видные представители английского и американского разведывательных сообществ, а с их подачи и авторы многочисленных статей о пресловутой «руке Москвы» в средствах массовой информации.

В британской печати, в частности, периодически появлялись публикации, рассказывающие о плане «Кольцо». Первым о нём упоминал перебежавший на Запад офицер Первого главного управления КГБ Анатолий Голицын. Затем, два десятилетия спустя, о нём стал распространяться другой предатель – полковник КГБ Олег Гордиевский. Этот секретный план, если следовать их утверждениям, якобы был разработан по указанию кремлевского руководства советскими спецслужбами и ставил своей целью ни много ни мало обеспечение прихода к власти в европейских странах агентов влияния Москвы. При этом назывались такие страны, как Германия, Финляндия, Норвегия, Франция, Великобритания.

Британский премьер-министр Гарольд Вильсон, согласно этой версии, был одним из таких агентов влияния. Как выяснилось позже, Секретная служба Ее Величества завела на него личное дело, как потенциального агента Кремля, еще в 1947 году. Дело получило кодовое название «Досье Уортингтона». Материалы его не рассекречены до сих пор.

По утверждению британской стороны, дело Профьюмо и работа Иванова в Англии однозначно попадали под действие плана «Кольцо».

Подобные выводы и суждения хороши лишь тогда, когда их подкрепляют соответствующие документы. Но секретные архивы спецслужб не спешат раскрывать свои тайны. Доводы перебежчиков и выдвинутые ими гипотезы остаются в таком случае лишь ничем не подкреплёнными, хотя и вполне вероятными версиями тех или иных исторических событий.

Глава 18

Сухой остаток

Выйти на лорда Томаса Деннинга и договориться об интервью с ним, как утверждали мои коллеги – британские журналисты в августе 1993 года, было почти невероятным делом. Старик никого не хотел принимать, разве что только своих добрых знакомых и в связи с публикациями его книг по юриспруденции.

Журналистов он недолюбливал. Комментировать свой исторический доклад по делу Профьюмо отказывался наотрез. Серьезным сдерживающим фактором были, по всей видимости, те обязательства о неразглашении государственной тайны, которые лорд взял на себя в связи с поручением премьер-министра Гарольда Макмиллана провести в свое время (в августе 1963 года) тщательное расследование по делу опального военного министра.

Но удача улыбнулась мне. С помощью друзей и благодаря вышедшему наконец в Лондоне после козней цензуры томику «Голого шпиона» я получил согласие лорда на встречу с ним у него дома.

– Мне уже девяносто четыре с половиной года, мистер Соколов, – кокетливо улыбаясь и усаживаясь в кресло, заявил лорд Томас при нашей встрече. – Солидный возраст, не правда ли? Но все говорят, что я выгляжу лет на двадцать моложе. А вы как полагаете?

Я, естественно, отдал должное прекрасной физической форме хозяина дома. Он добродушно воспринял эту оценку и наградил меня смущённой улыбкой.

Тёплым августовским вечером 1993 года ваш покорный слуга оказался в просторной гостиной дома барона Деннинга в старинном городке Уайтчёрч в графстве Хэмпшир на юге-западе Англии.

Этот маленький посёлок, историю которого в двадцатом столетии прославил род Деннингов, по-своему знаменит. Начальные упоминания о нём можно найти ещё в первом веке нашей эры. А в одиннадцатом здесь уже обосновалась резиденция архиепископа Винчестерского.

Широко известным Уайтчёрч стал в восемнадцатом веке, когда в нём было положено начало бумажному производству. Местная бумага

поражала знатоков своим замечательным качеством. Неслучайно поэтому денежные банкноты многих стран мира выпускались на бумаге, произведённой именно здесь.

В этом городке в 1899 году и родился Томас, четвёртый из пяти сыновей в семье торговца мануфактурой Деннинга. Как я уже отмечал выше, два старших его брата погибли в Первую мировую войну, а два других стали профессиональными военными. Младший из братьев вице-адмирал Норман Деннинг стал директором военно-морской разведки Великобритании и пытался противостоять Евгению Иванову во время его работы в качестве помощника военно-морского атташе советского посольства в Лондоне.

В молодые годы Томас Деннинг закончил Колледж Магдалены в Оксфорде, получив в 1922 году диплом сначала по математике, а затем и по юриспруденции. В дальнейшем потекли десятилетия обычной юридической практики. В 1948 году Деннинга избрали судьёй в Апелляционный суд страны, а в 1957 году – в палату лордов британского парламента. В 1962 году он стал Верховным третейским судьёй.

Перед началом интервью гостеприимный хозяин рассказывал мне о своём доме и его окрестностях.

– Утверждают, что в нашей речке Тест, что за оградой неподалёку, – говорил он, показывая рукой в её сторону за окном, – ещё в конце семнадцатого века любил ловить форель великий Исаак Ньютон. Теперь из-за бумажного производства в ней остались одни пескари...

Мы сидели в мягких креслах, пили ароматный чай с молоком и беседовали.

– Джоан любила гулять у реки, – сказал с неподдельной грустью в голосе лорд Деннинг.

С Джоан Старт, своей второй супругой, Томас Деннинг прожил сорок шесть лет. За два года до нашей встречи её не стало.

– Мы порой останавливались с ней на том мостике над рекой, – вспоминал лорд Деннинг, – смотрели на тёмные воды и долго беседовали.

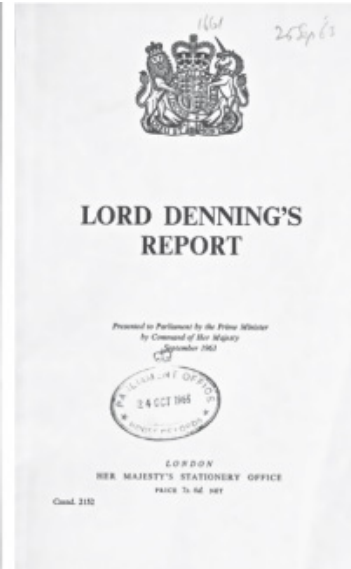
Лорд Альфред Томпсон «Том» Деннинг

Для своего немалого возраста лорд Томас выглядел весьма неплохо. Его лицо покрывал нежный, хотя и не детский румянец. Глаза смотрели живо и даже немного поблёскивали под светом домашней лампы. Лёгкая сутулость при ходьбе не портила его всё ещё стройной фигуры. Он был подтянут, поджар и опрятен, почти как в молодые годы. Память не изменяла ему.

– Доклад мне было поручено сделать в июне 1963 года, – вспоминал хронологию своего участия в деле Профьюмо лорд Деннинг. – Через три месяца я его закончил. Первый тираж в виде приложения к «Санди телеграф» полностью разошёлся за час или два в первый же день продаж. Ни один доклад подобного рода в Англии никогда не был столь популярен, как мой.

После завершения порученной Гарольдом Макмилланом работы лорд Деннинг сдал все материалы проведённого им расследования премьер-министру страны. Лишь небольшая их часть в форме доклада был отдана в печать. И стала достоянием гласности.

Ещё двадцать лет после этого Томас Деннинг верой и правдой служил в Апелляционном суде Великобритании, прежде чем в 1982 году подать, наконец, в отставку.

Лорд Деннинг, архив и доклад по делу Профьюмо

– Между прочим, очень скоро, этой осенью, выходит книга обо мне. Её написала одна милая дама, – не без удовольствия заметил лорд Деннинг. – В ней кое-что рассказано о моей ужасно долгой жизни, о работе в качестве Верховного третейского судьи. И о составлении доклада по делу Профьюмо.

Сказав это, барон вытер платком навернувшиеся на глаза слёзы и смущённо улыбнулся.

– Надеюсь, она будет не хуже первой вашей биографии, – заметил я. – Та вышла, кажется, в 1990 году. И написал её, если не ошибаюсь, ваш давний друг Эдмонд Хьюард.

– Вы читали эту книгу? – барон Деннинг был искренне удивлён.

– Да, сэр, но на десять томов ваших собственных трудов по истории юриспруденции моего терпения, увы, не хватило, – ответил я.

Мы дружно рассмеялись.

В 1963 году этот мужчина с безукоризненной репутацией честного человека и непререкаемым авторитетом бескорыстного судьи был призван вывести родную страну из глубочайшего кризиса. В личном дневнике тогдашнего премьер-министра Гарольда Макмиллана я прочитал такую запись, сделанную им в разгар «скандала века»: «Они

атакуют меня каждый день с новой силой, главный удар направлен именно на меня – старого, некомпетентного, замученного человека».

Макмиллан надеялся на защиту от этих атак в лице Верховного третейского судьи. Лорд Деннинг был готов к бою.

Я предложил хозяину дома мысленно вернуться на три десятилетия назад и попытаться вспомнить порученную ему премьер-министром работу. Исторические события начала шестидесятых годов, видимо, без труда воскрешались в памяти сэра Томаса. Он любезно согласился сделать это.

– Спрашивайте, что вас интересует, мистер Соколов, – предложил хозяин дома.

Первый вопрос, как мне казалось, напрашивался сам собой. С него я и начал.

– Милорд, какую цель ставил перед вами премьер-министр Гарольд Макмиллан, поручая вам взяться за этот доклад в самый разгар политического скандала?

– Вы спрашиваете, в чём была главная задача моего расследования? – переспросил лорд Деннинг.

Хозяин дома на минуту задумался, вздохнул и начал свой неспешный рассказ.

– В том деле, если брать его последствия для национальной безопасности страны, было два главных действующих лица. Первым был ваш соотечественник Евгений Иванов, военный дипломат и разведчик, стремившийся получить интересовавшую его информацию о работе наших государственных структур. Вторым был доктор Стивен Уард, человек, симпатизировавший коммунистам и Советскому Союзу. Моя задача заключалась в том, чтобы определить, были ли упущения в работе с этими действующими лицами со стороны наших специальных служб – полиции, службы безопасности и разведки.

– И к какому же выводу вы пришли, милорд?

– Вывод, который я тогда сделал, всем известен. Я утверждал, что сотрудники наших секретных служб работали в соответствии со своими должностными обязанностями. И ущерб государственным интересам страны не был нанесён.

– Вы и сейчас остаётесь при том же мнении, милорд? – задал я свой главный вопрос.

Лорд Деннинг устало вздохнул и взглянул на меня. Наши взгляды встретились.

– Выключите ваш магнитофон, мистер Соколов, – попросил он, дав понять, что готов мне сказать нечто конфиденциальное.

Я остановил запись.

– Материалы моего расследования засекречены и находятся в спецхране правительства. О них я никогда не говорил. Эти материалы не подлежат разглашению. Если лет через двадцать вам удастся познакомиться с ними, вы, возможно, узнаете о том, что не попало в мой доклад и не было обнародовано. Кроме того, не все сведения, касающиеся дела Профьюмо, были для меня доступны летом 1963 года. Кое о чём весьма существенном я узнал лишь много позже, когда мой отчёт уже был написан.

– Эти новые сведения изменили вашу оценку? – спросил я в нетерпении.

Лорд Деннинг глотнул чаю, развёл руками и уверенным тоном человека, не боящегося признать допущенные ошибки, спокойно, с чувством собственного достоинства сказал:

«Видимо, я был не прав тогда, заявив в своём отчёте, что деятельность русских не угрожала безопасности Великобритании. Евгений Иванов смог добыть значительно больше информации и оказался куда более эффективным агентом, чем я предполагал. Ему и Уарду удалось перехитрить МИ-5...»

Это признание, поверьте, дорогого стоит. Жаль только, что прозвучало оно с глазу на глаз, да и с большим опозданием.

Иванов за рулем элитного «Роллс-Ройса» в Лондоне

Среди многочисленных документов моего архива, относящихся к делу Профьюмо, есть изрядно потрёпанный временем отчёт. Это первое издание доклада лорда Деннинга, вышедшее в форме приложения к воскресному выпуску лондонской «Санди телеграф» от 29 сентября 1963 года.

За годы, прошедшие с тех пор, этот доклад издавался не раз и стал бестселлером в Великобритании среди документов такого рода, принеся немалый доход «Книгоиздательскому офису Её Величества». Цена его за первые тридцать лет выросла многократно – с 7 шиллингов до 5 фунтов стерлингов.

– Мне надо было своевременно позаботиться о своих авторских правах на этот доклад, – заметил мне в ходе нашей беседы лорд Деннинг. – А так весь доход от продаж моего отчёта ушёл в королевскую казну.

Лорд Деннинг – человек ни в чём не нуждающийся и далеко не жадный. Поэтому не следует трактовать его высказывание как жалобу скупого аристократа. Это, скорее всего, была шутка бывшего верховного третейского судьи страны, который вряд ли мог ожидать в далёком 1963 году, что его скромный труд над правительственным

заказом станет всемирно известным и будет переиздаваться не раз даже в следующем, двадцать первом столетии.

Хранящееся у меня издание доклада – это особый экземпляр. Он испещрён многочисленными пометками Евгения Иванова: линиями и значками, междометиями и восклицаниями. Кое-где на полях оставлены краткие письменные комментарии к мнению лорда Деннинга. На титульном листе доклада рядом с названием документа Иванов ручкой вывел: «55 тысяч слов».

Когда отставной военный разведчик подарил его мне, я спросил в недоумении:

– Зачем вы пересчитали количество слов в докладе, Евгений Михайлович?

– Надо же было узнать его содержание, – загадочно улыбаясь, заметил он в ответ.

Я пожал плечами. Иванов заметил моё замешательство и тут же пояснил, что имеет в виду.

– Кроме слов, дружище, в этом докладе ничего нет.

Наверное, Евгений Иванов был по-своему прав. В докладе лорда Деннинга есть многое: имеется четыре части и насчитывается двадцать семь глав, написаны заголовки для каждой из них, есть сноски и индексы. Короче говоря, есть пятьдесят пять тысяч слов, но нет необходимого содержания.

«Почему “гора родила мышь”? Разве Деннинг боялся сказать всю правду?» – возможно, спросите вы.

На этот вопрос есть простой ответ: Деннинг ничего не боялся, но правду сказать не мог. Таков был государственный заказ.

Но есть ответ и посложнее. Дistinguished и многоопытный лорд Деннинг не мог тогда провести необходимое объективное расследование. А если бы и смог, то не имел бы возможности обнародовать его результаты.

Вернёмся, однако, на несколько десятилетий назад, в шестьдесят третий год, чтобы разобраться в ситуации вокруг лорда Деннинга и его доклада.

Летом 1963 года Уайт-холл и Вестминстер были в осаде. Казалось, что на кону стоит не только судьба правительства, но и всей страны. Перед лордом Деннингом премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан поставил почти невыполнимую задачу: не только провести

сложнейшее расследование по делу Профьюмо, но и прийти в результате следствия к таким выводам, которые бы были приняты нацией и спасли страну от хаоса.

В скандал были вовлечены многие британские политические деятели первой величины, а никак не один только Джон Профьюмо. Репутация ряда известных аристократов страны оказалась подмоченной. Расследование британских спецслужб и лорда Деннинга выявило десятки высокопоставленных лиц, встречавшихся с девушками из команды доктора Уарда.

Многие имена долгие годы скрывались. Теперь некоторые из них известны. Это, например, бывший министр финансов Селвин Ллойд, министр транспорта Эрнст Марплз, государственный секретарь по делам колоний Дункан Сандс и министр теневого кабинета Инок Пауэлл. Список можно продолжить.

Кое-кто из высших государственных чинов впоследствии подал в отставку, кто-то смог оправдаться и продолжил свою политическую карьеру. Были и те, кто оказался скомпрометирован своими связями не только с компанией доктора Уарда, но и придворного фотографа Бэрона Нэйхума и королевского живописца Васко Лаццоло, о которых я уже рассказывал выше. Речь шла о видных аристократах, членах королевского Дома Виндзоров и их родственниках. В частности, о виконте Джоне Блэкенхэме, герцогине Аргильской, маркизе Милфорд-Хэван.

Под угрозой оказаться скомпрометированными оказался также супруг королевы Елизаветы II герцог Эдинбургский и её сестра принцесса Маргарита. Приведённый список потенциальных жертв возможного компромата далеко неполный.

– Моя особая задача, о которой не принято было говорить, – вспоминал в беседе со мной лорд Деннинг, – заключалась в том, чтобы вывести всех этих весьма влиятельных и уважаемых людей из-под неминуемого, казалось, удара, не допустить попадания компрометирующих их материалов в грязные руки.

В те памятные девяносто дней работы над заказанным ему правительством докладом по делу Профьюмо своё расследование Деннинг проводил в специально отведённом кабинете в здании министерства финансов на Уайт-холле в центре Лондона. Через этот кабинет летом шестьдесят третьего года прошли самые разные люди:

высокие чины с Даунинг-стрит и близкие родственники обитателей Букингемского дворца, модные проститутки и известные наркобароны. Место проведения расследования необходимо было держать в секрете от репортёров и папарацци, ибо жёлтая пресса вела постоянную охоту за новыми сенсациями вокруг «скандала века».

– Сложность моего положения заключалась ещё и в том, – вспоминал события тридцатилетней давности лорд Деннинг, – что мне приходилось быть единственным действующим лицом, играющим роль сразу нескольких персонажей. Я должен был работать не только следователем, но и выступать как прокурор и адвокат одновременно. Кроме того, мне надлежало вынести свой вердикт, то есть выступить и в качестве судьи. Помимо всего прочего, я не должен был забывать о задачах цензора. Не говоря уже о миссии хранителя государственных секретов и личных тайн высокопоставленных персон.

По любым меркам эта миссия лорда Деннинга была практически невыполнима. Разве можно одновременно быть следователем и судьёй, прокурором и адвокатом? И уж никак нельзя провести объективное расследование, если оно освобождает от ответственности сильных мира сего

Скрытая, секретная часть расследования Деннинга, материалы которого не были обнародованы в докладе и хранятся за семью печатями, касалась прежде всего установления компрометирующих материалов на государственных лиц страны, облечённых высокими полномочиями. Каждый день в ходе своего расследования Верховный третейский судья вёл конфиденциальные беседы в своём кабинете с потенциальными жертвами компромата. Лорду Деннингу важно было объяснить каждому из своих клиентов, что их сотрудничество с ним необходимо прежде всего им самим в интересах их же собственной безопасности.

Авторитет Верховного третейского судьи страны оказался настолько высок и непререкаем, что долго убеждать его клиентов не было особой нужды.

– Некоторые из услышанных мною в служебном кабинете свидетельств оказались настолько отвратительны и непристойны, – вспоминал лорд Деннинг, – что мне не раз приходилось на время отказываться от услуг женщин-стенографисток.

Не берусь судить, чего было больше в этом решении Деннинга – потребности защитить нежный женский слух своих секретарш от шокирующих подробностей сексуальных приключений представителей британской элиты или стремления не документировать наиболее «взрывоопасные» показания своих свидетелей, порочащие доброе имя известных людей. Так или иначе, секретные архивы Её Величества не досчитались многих, возможно, наиболее скандальных и откровенных историй, связанных с делом Профьюмо.

Но иначе составитель правительственного доклада поступить не мог. В конце концов, лорд Деннинг отстаивал в ходе проводимого им расследования не только государственные, но и свои собственные интересы. Точнее говоря, интересы своего класса. Ведь он сам принадлежал к элите традиционно разношёрстного, сословного британского общества. Пусть не по происхождению, но по заслугам он стал бароном, лордом, верховным судьёй. И стоять на страже государственных интересов, равно как и интересов высшего общества, было для него делом наиважнейшим.

Благодаря суду в Олд-Бейли и расследованию лорда Деннинга спецслужбам страны удалось достаточно быстро установить основных, хотя и не всех, носителей компромата на касту неприкасаемой английской элиты. Им была уготована трагическая участь.

С доктором Уардом, как известно, было покончено ещё до завершения суда: основной обвиняемый на процессе «отравился». Кристина Килер и Джонни Эджекомб оказались за решёткой. Были найдены мёртвыми при невыясненных обстоятельствах многие девушки из команды Уарда – Фрэнсис Браун, Ивонна Брукс, Ханна Тэйлфорд, Джули Галливер, Мариэлла Новотна.

Фрэнсис Браун, любовницу придворного портретиста Васко Лаццоло, нашли задушенной на одной из свалок в лондонском районе Кенсингтон в 1964 году. Ивонну Брукс, подружку лорда Виллоуби, обнаружили мёртвой в одном из номеров лондонского отеля Хилтон в том же 1964 году. Вскоре была убита и Ханна Тэйлфорд, любовница маркиза Милфорд-Хеван.

Те из девушек доктора Уарда, кто остался жив, вроде Сузи Чанг и Викки Баррет, вынуждены были бежать из страны, меняя свои имена и места жительства.

Никто из немногих выживших под угрозой жёстких репрессий со стороны правоохранительных органов не решался встречаться с журналистами и распространяться о своём участии в деле Профьюмо. Британским спецслужбам удалось запугать и заставить замолчать практически всех носителей сколь-нибудь значимой информации. А данные проведённого расследования были строго засекречены и спрятаны от лишних глаз.

И всё же некоторые из скандальных, а следовательно, и секретных материалов следствия не удалось удержать за семью печатями в сейфах секретных служб. Журналисты – народ дотошный и вьедливый. Кое-какие сведения благодаря их неустанным усилиям попали в прессу и стали достоянием гласности.

Одна группа материалов касалась, в частности, традиционных интимных вечеринок («секс-пати»), которые проводил в домах аристократов доктор Уард и его друзья. Непременными их участницами были неотразимые девушки из его команды. На этих мероприятиях нередкими ВИП-гостями были всё те же министры, аристократы и члены британской королевской семьи.

Назывались эти посиделки «Вечерами с мужчиной в маске». Для тех читателей, кто имел возможность посмотреть нашумевший фильм 1989 года английского кинорежиссёра Майкла Кейтона-Джоунса «Скандал», о содержании этих вечеринок нет смысла рассказывать. Они весьма живописно представлены на экране. Тем же, кто не видел этой картины, скажу лишь, что речь идёт о сексуальных оргиях, где в компании голых див обнажённые мужчины появлялись в масках. Таким образом, некоторые из представителей британского высшего общества, очевидно, пытались скрыть своё лицо.

Королевский фотограф Бэрон Нейхум

Скрыть его, однако, не удалось. Бэрон Нейхум, Стивен Уард, Питер Рахман и Денис Гамильтон любили фотографировать на память подобного рода мероприятия, о чём я уже рассказывал выше. Так появилось несколько тайных коллекций порноснимков, персонажами которых были многие знаменитости.

Лорд Деннинг на начальном этапе своего расследования понял, что в руках придворного остеопата и любителя «клубнички» оказался убийственный компромат на многих именитых участников «Вечеров с мужчинами в маске».

Начались поиски злополучных фотографий и беспечных завсегдатаев этих оргий. Скотланд-Ярду удалось благодаря помощи друзей доктора Уарда найти часть скандальных фотоснимков и наложить на них арест. Были выявлены и сами любители сексуальных забав. Их пришлось увещевать лорду Деннингу в стенах своего кабинета на Уайт-холле. Никто не оправдывался и не кривил душой. Все приглашённые на беседу к Деннингу прекрасно понимали, что от сотрудничества с бароном зависит их дальнейшая судьба.

Друг Стивена Уарда журналист Варвик Чарльтон видел некоторые из этих арестованных фотографий и сказал о них следующее:

– Это были довольно откровенные фотоснимки абсолютно голых мужчин и женщин. Среди них оказались достаточно известные люди:

деятели консервативной партии, члены королевской семьи... Довольно неприглядная картина.

Лорду Деннингу удалось спасти этих высокопоставленных «деятелей» от смертоносного для их карьеры компромата. Благодаря его усилиям оказалось защищённым от куда большего скандала и всё британское общество.

В самом же докладе лорда Деннинга об этом главном направлении его работы, естественно, не было сказано ни слова. Государственные интересы превыше всего!

Не было сказано и о том, что некоторые материалы из личного архива доктора Уарда могли перебраться из Лондона в Москву в архивы кремлёвских спецслужб. Ведь дневник «Четверг-клуба» и скандальная порноколлекция придворного фотографа Бэрона Нейхума, завещавшего её Стивену Уарду, так и не были найдены ни ищейками из Скотланд-Ярда, ни агентами Секретной службы Её Величества.

Как они могли быть использованы советской разведкой и использовались ли вообще? Этот вопрос, очевидно, беспокоил и продолжает беспокоить многих историков и специалистов. Ведь цена ответа на этот всё ещё актуальный вопрос достаточно высока – безопасность Великобритании.

После нашей встречи в 1993 году лорд Томас Деннинг прожил ещё шесть лет. Отметив в январе 1999 года своё столетие, он в марте того же года тихо скончался в родном Уайтчёрче.

Через два года после его смерти внук лорда Нормана Деннинга, бывшего директора военно-морской разведки Адмиралтейства, Стюарт Стреттон-Хилл был принят в Юридическое общество Великобритании. Он не пошёл служить в армию и не стал военным разведчиком. Молодой Деннинг выбрал более мирную профессию юриста, пошёл по стопам «самого знаменитого британского судьи двадцатого века».

– Дядя Том был бы рад моему решению, – сказал тогда Стюарт.

...Запись беседы с лордом Деннингом в конце 1993 года я привез в Москву. Собирался показать Иванову. Готовился к съемкам совместного со Вторым немецким телеканалом ZDF документального фильма о нем.

Но случилось непоправимое. В январе 94-го Евгения Михайловича Иванова не стало. Похоронили разведчика со всеми воинскими почестями.

Умер человек. Родилась легенда...

В последний путь – похороны Е.М. Иванова

Уже более полвека в новейшей истории существует термин «дело Профьюмо». На самом же деле не было никакого дела Профьюмо. Не он поставил под угрозу тотальной дискредитации политическую власть в Великобритании.

В порноколлекции Бэрона, которую разыскивала британская контрразведка и Скотланд-Ярд и которая обнаружила себя в Москве, главные роли исполняли другие персонажи.

Правительственное расследование лорда Деннинга вывело их из-под удара, взвалив всю ответственность на придворного остеопата доктора Уарда и девиц из его окружения. Его отправили на голгофу. Барон Профьюмо в качестве необходимой жертвы и дабы другим стало неповадно был посрамлен и выведен из политической игры.

В эпицентре скандала на самом деле был вовсе не британский военный министр Джон Профьюмо, а супруг королевы Елизаветы II герцог Эдинбургский. Он попал под удар из-за своего скандального

поведения, ставшего известным сначала королевскому фотографу Бэрону Нейхуму, затем его другу доктору Стивену Уарду и, наконец, его приятелю, офицеру советской военной разведки Евгению Михайловичу Иванову.

Об этом свидетельствует коллекция королевского фотографа, с удовольствием снимавшего Филиппа в минуты его интимных развлечений. С увлечением прирожденного летописца Бэрон вел также и дневник «Четверг-клуба».

Лорд Деннинг смог спасти многих высокопоставленных особ от смертоносного для их карьеры шантажа и компромата, пообещав им защиту в обмен на откровенность. Свою лепту, несмотря на заметные промахи в работе, внесли в дело обеспечения государственной безопасности британская полиция и Секретная служба Её Величества.

Их сотрудникам удалось устранить наиболее неуступчивых свидетелей, запугать других, утихомирить или подкупить несговорчивых репортеров, ликвидировать всплывавшие то тут, то там улики, словом, замести оставленные участниками событий следы.

Дело Профьюмо спустили на тормозах.

Лондон не хотел продолжения политического скандала с непредсказуемыми последствиями. Ему не нужны были новые политические жертвы.

Москве продолжение скандала тоже было не с руки. Разглашение новой компрометирующей западных политиков информации, добытой Ивановым, грозило неизбежными обвинениями в адрес Кремля в тайном заговоре, в подрывной деятельности и грубом вмешательстве СССР во внутренние дела суверенных государств.

Руководству СССР такая перспектива не нравилась. В Кремле возобладал трезвый прагматизм. Верх взяла разрядка в отношениях с Западом, а не нагнетание международной напряженности.

В итоге добытый компромат был положен под сукно.

Приложения

Приложение 1

Организационная структура и руководство Главного разведывательного управления Генштаба вооруженных сил СССР (1960–1963)

Начальник ГРУ ГШ (*генерал армии Серов И.А.*)

Заместитель по оперативным вопросам (*генерал-майор А.С. Рогов*)

Заместитель по административным вопросам (*генерал-майор Хаджи Мамсуров*)

Партком (*секретарь парткома полковник Аликин*)

1-е управление – нелегальная разведка (*контр-адмирал Бекренев Л.К.*)

2-е управление – стратегическая разведка в европейских странах (*генерал-майор Коновалов А.А.*)

3-е управление – стратегическая разведка в англо-американских странах (*генерал-полковник Соколов В.С.*)

4-е управление – стратегическая разведка в странах Среднего и Ближнего Востока (*генерал-майор Меклишев П.П.*)

5-е управление – диверсии (*генерал-майор Кочетков М.А.*)

6-е управление – оперативно-разведывательная служба в военных округах, граничащих с зарубежными странами

Управление информации (*генерал-майор Корневский Н.А.*)

Управление военно-морской разведки

Управление делами, хозяйственное обеспечение управлений и отделов

Отдел научно-технической разведки (*генерал-полковник Шелиганов*)

Отдел связи (шифры и дешифрование) (*полковник Силин*)

Отдел стран народной демократии

Отдел стран Африки

Отдел зарубежных связей (*генерал-полковник Маслов М.С.*)

Отдел связи и радиоразведки

Организационный отдел

Архивный отдел

Отдел кадров

Отдел учебных заведений (*Военно-дипломатическая академия, Военный институт иностранных языков, Институт связи, Разведшкола в Филях для младших офицеров, Школа по подготовке нелегалов, Диверсионная школа*)

Приложение 2

Структура и руководство резидентуры ГРУ в Лондоне (1960)

Резидент – генерал-майор Толоконников Лев Сергеевич
Заместитель резидента – полковник Павлов Анатолий Георгиевич
Заместитель резидента по руководству технической службой (ТС)
Заместитель резидента по нелегальной работе
Нелегальный резидент
Радист
Шифровальщик

Руководители военного атташата:

Военный атташе – генерал-майор Ефимов Иван Павлович
Военно-воздушный атташе – полковник Румянцев Федор Селиверстович
Заместитель военно-воздушного атташе – майор Белоусов Анатолий Николаевич
Военно-морской атташе – капитан 1 ранга Сухоручкин Константин Николаевич
Помощник военно-морского атташе – капитан 2 ранга Сакулькин Иван Павлович
Помощник военно-морского атташе – капитан 3 ранга Иванов Евгений Михайлович

Приложение 3

Структура и руководство КГБ СССР (1954–1991)

Председатели КГБ

Серов Иван Александрович (1954–1958)
Шелепин Александр Николаевич (1958–1961)
Семичастный Владимир Ефимович (1961–1967)
Андропов Юрий Владимирович (1967–1982)
Федорчук Виталий Васильевич (1982)
Чебриков Виктор Михайлович (1982–1988)
Крючков Владимир Александрович (1988–1991)
Бакатин Вадим Викторович (1991)

Управления КГБ

Первое главное управление – внешняя разведка
Второе главное управление – внутренняя безопасность и контрразведка
Третье главное управление – военная контрразведка
Четвертое управление – борьба с антисоветскими элементами (1954–1960); безопасность на транспорте (1981–1991)
Пятое правление – экономическая безопасность (1954–1967); борьба с антисоветскими элементами (1967–1989)
Шестое управление – безопасность на транспорте (1954–1960); экономическая контрразведка и промышленная безопасность (1981–1989)
Седьмое правление – оперативно-поисковая работа
Восьмое главное управление – шифровально-дешифровальное, обеспечение связью
Девятое управление – охрана руководителей партии и правительства (1954–1990)
Десятое правление – управление коменданта Московского Кремля (1954–1959)
Четырнадцатое управление – медицина, здравоохранение

Пятнадцатое управление – обеспечение деятельности защитных объектов (1969–1991)

Шестнадцатое управление – электронная разведка, радиоперехват и дешифровка (1973–1991)

Управление «З» – защита конституционного строя (1989–1991)

Главное управление пограничных войск – охрана государственной границы (1954–1991)

Оперативно-техническое управление (ОТУ)

Управление строительства военных объектов

Центр общественных связей – решение задач «по развитию связей с трудовыми коллективами, общественными организациями и средствами массовой информации» (1990–1991).

Управления и службы Первого главного управления

Управление «К» – контрразведка

Управление «С» – нелегалы

Управление «Т» – научно-техническая разведка

Управление «РТ» – операции на территории СССР

Управление «ОТ» – оперативно-техническое

Управление «И» – компьютерная служба

Управление разведывательной информации (анализ и оценка)

Служба «А» – тайные операции, дезинформация (т. н. «активные мероприятия»)

Служба «Р» – радиосвязь

Электронная разведка – радиоперехват

Отделы КГБ СССР

Правительственная связь

Следственный отдел

6 отдел – перехват и перлюстрация корреспонденции

12 отдел – прослушивание

Высшая школа КГБ

Подразделение специального назначения «Гром» КГБ СССР, Группа «А» КГБ СССР, т. н. «Альфа» (1974–1991)

Подразделение «Вымпел» КГБ СССР, Группа «В» (1981–1991)

Приложение 4

Организационная структура и руководство британской контрразведки МИ-5 (1960–1963)

Генеральный директор (Director General) – *Роджер Холлис*

Заместитель генерального директора (Deputy Director General) –
Грэхам Митчелл

Помощник генерального директора (Personal Assistant to Director General) – *Уолтер Белл*

Управление А. Администрация – *Малкольм Камминг*

Отдел политики

Отдел технической поддержки

Отдел наружного наблюдения («топтуны»)

Хозяйственный отдел

Отдел обработки данных. Архив

Юридический отдел

Управление В. Кадры – *Джон Мэрриотт*

Отдел по набору персонала

Отдел проверки кадров

Отдел продвижения по службе

Пенсионный отдел

Управление С. Безопасность – *Энтони Симкинс*

Гражданские служащие

Контрактники

Военная безопасность

Саботаж

Управление Д. Контрразведка – *Мартин Фурнивал Джоунс*

Отдел СССР

Отдел стран-сателлитов СССР

Научно-исследовательский отдел

Агентура

Управление Е. Дальнее зарубежье.

Отдел международного коммунизма

Отдел Дальнего Востока

Отдел других регионов мира

Управление Ф. Политические партии – *Алекс Келлар*
Отдел политических партий (левое крыло)
Отдел политических партий (правое крыло)
Научно-исследовательский отдел
Агентура

Приложение 5

Структура британской разведки МИ-6 (1960–63)

Руководитель МИ-6 (Chief of Secret Service)

Вице-руководитель (Vice-Chief)

Заместитель руководителя (Deputy Chief)

Директор по административным вопросам

Директор по вопросам подготовки кадров и развития

Директор по планированию операций

Директора производств (Production):

DP 1:

Северный сектор P 1 – СССР и Скандинавия;

Западный сектор P 2 – Франция, Испания, Северная Африка;

Восточный сектор P 3 – Германия, Австрия, Швейцария.

DP 2:

Ближний Восток P 4 – Египет, Иран, Ирак, Сирия и др.;

DP 3:

Дальний Восток P 5 – Латинская Америка, Дальний Восток;

DP 4: Операции в Лондоне.

Директора потребностей (Requirements):

R 1: Политика

R 2: Военно-воздушные силы

R 3: Военно-морские силы

R 4: Вооруженные силы

R 5: Контрразведка

R 6: Экономика

R 7: Финансы

R 8: Связь

R 9: Наука

Приложение 6

Структура и руководство ЦРУ США

Директор ЦРУ

Заместитель директора ЦРУ

Помощник заместителя

Помощник директора ЦРУ по военной поддержке

Директораты и офисы

Разведывательный директорат

Национальная секретная служба

Научно-технический директорат

Директорат снабжения

Центр изучения разведки

Офис главного юрисконсульта

Офис генерального инспектора

Офис общественных связей

Офис по военным делам

Международный отдел расследований

Директоры ЦРУ

контр-адмирал Сидни Уильям Соерс (1946)

генерал-лейтенант Хойт Сенфорд Ванденберг (1946–1947)

контр-адмирал Роскоу Генри Хилленкоттер (1947–1950)

генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит (1950–1953)

Аллен Уэли Даллес (1953–1961)

Джон Алекс Маккоун (1961–1965)

вице-адмирал Уильям Френсис Рейборн (1965–1966)

Ричард Макгарра Хелмс (1966–1973)

Джеймс Родни Шлезингер (1973)

генерал-лейтенант Вернон Энтони Уолтерс (1973)

Уильям Иган Колби (1973–1976)

Джордж Герберт Уокер Буш (1976–1977)

Инно Генри Ноуч (1977)

адмирал Стэнсфилд Тёрнер (1977–1981)

Уильям Джозеф Кейси (1981–1987)

Роберт Майкл Гейтс (1986–1987)
Уильям Хеджкок Уэбстер (1987–1991)
Ричард Джеймс Керр (1991)
Роберт Майкл Гейтс (1991–1993)
адмирал Уильям Оливер Студеман (1993)
Роберт Джеймс Вулси (1993–1995)
адмирал Уильям Оливер Студеман (1995)
Джон Марк Дейч (1995–1996)
Джордж Джон Тенет (1996–2004)
Портер Джонстон Госс (2005–2006)
генерал Майкл Винсент Хайден (2006–2009)
Леон Панетт (2009–2011)
Генерал Дэвид Хоуэлл Петрэус (2011–2012)
Джон Бреннан (2013–2017)
Майк Помпео (2017–2018)
Джин Хэспел (2018)

Приложение 7

Руководство и структура ФБР США

Директора Федерального бюро расследований

Джон Эдгар Гувер (1936–1972)

Луис Патрик Грей III (1972–1973)

Уильям Ракельхаус (1973)

Кларенс Келли (1973–1978)

Джеймс Б. Адамс (1978)

Уильям Х. Уэбстер (1978–1987)

Джон Е. Отто (1987)

Уильям С. Сэйнс (1987–1993)

Флойд И. Кларк (1993)

Луи Дж. Фри (1993–2001)

Томас Дж. Пиккард (2001)

Роберт Мюллер (2001–2013)

Джеймс Коми (2013–2017)

Эндрю Маккейб (2017)

Кристофер Рэй (2017)

офисы и отделы

Офис по вопросам полноправного трудоустройства

Офис генерального юрисконсульта

Офис профессиональной дисциплины

Офис общественных отношений и по связям с Конгрессом

Агенты ФБР в Вашингтоне

Отдел по административному сервису

Отдел по контртерроризму

Криминальный следственный отдел

Информационный криминальный отдел юстиции

Финансовый отдел

Отдел информационных источников

Инспекционный отдел

Сервисный следственный отдел

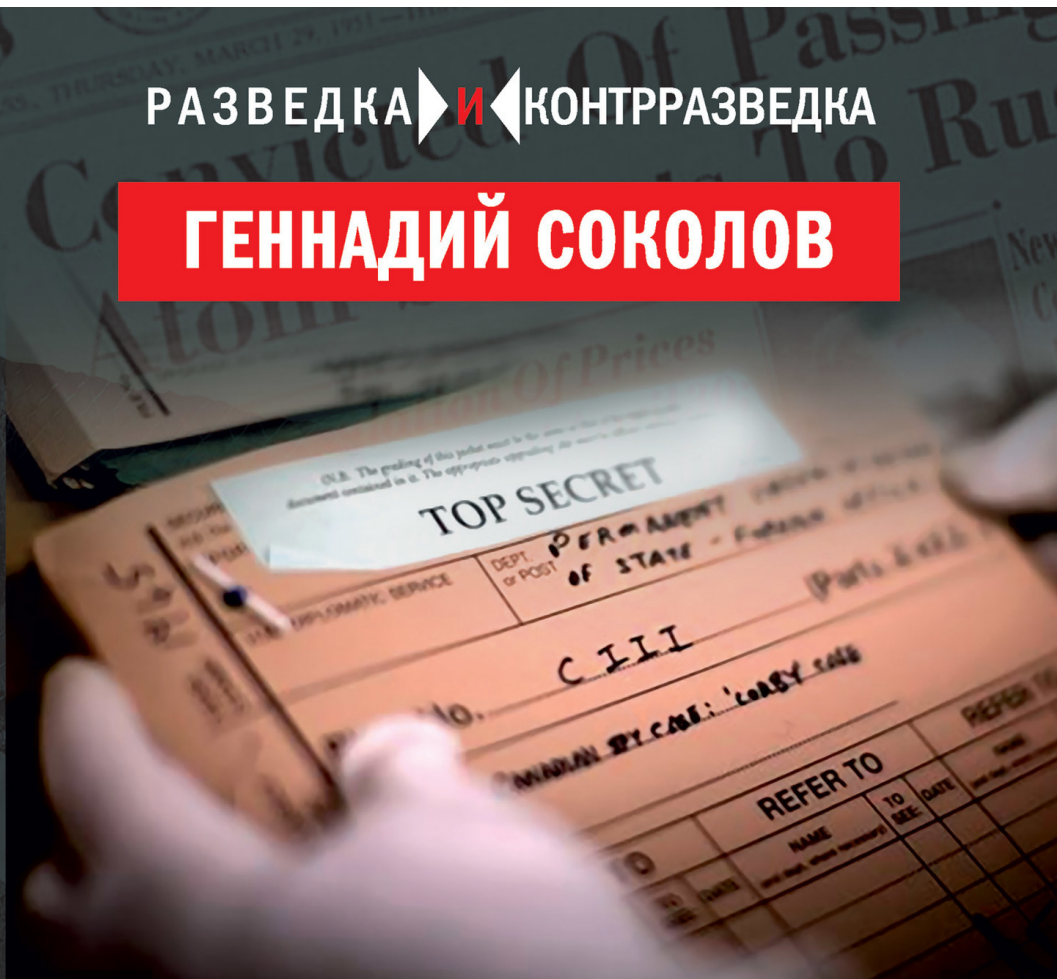
Лабораторный отдел

Отдел национальной безопасности

Отдел подготовки

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА

ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ

ГРУ ПРОТИВ

МИ-5 И ФБР

СКАНДАЛ-63

